Окончил Уральский политехнический институт (1951), инженер-металлург. Кандидат технических наук (1970), с.н.с. (1974).

Заслуженный металлург РСФСР (1986). Лауреат Государственной премии СССР (1984). Награжден орденами Октябрьской Революции (1980), Трудового Красного Знамени (1971), Отечественной войны II ст. (1985), медалями, в т.ч. «За боевые заслуги» (1943).

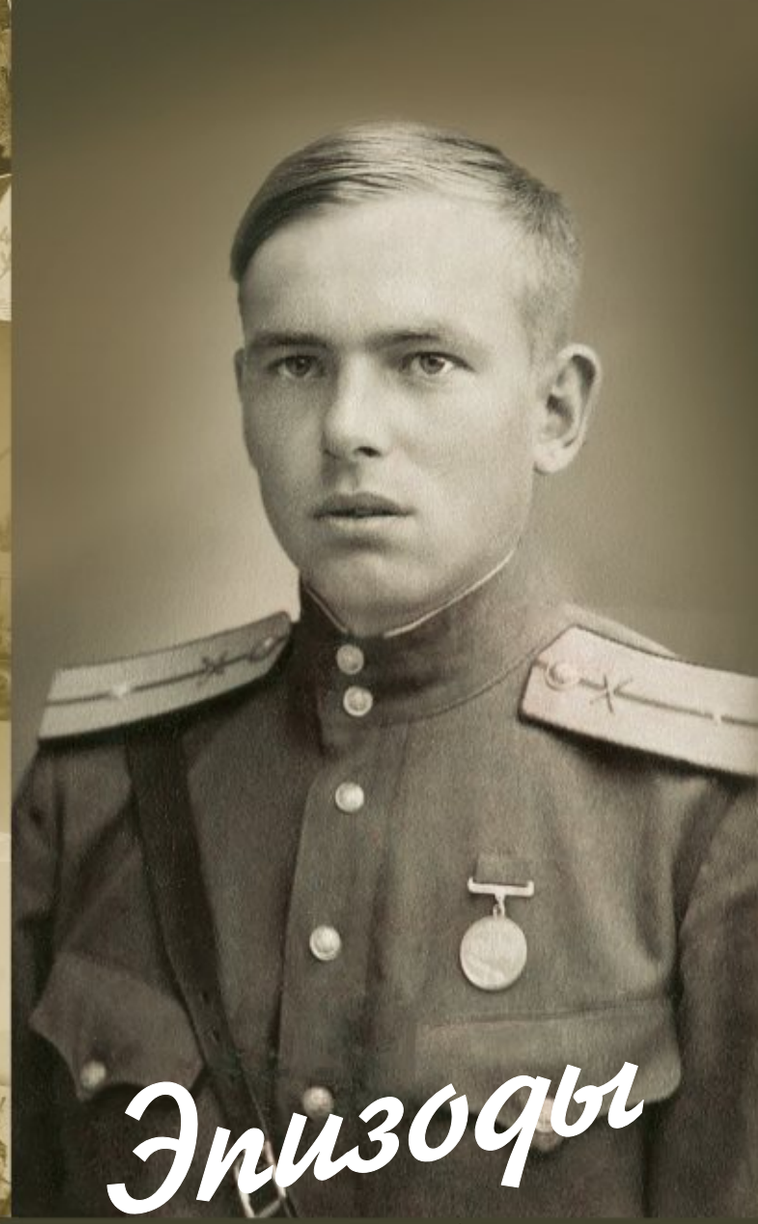
В 1943–1946 гг. – участие в Великой Отечественной войне, служба в Советской армии; с 1951 г. – в Бакальском рудоуправлинии треста «Уралруда»: агломератчик, начальник смены помощник начальник аглофабрики, инженер технолог, начальник ОТК, главный инженер аглокомбината; в 1959–1986 гг. – в институте «Уралмеханобр»: с.н.с., руководитель группы, руководитель сектора, директор (1970–1986 гг). Пенсионер, председатель Совета ветеранов Левобережного района Северного округа г. Москвы.

Специалист-агломератчик и организатор труда инженеров-исследователей, инженеров-проектировщиков, обеспечивших проектные и технологические разработки для предприятий СССР, РФ. Под его руководством были выполнены проекты, построены или реконструированы важнейшие для народного хозяйства фабрики Качканарского, Учалинского, Донского ГОКов, фабрики формовочных песков Камского автозавода, асбофабрики №6 комбината «Ураласбест» и др. Имеет 10 авторских свидетельств на внедренные изобретения. Автор более 50 печатных работ.

СМОРОДИННИКОВ Александр Васильевич

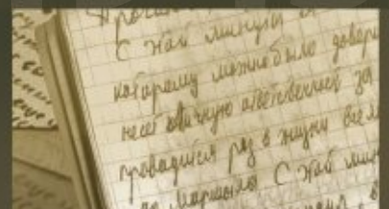
УРАЛМЕХАНОБР

Эпизоды Великой Победы



Эпизоды Великой Победы

1943 1945



Воспоминания директора института УРАЛМЕХАНОБР

УРАЛМЕХАНОБР

Эпизоды Великой Победы

Воспоминания директора
института «Уралмеханобр»
А.В. Смородинникова

УРАЛМЕХАНОБР

Уральский
научно-исследовательский
и проектный институт обогащения
и механической обработки
полезных ископаемых

УДК 929:94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
Э71

Р е д к о л л е г и я : *П. Ю. Егоров,* заместитель генерального директора института «Уралмеханобр»; *С. А. Захаров*, специалист по связям с общественностью института «Уралмеханобр».

Книга издана на средства ОАО «Уралмеханобр».

Э71 **Эпизоды Великой Победы**: Воспоминания директора института «Уралмеханобр» А. В. Смородинникова / под общ. ред. П. Ю. Егорова и С. А. Захарова ; ОАО «Уралмеханобр». – Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2015. – 288 с.

© А. В. Смородинников, 2015
© ОАО «Уралмеханобр», 2015
© ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2015

Популярное издание

ЭПИЗОДЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Воспоминания директора института
«Уралмеханобр» А. В. Смородинникова

Под общей редакцией
Егорова Павла Юрьевича,
Захарова Сергея Андреевича

Литературный редактор *Е. В. Назарова*
Корректор *Г. Д. Новопашина*
Верстка *Л. Е. Чупруновой*

Подписано в печать 03.04.2015. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,4.
Тираж 400 экз. Заказ № 5312.

ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2,
тел. (343) 362-91-16, 369-91-17

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2

Дорогие Друзья!

Я искренне рад, что мои фронтовые воспоминания увидели свет и найдут свою читательскую аудиторию. Для меня особенно важно то, что книга вышла в преддверии 70-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и в войне с милитаристской Японией. Я старался правдиво передать своё личное восприятие реальных событий тех лет, вспомнить о таких же простых, как я сам, людях, обыкновенных «рабочих войны», отстоявших мир и победивших смерть.

Я словно опять оказался в юности. Оказался в том времени, из которого миллионы парней уже никогда не вернутся. Никто из них не увидит мир, не поцелует девчонку, не обнимет маму. Война поделила моё поколение на живых и мёртвых, известных и неизвестных героев фронта и тыла, но именно их готовность к самопожертвованию, профессионализм, любовь к Родине помогли нашей стране преодолеть горечь поражений и потери близких, страх и голод, предательство и личные обиды.

Мы не хотели стать рабами и не желали рабства своим детям. Мы хотели жить свободными людьми, хотели сами определять свою судьбу, и поэтому победили в войне, освободив при этом половину Европы и вернув российские территории, аннексированные Японией у Российской империи по окончании русско-японской войны 1904–1905 годов. Мы хотели, чтобы наши дети, внуки, правнуки и далёкие потомки жили достойно и счастливо. Поэтому мы подняли из послевоенной разрухи страну, превратив её в мощную и авторитетную мировую Державу. Мы честно сделали всё, что могли и, может быть, даже чуточку больше.

Живите достойно, долго и счастливо! Гордитесь своей историей и помните, помните о нас и о наших делах!

с уважением,
А.В. Смородинников

Уважаемые ветераны и сотрудники ОАО «Уралмеханобр»!

От всей души поздравляю вас с 70-ти летним Юбилеем Победы Советского Народа в Великой Отечественной войне!

День Победы является для нашей страны самым почитаемым светским праздником. Победа – это образ воскресения мира, символ дружбы народов и величие духа сотен миллионов наших соотечественников, которые умирали, но не сдавались, не искали славы, но прославились на века.

Одним из таких людей является бывший директор института Уралмеханобр Александр Васильевич Смородинников. Рукопись его фронтовых воспоминаний я прочел с волнением и интересом, в том числе и потому, что мой дед, Ашихин Александр Кузьмич, тоже дошёл до Берлина в солдатской шинели.

По моему мнению, главная ценность воспоминаний Александра Васильевича состоит в правдивом личностном отражении будней войны. В них смертельный бой без пафоса предстаёт как честно выполненная работа, мужество становится нормой повседневного поведения, заслуженная награда – неожиданностью, а боль за близких и горечь о погибших соседствуют с обыкновенными земными радостями: юношеской любовью или желанием выспаться, сняв сапоги и одежду. Пред нами предстают образы обыкновенных солдат, вчерашних крестьян, рабочих и школьников, скромно стоящих в общем строю Поколения Победителей у Алтаря Победы, на котором начертано слово МИР!

И поэтому я сердечно желаю всем нам, нашим детям, внукам и правнукам мира! Мира в душе, в семье, в стране и во всём мире!

С низким поклоном,
генеральный директор ОАО «Уралмеханобр»
Виктор Ашихин

Я становлюсь артиллеристом

Часть первая

УРАЛМЕХАНОБР

Едем, братцы, призываться в город Нижний Тагил

Поезд медленно отошел от станции, мы, призывники, помахали в последний раз провожающим нас людям и сели на вагонные лавки. Я порасспросил мое «войско»: кто и откуда. Выяснилось, что все ребята были из окрестных деревень Кушвинского района. И довольно туповатый народ оказался. Пожалуй, наиболее развитым среди них был Новопашин, а остальные соответствовали тому роду войск, куда нас направили – это были железнодорожные войска, где, как я потом убедился, надо было уметь ворочать рельсы, с одного или двух махов забивать костыли, орудовать топором – при необходимости восстанавливать железнодорожные мосты.

Время пролетело быстро – вот и Тагил. Мы вышли на платформу, у кого-то спросили, где находится железнодорожный военный комендант. И направились туда, куда нам указали. Там я предъявил предписание, и мне пояснили, как добраться до нашей части. Надо было ехать на трамвае на окраину города. Мы добрались и увидели: длинный забор и ворота с контрольно-пропускным пунктом. Я сейчас не помню, в каком районе находилась часть, хотя много раз бывал в Тагиле после войны и сравнительно неплохо знаю город. Видимо, часть находилась где-то в районе Сортировки. Все новобранцы подошли к контрольно-пропускному пункту. Дежурный позвонил по телефону, и появился сержант, который провел нас через КПП. И затем ворота надолго захлопнулись за нами, отрезав от гражданской жизни, отныне мы не принадлежали себе: наши мысли, наша воля и бренная плоть должны были быть подчинены отцам-командирам и армейским уставам. Сержант привел нас в какое-то помещение, где таких, как мы новобранцев, набрали уже порядочное количество человек.

Предписание у меня забрали, и на этом мои командирские функции закончились. Надо сказать, что народ в части (в основном) был серый, из деревень, да и разношерстный по возрасту. Все пока еще были одеты в гражданскую одежду, то есть в то, в чем прибыли на службу в Красную Армию. Во что же был одет я? На мне было: короткое пальто с воротником, зимняя

шапка, зеленый спортивный костюм, на ногах – бурки, пошитые мамой из какого-то плотного материала с ватой, они были добротные, простроченные на машинке. Эти бурки вставлялись в калоши, и, в общем-то, было достаточно тепло. Валенки же в то время невозможно было достать. Кормить нас, по-видимому, не собирались, поэтому перекусывали тем, что у кого было запасено. Наверное, в полночь, а может быть, уже и в первом часу ночи появился старшина, который построил всю нашу разношерстную банду и повел в баню.

Баня

В бане всем выдали по маленькому кусочку мыла, неподстриженных – подстригли, просто оболванили под нуль. Намазали какой-то колесной мазью нам все те места, где еще оставались волосы, и загнали мыться. Видимость в помещении из-за пара была нулевой, передвигаться можно было только на ощупь. Мылись новобранцы шумно, весело: кого-то шлепали мочалкой по мягкому месту, у кого-то утащили таз, стоило только намылить лицо, потеряв бдительность, как обнаруживалась пропажа (тазов-то в бане явно не хватало). Пошарив вокруг руками и не найдя своей шайки, пострадавший с закрытыми глазами добирался до крана, натыкаясь при этом на моющихся людей и, конечно же, получая затрещины и тычки. Но, в общем, все-таки как-то умудрились помыться: кто-то тщательно, а кто-то едва успел смыть с себя мыло. После команды выходить в предбанник, все собрались там, где нам выдавали обмундирование.

Старшина, смерив наметанным глазом фигуру каждого бойца, давал команду своим помощникам, которые доставали из пачек соответствующую размеру и росту одежду: белье, гимнастерки, галифе, портянки; подбирали валенки, выдавали ремни, шапки, бушлаты защитного цвета. Когда полностью оделись, стали осматриваться и удивлялись, так как не узнавали друг друга – настолько форма преобразила людей. Всю свою гражданскую одежду упаковали в мешки, подписали адреса для отправки домой (откровенно говоря, я не верил, что дойдет, но дошло).

В строй вставали уже совсем другие люди, хотя еще и не отмуштрованные, но это уже были солдаты или, как тогда называли, – «красноармейцы». И всё это происходило 23 февраля 1943 года – в День рождения Красной Армии.

Казарма

Оказавшись в казарме, определили каждому свое место на трехъярусных нарах. Разделись, улеглись на матрацы, набитые соломой, и только после этого я почувствовал, что устал, может быть, не столько физически, как морально. Только сомкнул глаза и сразу провалился в глубокий сон. Мне казалось: я только что заснул, когда раздался истошный вопль дневального: «Подъем!».

И что тут началось: с верхних нар начали прыгать вниз полуодетые парни, прямо на головы внизу сидящих, те тихо матерились в ответ на это безобразие, а около нар ходили младшие командиры с «треугольничками» в петлицах и поторапливали солдатиков громкими командами. Надо сказать, что в запасных полках сержанты были, как волки, такой контингент подбирался постепенно: это были служаки в основном из украинцев и татар.

Буквально через считанные секунды раздалась команда: «Строиться!». И вся эта масса народа в брюках, валенках, шапках, а то и в одних нижних рубахах «выплеснулась» из казармы. Нас, вновь прибывших, пока не трогали, но я все-таки встал, а кое-кто в это время еще лежал. И тут подскочил дневальный и начал чуть ли не за ноги стаскивать тех, кто соизволил нежиться в постели, проигнорировав команды. Через какое-то время вернулись те, кто был на физзарядке. И сразу казарма наполнилась шумом: бойцы одевались, заправляли свои кровати. Матрац надо было обернуть простыней, вторую простынь и одеяло сложить конвертом, а полотенце – треугольником, и положить его возле подушки. И чтобы все: подушка, полотенце и конверты из одеял, – были на одном уровне, как «по нитке». В итоге сержанты ходили и проверяли результаты, разбрасывали те постели, которые, на их взгляд, были заправлены неаккуратно. Я с грехом пополам с поставленной задачей справился, но это оказалось не так просто, как кажется на первый взгляд.

В харчевне

Затем нас построили и повели на завтрак. Ритуал приема пищи был такой: подходили к столу, вставали за него и следовала команда: «Садись!». Каждый вытаскивал откуда-то свою ложку, чаще всего из-за голенища валенка, сапога, а впоследствии, как было и у меня, из-за обмоток. И дальше шел только стук ложек о чашки. Приносили хлеб, и кто-то из старых, уже тертый малый, его разрезал. И начиналась дележка: один отворачивался, второй, резавший хлеб, начинал спрашивать: «Кому?», – показывая на лежащую пайку. Отвернувшийся называл фамилию: Иванов, Петров, Сидоров. И названные получали указанные им порции. Суп и кашу дежурные-дневальные разносили в бачках, которые были рассчитаны на определенное количество бойцов: суп – на 12 человек, каша – на 24 человека. Чай наливался из больших чайников, предварительно заваренный. Кайфовать и наслаждаться обедом не приходилось. Во-первых, потому что все это молниеносно съедалось, порции-то были небольшие. Во-вторых, через небольшой промежуток времени уже следовала команда: «Встать! Выходи строиться!». И тот, кто не успевал, мог остаться совсем голодным.

Но, по-моему, не успевали, так как кормежка в запасных полках была по третьей категории – почти самой низшей. А что это значило, впоследствии я услышал: «Жить будешь, но по девкам не пойдешь». Мои колхознички это тоже скоро поняли: их желудки от обильного употребления картошечки были поболее моего, и если мне, откровенно говоря, еды почти хватало (я не испытывал такого острого голода), то для них этот завтрак мог совершенно потеряться в желудке. И надо полагать, что они не ощущали привычной приятной тяжести в своей требухе. Впоследствии мне приходилось наблюдать, как некоторые товарищи совсем теряли чувство человеческого достоинства, собирая руками со столов то, что выбрасывалось из мисок даже при такой скудной норме. А это были зеленые листочки капусты из щей или еще что-то другое.

Присяга

После завтрака нам давали пять минут на перекур, и начинались занятия. В день принятия присяги нас, новобранцев-«некру-

тов», как говорили старые уральские бабки, построили (началась такая жизнь, что все приходилось делать только в строю, даже порой в туалет ходить) и повели принимать присягу. Сейчас это делается уже после того, как солдат пройдет курс молодого бойца, то есть его научат ходить строем, правильно приветствовать старшин, познакомят с личным оружием. А у нас все получилось, как говорят, «раз, два и в дамки». Я-то хоть что-то знал, в свое время сдавал нормы на оборонные значки, проходил в школе военное дело, занимался спортом, умел маршировать, держал в руках винтовку и мог с закрытыми глазами разобрать и собрать ее затвор. Умел стрелять, и даже сдавал на Ворошиловского стрелка. То есть в какой-то мере был подготовлен к службе в армии. А вот мои колхознички путали левую ногу с правой, смешно размахивали руками. Короче говоря, как в свое время в царской армии, требовали для понимания команд «сена и соломы».

Но процедура принятия присяги – этого торжественного акта, на который сейчас даже приезжают родители, – была максимально упрощена. Где-то в Ленинской комнате или в другом месте дали мне в руку винтовку с примкнутым штыком, а в другую – наклеенный на картон текст присяги. И встав по стойке смирно, держа винтовку в правой руке, зачитал:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело,

с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Прочитав, подошел к столу и расписался в книге. Данная процедура проводится раз в жизни всеми военнослужащими от солдата до Маршала. С этой минуты я стал бойцом Красной Армии, которому теперь можно было доверить любое оружие и который несет личную ответственность за все поступки во время прохождения службы. И с этого момента меня можно было отправлять на фронт, в караул, в наряд на кухню, на гауптвахту и «насыпать» мне нарядов вне очереди.

Железнодорожный запасной полк

В этот же день нас (новобранцев) рассортировали по подразделениям, но я и мои подопечные попали в одну роту. Несколько слов надо сказать о том, что представляли собой запасные полки. Это были воинские части, расположенные в тылу, имевшие казармы и все прочее хозяйство, вплоть до подсобных сельскохозяйственных угодий. Части специализировались по родам войск, то есть были пехотные, артиллерийские и вот, как наш полк, – железнодорожные войска, в задачу которых входило: готовить красноармейцев по тем или иным воинским специальностям, и в них отдельными подразделениями входили школы младших командиров. Запасные полки имели всю полагающуюся по табелю военную технику. Командный состав в этих полках был в основном постоянным, а вот красноармейский – менялся. Приходили вот такие новобранцы, как я, или красноармейцы после госпиталей и из запаса. Их немного натаскивали и отправляли на фронт.

И как я уже отметил: младшие командиры были служаками, держались за свое место, поэтому частенько в таких полках процветало казнокрадство, ведь личный состав был непостоянным, а в тылу люди голодали. Старшины и офицеры пользовались этой ситуацией, гребли продукты и вещи, а затем сплавляли на рынке.

В общем эти тыловые крысы жили неплохо. А боец, особенно после фронта или госпиталя, садился на третью категорию снабжения запасных полков и стремился скорее попасть на фронт, порой не столько из-за патриотических чувств, сколько из-за кормежки. Конечно, все это я узнал уже позже, побывав и во фронтовых условиях, и в запасных полках.

Утвердили нас в новых воинских подразделениях, где уже были старослужащие. Конечно, этот термин был относительным, так как в запасных полках люди не задерживались, нас сразу же взяли в оборот, вывели на какую-то площадку, и мы начали вместе со всеми переносить с места на место рельсы, используя специальные клещи, шпалы. Носили накладки, учились забивать в шпалы костыли, используя молотки в виде кувалд на удлиненных ручках. В общем, делать все то, что сейчас делают женщины в оранжевых жилетах на железнодорожных путях. До войны этой работой занимались в основном мужики.

Среди нас были люди разных возрастов: и старые (в нашем понятии лет сорока – сорока пяти), и пожилые (это лет 30–35), и такие желторотые, как я, нас было всего «раз, два и обчелся». Видимо, рожденных в двадцать пятом году только начали призывать в армию, и делалось это с нарушением конституции, согласно которой служба в армии начиналась с 18 лет. В связи с этим фактом нас принято было считать добровольцами.

По навыку, умению выполнять эту работу, пусть даже и бесхитростную, чувствовалось, что многие военнослужащие в мирной жизни были путевыми рабочими. По сути дела остальные учились у них ремеслу, а сержанты в основном только командовали. Солдаты, прибывшие из госпиталей и уже понюхавшие пороха, в большинстве своем не были железнодорожниками, но попали в наш полк, а не в свои рода войск, в связи с какими-то ограничениями. Некоторые из них ругались и говорили, что они танкисты или артиллеристы и отказываются забивать костыли. А кое-кто, испытавший лиха на фронте, считал, что все-таки железнодорожные саперные части находятся вдали от передовой и поэтому вероятность уцелеть у людей выше, они помалкивали, надеясь, что судьба их убережет.

Гоняли нас и по строевой подготовке, учили ходить, поворачиваться, приветствовать вышестоящее начальство. Для нас проводили политзанятия, мы изучали в классе винтовку. Во всех этих делах я преуспевал больше, чем в забивании костылей. Поэтому меня уже сутки на третьи назначили в караул.

Как я чуть не попал в маршевую роту

Наверное, прошла неделя, а может быть даже и меньше, как вдруг пронеслась информация: наш запасной полк расформировывается. В основном личный состав отправляли в другие части, а костяк этого полка должен был влиться в запасной полк, дислоцирующийся где-то под Москвой. Я думаю, что эти перемены были вызваны тем, что казармы и ухоженная территория понадобились другим запасным полкам. И вот тут я впервые услышал термин, родившийся на войне, – «маршевая рота». Это временное подразделение, образующееся из красноармейцев и младших командиров запасных полков в количестве примерно 100 человек (рота), а иногда и более, которое направлялось для пополнения в действующие части взамен выбывшего в боях личного состава.

И вот в одних из дней полк выстроили на плацу и начали формировать из рядового состава маршевые роты. Процедура эта напоминала продажу рабов на торгах. Мимо строя проходил «Покупатель» – командир, возможно, прибывший из той части, где была нужда в «пушечном мясе». И, увидев в солдате то, что он считал необходимым, «Покупатель» командовал ему выйти из строя. Затем начиналась проверка наличия всего того, что было выдано солдату и записано в Красноармейской книжке. «Причиндалы», прибывшие с «Покупателем», называли, а ты должен был отвечать «есть» или «нет», а порой – и показывать это наличие. В приемо-сдаточной ведомости расписывались командиры – кто тебя сдал, а кто принял.

В связи с острым дефицитом промышленных товаров на гражданке начались хищения в армии, в основном в тыловых частях. Украденные вещи шли на продажу. Да и солдат при случае мог что-нибудь из своего скудного скарба «толкнуть» на рынке за пайку хлеба или пачку махры. И вот, в 1942 году, Сталиным был издан

приказ, ужесточающий ответственность за сохранение военного имущества. Был введен порядок, по которому командир взвода, роты за каждую утраченную солдатом вещь должен был оплатить из своего денежного довольствия ее стоимость, но в двенадцать с половиной раз больше ее номинала. Почему не в десять и не в тринадцать раз, например, а именно в «двенадцать с половиной»? Этого никто не знал. Солдат заплатить сам не мог, так как его денежное довольствие было скорее символичным, но ответственность за утерю чувствовал и знал, что пострадавший из-за него командир найдет возможность отыграться на провинившемся. Поэтому в тыловых частях довольно часто устраивались проверки на вещевое довольствие.

Но вернёмся к формированию маршевой роты. Так вот, проходил «Покупатель» вдоль строя и выдергивал одного человека за другим. Дошел до меня, встретились взглядами, и вызвал из строя. Сержанты проверили наличие вещей и начали записывать мои данные, а когда я назвал год рождения, то писарь замешкался и обратился к старшему. Тот переспросил, услышав, что я в армии всего четыре-пять дней, смачно выругался и ответил, что ему детей на фронте не надо, так я оказался опять в строю моей роты, который уже сильно поредел. После окончания этих «торгов» от полка остались «рожки да ножки». «Рожки» – это командиры старшие и младшие. Слово «офицеры» тогда еще не было в ходу, хотя уже висело в воздухе, потому что погоны, как знаки отличия, уже были введены, но у нас в полку еще носили в петличках «кубики» и «треугольнички». Надо сказать, что командиров в полку осталось тоже не так уж и много, ну а о рядовом составе и говорить нечего, наверное, нас набралось не более роты. А в случае со мной, видимо, «Покупателя» изначально ввел в заблуждение мой рост. Вот так, на четвертый или пятый день своей службы, я чуть не оказался в действующей армии.

Без ложки нет солдата

В один из дней со мной случилось поистине несчастье. Когда я получил повестку о призыве, то в ней было указано, чтобы явившись в военкомат, я имел при себе кружку и ложку. Но в обиходе

нашего дома оказалась только одна алюминиевая ложка, остальные были серебряные. Не брать же с собой серебряную ложку, такую роскошь мог себе позволить по меньшей мере генерал? Конечно, я взял алюминиевую. А она оказалась немного надломленной и, не выдержав темпа солдатской еды и хранения, вдруг сломалась, что повергло меня в уныние. Я пробовал как-то закрепить ее нитками, но тщетно… Остаться солдату без ложки, это тоже самое, что остаться в бою без патронов, то есть смерти подобно.

Где-то на нарах я обнаружил обгрызенное подобие деревянной ложки. Пришлось ее использовать, это все-таки хоть что-то по сравнению с тем «огрызком» от домашней ложки, что у меня остался. Мы начали грузиться в эшелон. По-моему, это происходило на станции «Смычка» (товарная или сортировочная Нижнего Тагила). Спустя много лет мне часто приходилось бывать на Лебяжинской аглофабрике Высокогорского рудоуправления, которая находилась вблизи станции «Смычка», но я не узнавал того тупика, на котором шла погрузка оборудования и техники нашей части.

Эшелон состоял из платформ, на них грузились автомашины, полевые кухни, какие-то доски и черт-те что еще, – два-три классных вагона, то есть пассажирские, для комсостава, и двух-, четырехосные крытые вагоны. Первые из них почему-то назывались теплушки, а вторые – пульманы. На них в те годы было написано количество перевозимых людей и лошадей. А в то время вагоны были предназначены для солдат, то есть для нас.

Погрузка шла интенсивно, наверное, не более суток. Я в этом процессе не принимал участия в связи с тем, что попал в караул и охранял эшелон. И вот, прохаживаясь около вагонов, увидел проходящую бабку и взмолился, обращаясь к ней: не продаст ли она мне ложку, а то без нее мне не доехать до фронта, ведь без ложки, как без винтовки, я уже не боец. Через некоторое время вижу: ковыляет моя бабуся, принесла и вручила мне металлическую ложку, правда уже тронутую чернотой в тех местах, где когда-то была хромировка или никелировка, но зато ложка-то прочная. Я уже не помню: заплатил я ей или нет. У меня в тот момент было немного денег, может быть, рублей пятьдесят или сто. Скорей всего, пожалела бабка солдатика, что не доедет до фронта без одного из основных

видов солдатского вооружения – ложки, или, как еще ее в ту пору называли, – «подающего механизма».

Мы едем, едем, едем в далекие края

Закончилась погрузка эшелона, и мы тронулись. Наша теплушка представляла собой вагон, с той и с другой стороны оборудованный нарами, для этого по стенам вагона были прибиты специальные брусья, на которые и укладывались доски. В центре вагона находилась чугунная печка, которую надо было круглосуточно топить, все-таки была зима, и мы находились не в Сочи. Для этого процесса выделялись дневальные. А топили дровами и углем. Солдаты располагались на нарах, в изголовье укладывали вещевой мешок, а под бок – шинель, ей и укрывались. Солдат рассказывал, как он спит, а сердобольные старушки у него спрашивали: «А школько у тебя шлуживенький шинелей-то?». Но, к сожалению, у нас были не шинели, а бушлаты. Бушлат трудно было приспособить и в качестве матраса или подстилки, и в качестве одеяла. Закроешь голову – оголяются ноги, и наоборот. И вот так много времени проходило в этой «нанайской» борьбе, пока уставшие солдаты не засыпали мертвецким сном, чтобы вскоре проснуться от клацанья своих же зубов, выбивающих барабанную дробь от холода. И, дрожа каждой своей жилочкой и клеточкой, сползали с нар и перебирались к раскаленной печке. Согревшись, опять пытались заснуть, и «процесс» начинался снова: борьба, сон и так далее…

Ох, нелегка ты, солдатская служба

Вот и подъехали, перед нами – знакомый вокзал Свердловска. Простояли несколько часов, но, конечно, сбегать к теткам было нельзя, а телефонов они не имели. А мы, как в сказке Салтыкова-Щедрина о мужике, который трех генералов прокормил, не вылезали из нарядов: то караул, то на кухню, то по своей теплушке, то в классных вагонах. Причем в каждый из них заступали на сутки. Нас, солдатиков, ведь в эшелоне было мало, а сержанты в наряд не ходили, разве только что в караул.

Наряд в караул заключался в том, что как только эшелон подходил к станции, так находящиеся в карауле военные выскакивали из вагона, оцепляли эшелон и никого не подпускали к нему, как будто бог весть какое секретное оружие мы везли на фронт. Часть караула использовалась в этом оцеплении, а часть ехала на тормозных площадках.

По уборке и дежурству у печки всё понятно, а вот, пожалуй, самым тяжелым и изнурительным был наряд на кухню, которая располагалась в четырехосном пульмане. Там устанавливалась пара походных кухонь. Дрова были запасены еще в Тагиле, но надо было их колоть, подсушивать, так как сырыми они гореть не хотели. Воду приходилось таскать в бачках и ведрах на тех станциях, где эшелон останавливался. Это было нелегко. Сначала надо определить места, где можно взять воды, а потом тащиться по путям, пролезая через тормозные площадки, а то и под вагонами стоящих составов. А воды надо было наносить много: для обеда и чая, мытья овощей, котлов и посуды. Причем ведь мы не знали, сколько будет стоять наш состав: пять минут или час. Поэтому водяная эпопея производилась бегом, впопыхах. Порой приходилось выливать воду и бежать с пустым бачком, видя, как эшелон начинал медленно трогаться. Но ведь дело было не в одной заготовке воды. Уходили часы и на то, чтобы начистить картошку. И к вечеру так уработаешься, что рад любому месту, где можно передохнуть. И, наверное, для меня мягче постели в то время не было, чем поленница дров, на которой я умудрялся хоть часок вздремнуть.

Ехали мы до Москвы около недели. И все это время наши сержанты и взводные еще умудрялись проводить с нами занятия. Учили, как обращаться с оружием, противохимической защите и повторяли уставы: караульной службы БЧП – боевой устав пехоты и другие, а их в армии было немало. Единственное чем не занимались, так это строевой подготовкой, потому что вагонный «плац» этого не позволял. Солдат даже ест и пьет в поезде. «А как?», – спросите вы. В теплушках-то туалетов ведь не было. Отвечаю: раздвигали двери, и вот так, держась за перекладину, делали все дела. Сложнее было справляться с большой нуждой. Для этих целей пользовались каждой остановкой в поле, у семафоров: высыпали все из вагонов

и прямо на снегу располагались. Однажды я вскочил и уже застегивал брюки, как в шагах пяти от себя обнаружил девушку, поправлявшую юбку. И такое случалось. «Селя ви», – как говорят французы.

Мы ехали по Казанской железной дороге, и хотя время было голодное, но все-таки на маленьких полустанках, где иногда эшелон останавливался, можно было купить пирожок с картошкой из ржаной муки. Раза два, наверное, и я покупал, но потом у меня денег не было, и можно было только с вожделением наблюдать, как некоторые из эшелона, выскочив из теплушки и ухватив такой пирожок, на который сейчас-то и смотреть бы не стал, с жадностью впиваются в него зубами. И, как говорят: «Надолго ли собаке блин», так и пирожок исчезал в солдатской пасти мгновенно. Но я уже говорил, что не в пример колхозничкам, мое брюхо за годы войны «ссохлось», и я не был настолько голоден, как деревенские ребята. Попадая в наряд на кухню, хоть и наломаешься до усталости, но смотришь: лишняя порция каши тебе перепадет. А это порой отзывалось и расстройством желудка.

В теплушке

В свободные минуты, если они нам перепадали, сидели у печки, и под мерный перестук колес кто-нибудь из старших что-нибудь рассказывал, а ведь были среди нас и сержанты, попавшие в этот полк из госпиталей. Они хлебнули горечь отступления, слышали взрывы бомб, шелест пролетавших снарядов и свист пуль. И мы сидели и слушали, разинув рот, обо всех фронтовых злоключениях, ведь одно дело читать об этом в книгах и газетах, слушать по радио и совершенно другое – слышать бесхитростный рассказ очевидцев, уже понюхавших пороху. В такие моменты думали, что и нам скоро предстоит испытать что-то подобное. Передо мной как будто чуть приоткрылся занавес. Да, мы знали, что Красная Армия отступала, что немец подошел к Москве, к Сталинграду, что Ленинград еще находится в кольце блокады, но ведь нам рисовали другую картину: якобы отступление происходило организованно, с боями. И никто из нас не знал правду о первых днях войны, о миллионах наших солдат, которые попали в плен.

До сих пор помню рассказ одного сержанта, который с горечью и болью в сердце рассказывал о событиях, происходивших в приграничной полосе в самый канун войны, когда военная техника в ряде гарнизонов оказалась разобранной с целью перевода с зимней смазки на летнюю, когда танки и самолеты оказались без горючего. А военнослужащие приграничных частей принимали участие в учениях с холостыми боеприпасами. Сотни наших самолетов, как оказалось, были уничтожены на аэродромах, и даже не успели подняться в воздух, а членам экипажей было запрещено не только говорить, но и думать о том, что немцы нарушают наши границы. Просто не верилось, что красноармейцы, застигнутые врасплох, бежали защищать Родину чуть ли не в одних кальсонах, что для мобилизованных в спешке бойцов в прифронтовой полосе не хватало винтовок и патронов, что наши деревянные самолеты, отважившиеся выскочить против армады немецких, вспыхивали и падали на землю, как сигнальные ракеты, выпущенные из ракетниц.

В общем, в этих бдениях война открывалась перед нами своей далеко неприглядной стороной. И я потом (уже позже) удивлялся, как эти ребята могли так открыто делиться своими пережитыми впечатлениями о нашей «непобедимой и легендарной» Красной Армии, не боясь, что завтра особист из СМЕРШа объявит их пораженцами, и в лучшем случае они загремят в штрафную роту. Но, наверное, к такой откровенности располагала обстановка – поезд, где обычно развязываются языки, печка, напоминавшая костер в лесу, и внимающая аудитория, состоящая в основном из пацанов, многие из которых дальше своей деревни нигде и не бывали.

О разведке и контрразведке – СМЕРШ

Ну, уж если я заикнулся об особистах и СМЕРШе, то надо немного поведать об этом армейском подразделении и его личном составе. Как известно, каждая армия имела и имеет свою разведку и контрразведку. Функции разведки ясны – наблюдать за противником, добывать разведданные о составе, численности и дислокации его подразделений и частей. Причем, чем крупнее воинское подразделение,

тем больше сфера деятельности его разведки. И забегу вперед. Солдаты, служившие в подразделениях разведки, чем-то отличались от обычных солдат. Может быть, какой-то разнузданностью, лихим видом, оружием. Наряду с автоматом даже у рядовых разведчиков были пистолеты и обязательно кинжалы, ножи, финки, которые носили открыто, а это же нарушение формы. В общем, батальонные и полковые разведчики – это была солдатская элита. Отличало их и довольно панибратское отношение со старшими по званию. Такое общение мне приходилось наблюдать еще и среди летчиков. Когда, например, сержант мог капитана или майора назвать Иваном Ивановичем. А этот Иван Иванович, похлопав сержанта по плечу, в свою очередь без чинов называл его Лешей. Можно было видеть, как в купе сидят: капитан, лейтенант, сержант, – и хлещут водку. Такого в других частях просто не могло быть. Видимо, причина таких взаимоотношений объяснялась тем, что капитан и лейтенант летают на одном самолете, а сержант у них – стрелок-радист, от которого зависит жизнь всего экипажа. Так и у разведчиков: в тыл к врагу идут одним экипажем.

Теперь небольшое отступление, в котором я подробно расскажу о разведке. Контрразведка – само название говорит о том, что это организация, направленная против вражеской разведки в армии по выявлению шпионов, которые могут внедриться в воинские подразделения. Однако еще с Гражданской войны пошло, что контрразведка была в Белой армии. И в нашем сознании уже так сложилось, что когда мы слышали слово «Контрразведчик», то нам представлялся белый офицер, лощеный, культурный – на первый взгляд, не в казенных перчатках, вышибающий зубы у подследственных. Поэтому в Красной Армии такие подразделения стали называть «Особые отделы», а сотрудников чекистов – особисты. Когда началась война, эти подразделения были переименованы в «СМЕРШ», что означало «Смерть шпионам».

«СМЕРШ»

Сталин решил перестроить работу армейских чекистов, максимально приблизив ее к нуждам фронта. Постановлением Сове-

та народных комиссаров СССР от 19 апреля 1943 года Управление особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам!») НКО СССР. Начальник Главного управления генерал-полковник Виктор Абакумов подчинялся непосредственно Верховному Главнокомандующему, благодаря этому факту многие вопросы стало возможным решать быстрее.

Оценки боевой деятельности СМЕРШа неоднозначны

Есть объективные показатели: за всю войну германским разведорганам не удалось добыть ни одной информации, связанной со стратегическими планами советского командования. Это признали и сами немецкие генералы.

СМЕРШ существовал недолго: с 1943 по 1946 годы. Но его сотрудники внесли значительный вклад в Великую Победу. За годы войны военной контрразведкой было обезврежено более тридцати тысяч шпионов, около трех с половиной тысяч диверсантов и свыше шести тысяч террористов. За линию фронта были заброшены свыше трех тысяч наших агентов. С 19 апреля 1943 года до окончания войны органами ГУКР СМЕРШ НКО СССР было проведено сто восемьдесят три радиоигры. Подобного размаха работы не знала ни одна спецслужба в мире!

Мы полностью переиграли Абвер – немецкую службу армейской разведки и контрразведки. Гитлер не имел ни одной агентурной информации о планируемых стратегических операциях из нашей Ставки Верховного Главнокомандования! А советское командование получало упреждающую информацию практически обо всех стратегических операциях фашистов.

Спецслужбы

В 1943 году Гитлер «с треском» снял с должности за ошибочные разведданные о потенциале Красной Армии начальника 1-го отдела (разведка) Абвера генерал-лейтенанта Ганса Пиккенброка. В 1944-ом Абвер полностью «сдулся» и к концу войны уже не функционировал.

Какая здесь может быть «неоднозначность», если противник своими руками разгоняет собственную спецслужбу за полную неспособность противостоять нам?

За первые 10 месяцев работы СМЕРШа в германские разведорганы было внедрено семьдесят пять советских агентов, из них тридцать восемь успешно выполнили поставленные задачи и вернулись.

Задачи СМЕРШа

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны».

(Из положения о Главном Управлении контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам!») и его органах на местах.)

Так вот, офицеры СМЕРШа были в каждом подразделении, начиная от батальона, дивизиона, в артиллерии и выше. Надо сказать, что эти офицеры, как и сотрудники в то время НКВД (Народный Комиссариат Внутренних Дел) на гражданке, отличались от армейских командиров. Мне казалось, что эти люди считали, что они наделены особыми государственными полномочиями, с печатью секретности, поэтому они выше других людей и принадлежат к особой касте. Видимо, это понимание миссии воспитывалось у них прямо с училищ, которые считались самыми престижными, и принимали туда только детей членов партии, по рекомендации райкомов партии и комсомола. Ведь НКВД имело

неограниченные возможности – распоряжаться судьбами людей любых рангов.

Могу с уверенностью сказать, что армейское офицерство недолюбливало особистов, и даже командиры более высоких званий побаивались их. Штат у особистов был небольшим. По-моему, у нас в дивизионе «работал» только один, но существовала скрытая, разветвленная сеть агентуры, проникавшая во все подразделения. Агенты или сексоты (секретные сотрудники), завербованные особистами или работавшие на них из патриотических соображений, ведь каждый гражданин СССР – патриот своей Родины и должен помогать органам в борьбе с врагами народа, разоблачать их. Возведение в ранг сексота проводилось и запугиванием, шантажом. Эта агентура имела клички и должна была докладывать о пораженческих разговорах, вражеской агитации, обо всех проявлениях инакомыслия.

В общем, вероятность попадания завербованных вражеских агентов в Красную Армию существовала, так как она уже шла вперед, проходила по территории, оккупированной немцами, на которой, по мере ее освобождения, производилась мобилизация мужчин призывного возраста; выходили из окружения бойцы, освобождались пленные. Но, наверное, все-таки ситуация была не такой критической, как это у нас раздувалось. Об этой системе «СМЕРШ» я уже узнал, прослужив порядочное время в Армии. Да, в общем, такая сеть была не только в военное время, но и в гражданской жизни.

Перед нами Москва и Подмосковье

Ну, я опять отвлекся, вернусь к нашему эшелону. После нескольких дней пути колеса наших вагонов застучали по стрелкам какой-то московской станции. Мы оказались в Москве, но не помню на каком из вокзалов, да и загнали наш эшелон на отдаленную платформу. Но на этом путешествие не закончилось. Простояв какое-то время на московских путях, мы снова двинулись в путь. Разместились у открытой двери вагона, перегороженной перекладиной, и вдыхали уже чуть теплый, но еще по-весеннему бодрящий воз-

дух. Солнце зайчиком пробегало по нашим лицам, мимо мелькали московские улицы, пригородные селения, проходящие электрички. Снег уже осел, почернел, то и дело попадались проталинки, лишь на участках леса, который то возникал, то пропадал, разрезанный полями и поселками, он еще лежал первозданной белизной.

Было начало марта. И вот, наконец, поезд останавливается на какой-то станции, и нас стали подгонять к погрузочной площадке. Началась разгрузка. Как же называлась эта станция? Мне почему-то всегда казалось, что эта станция «Соколовская», и где-то близко от нее находился известный по довоенным временам Щелковский аэродром. Заглянул в карту: если поехать по Ярославской дороге, то свернув от Мытищ в сторону, проезжаешь Щелково, и затем идут станции – Циолковская и Соколово. Вот, возможно, где-то там мы и выгрузились. Со всех сторон в тот момент слышалось: «Давай! Давай!». Работы по разгрузке эшелона можно назвать «ударными». Мы, как наскипидаренные, выталкивали кухни, разгружали различный дорожный инструмент и всякий «шурум-бурум», который привезли с собой с Урала.

Аты-баты, шли солдаты

Затем, погрузив, что можно было, на свои машины (а что осталось, взял под охрану наряд караула), мы двинулись в расположение нового запасного полка железнодорожных войск, который «скушал» своего уральского коллегу. Представляю, каково было офицерам и сержантам постоянного личного состава Уральского полка. Они вливались в новую часть и, кто его знает, как могла повернуться их фортуна, не исключено, что и совсем не лицом, а другой стороной, ведь покинув спокойное насиженное местечко тылового запасного полка, можно было запросто загреметь «под фанфары» на фронт. Ну а нам, как «пролетариату», терять было нечего. Какая разница, запасной полк в Тагиле или под Москвой? Нам все равно, где нас немного подучат – и «вперед с песней». Но пока что наш строй шагал в район расположения новой части.

Ну вот, наконец-то и ограда, и традиционные ворота с красными звездами на них (такое изображение можно видеть и сейчас на во-

ротах военных городков). Ворота открыли, и наш строй вытянулся, как змея, и отправился в чрево военного городка. По традиции тех времен, как только прибыл в новую часть и, которая не на фронте, обязательно пройди баню или санитарный пропускник. Так и тут, оставили где-то свои вещмешки, и нас погнали в баню. В данном случае, она была кстати. Тело, прокопченное паровозным дымом, чесалось, как на молотьбе, хотя ежедневный осмотр в вагоне «по форме номер 3», а если сказать по-русски – «на вшивость», показывал, что от «зверей» нас бог пока миловал. Ну что же, и с этим мне предстояло еще познакомиться в нелегкой солдатской жизни на фронте, но это в будущем. А пока мы мылись, терли друг другу спины, стирали свои платочки. И после бани распрощались с валенками, получив взамен ботинки и обмотки.

Что такое обмотки?

Об этом виде обуви, наверное, надо сказать несколько слов. Хотел посмотреть в энциклопедическом словаре, кто выдумал эту «экзотическую обувь», но выяснилось, что такого слова нет. Так вот, эти матерчатые голенища фигурировали еще в Первую мировую войну, но были на вооружении не в русской армии. Обмотка – это полоска плотного материала шириной восемьдесят-сто мм и длиной метра полтора. Надев ботинок и зашнуровав его, берут свернутую обмотку и бинтуют ногу, начиная от края ботинка, не доходя сантиметров десять до колена. Закончив такую процедуру, завязывают шнурок с тем, чтобы обмотка не раскрутилась. Таким образом, создавалось подобие сапога. Глядя на себя и на других красноармейцев в обмотках, у меня возникало какое-то неприятное чувство ущербности. Обмотки далеко, на мой взгляд, не красили солдат. Все-таки сапоги – это сапоги. И пусть порой тонкие ножки солдатика и болтались в широких голенищах кирзовых ботфорт, но смотрелся в них солдат намного лучше. Хочу напомнить, что по тем временам вся армия, за исключением флота и авиации, носила брюки галифе, а с ними, соответственно, сапоги. На мой взгляд, только в одном обмотки имели преимущество перед сапогами, это когда боец попадал в воду. Обмотки на ноге высыхали быстрее го-

ленищ сапог. Ну, и еще при одной ситуации, но это уже в солдатских анекдотах. А вообще обмотки имели нахальство раскручиваться в самый неподходящий момент, и тогда окружающие скалили зубы и кричали незадачливому солдатику: «Эй, служивый, смотри: баллон спустил». Или когда вскакивали по тревоге, свернутая обмотка выпадывала из рук, раскатывалась по всей казарме, и надо было ее как-то скрутить, и только после этого уже наматывать на ногу. И вот, как говорится, переобувшись «из сапог (валеных) в лапти», вошли в распоряжение части.

Запасной полк

Ровными рядами стояли одноэтажные бараки казарм. Между ними находились расчищенные от снега дорожки, плац и щиты наглядной агитации, например, плакаты «Родина-мать зовет», «Смерть фашистам» или другие (в таком же духе). В стороне от казарм стояли большие брезентовые палатки, где нам и было уготовано место для расположения. Палатка имела печку-буржуйку, если ее топили, то в палатке было достаточно тепло. В таком шатре помещался примерно взвод, но уж никак не меньше двух отделений. В палатке имелось электричество, были установлены двухъярусные нары или двухэтажные кровати. Уже точно не помню, что было?

24 июня 1943 года личному составу армии и флота был объявлен приказ о введении нового деления военнослужащих – на рядовой и сержантский состав, а также на офицеров и генералов. Особенно взволновало всех возрождение офицерских званий. К генеральским, которые были введены в 1940 году, уже привыкли. В стране в тот период царили настроения, близкие к гражданской войне. Об их накале можно судить по фразе, которую много лет спустя, в день своего семидесятилетия, сказал прославленный маршал – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Матвей Захаров. Торжественную речь на собственном юбилее он начал со слов: «Если бы в то время, когда я был красноармейцем и снимал погоны с офицеров, мне сказал кто-то, что я буду маршалом, да нет, даже офицером, я бы морду ему набил».

Видимо, учитывая подобное отношение к «золотопогонникам», тогдашний флагман партийной печати – газета «Правда» – опубликовала передовую статью «Советские офицеры». В ней говорилось, что «отныне наименование «офицер» закрепляется за командирами Красной Армии государственным актом» и что «Красная Армия – законный наследник исконной русской военной славы и доблести». Красной Армии было что наследовать. Во время многочисленных войн, боев и походов в России сформировалась каста людей, которым была предопределена высокая судьба – жертвовать собой ради Отечества. И свой долг перед Родиной российское офицерство выполнило – в сражениях под Бородино, обороняя Шипку, наступая в Брусиловском прорыве…

Не счесть этих подвигов, и не только ратных. Гордость мировой культуры – поручик Лев Толстой, военный инженер Федор Достоевский, поручик Михаил Лермонтов… Думается, возрождение офицерства в такой тяжелый момент отечественной истории вполне логично и естественно. Унаследовав золотые погоны, наши отцы и деды спокойно и мужественно освободили от фашистов полконтинента, приняв в Потсдаме капитуляцию Германии.

Важнейшим отличием дореволюционного офицерства являлись более низкие по сравнению с руководящим составом западных армий оклады и наличие в их рядах представителей самых различных слоев: детей купцов, священников, учителей и даже крестьян. Бедственное положение русских офицеров стало притчей во языцех. Вот как обрисовал его военный министр Ванновский в докладе императору: «Наиболее настоятельным является вопрос об увеличении содержания и пенсий офицерским чинам, так как существующие оклады в настоящее время при увеличивающейся дороговизне жизни уже не удовлетворяют даже скромным потребностям военнослужащих. Недостаточное содержание ставит офицеров, а особенно семейных, в бедственное положение, не позволяя им жить соответственно потребностям общественного их положения». Его дополняют слова протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Ивановича Шавельского: «Офицер был изгоем царской казны. Офицер получал нищенское содержание, не покрывавшее всех его неотложных расходов. И если у него не было

собственных средств, то он – в особенности, если был семейным – влачил нищенское существование, не доедая, путаясь в долгах, отказывая себе в самом необходимом».

Впрочем, несмотря на все эти трудности и невзгоды, как отмечал в 1912 году все тот же Шавельский, «русский офицер последнего времени не утратил прежних героических качеств своего звания. Рыцарство оставалось его характерной особенностью. Оно проявлялось самым разным образом. Сам нуждающийся, он никогда не уклонялся от помощи другому. Нередки были трогательные случаи, когда офицеры воинской части в течение одного-двух лет содержали осиротевшую семью своего полкового священника или когда последней копейкой делились с действительно нуждающимся человеком. Русский офицер считал своим долгом вступиться за оскорбленную честь даже мало известного ему человека. При разводе русский офицер брал на себя вину, хотя кругом была виновата его жена. В храбрости тоже нельзя было отказать русскому офицеру…

Приятно поразил и тот факт, что личный состав полка уже одел погоны. Офицеры щеголяли в повседневных, и было непривычно видеть золотопогонников, уже не красных командиров, а действительно – офицеров, так как с погонами в Красную Армию снова пришло это звание. Мы вообще впервые видели погоны. И это напомнило мне наши детские игры в Каменске, когда, насмотревшись фильмов и картинок в старых журналах и книгах, в нашем детском «военном формировании» было предусмотрено ношение погон и эполет. И удивляться приходится: как нас с Генкой не взяли тогда за мягкое место? Все-таки, наверное, это были 1935–1936 годы, когда еще не было кампании, связанной со шпиономанией. Одели погоны и наши унтер-офицеры, сняв со своих петличек, уже ставшие нам привычными треугольнички, которые в свое время солдатиками были окрещены не очень прилично. Правда, многие, произнося это слово, не знали природу его возникновения. Ну а нам еще погон не выдали.

И вот началась наша служба на новом месте. Утром, по звуку трубы и истошным крикам наших сержантов: «Подъем!», – мы вскакивали. Одевали свои галифе, ботинки, шапки, без ремней

выбегали на улицу и куда-то строем бежали. Стоял гул от топота добротных американских подкованных ботинок. А от наших тел, разогретых сном и физическими упражнениями, валил пар. А умывались мы снегом.

Так начинался новый день, в котором было все плотно расписано, да так, что некогда было о чем-то постороннем подумать. Команда «Выходи строиться» звучала после окончания очередного запланированного или предусмотренного распорядком дня мероприятия. В распорядок входили: и строевая подготовка (учились ходить, чеканя шаг, поворачиваться, приветствовать), и занятия по матчасти, по изучению оружия, и практические занятия (таскали шпалы, рельсы, забивали в шпалы и вытаскивали из них костыли), и зубрежка уставов «строевой», «караульной службы», а также штудировали «Боевой устав пехоты – БУП», который только что вышел в измененном виде, и, конечно же, политзанятия. И такая круговерть целый день, до самого отбоя. Нам принадлежали только команды «Перекур!» и «Садись!» во время завтрака, обеда и ужина, команда «Оправиться!» и самая желанная – «Отбой!», о которой весь день мечтали натруженные солдатские косточки. Был, правда, и час личного солдатского времени, чтобы написать письмо, подшить подворотничок. Но этот час пролетал так, что моргнуть не успевали. Вот так и понеслись деньки и, наверное, месяца через два или три раздалась бы команда «Выходи строиться с вещами!» и… «Прости, прощай, подруга дорогая, на бой с врагами уезжаю я».

И снова в путь

По рассказам старожилов полка: долго в нем не задерживались. И такая команда раздалась через неделю. Но если в Тагиле перед расформированием полка выдернули из строя старичков, то тут наскребли нас – человек 100–150 молодых сосунков и в основном из тех, кто прибыл в эшелоне, то есть уральских ребят. Когда закончились все формальности с передачей нашего «шмутья», офицер-покупатель нам объявил, что с этого момента мы уже не железнодорожники, а принадлежим другому роду войск, являемся представителями артиллерии – грозного Бога войны – и направля-

емся в Москву, где дислоцируется запасной полк, куда мы и зачислены.

И вот опять та же самая дорога, по которой неделю тому назад мы шли, особенно не задумываясь о том, что нас ждет впереди. Не знаю, как другие, а я был в каком-то приподнятом настроении, все-таки артиллерия – это настоящая армия, настоящая техника. В моем понимании «железнодорожные войска» только на ранг были выше трудовой армии, которая в тылу строила заводы, это контингент, который в основном состоял из лиц, не пользующихся доверием государства. А я искренне хотел своим ратным трудом, своей кровью, своей жизнью доказать, что я не сын «врага народа», а равноправный гражданин. Я хотел смело смотреть людям в глаза. Наверное, большинству и других ребят импонировало, что мы теперь артиллеристы, и в воображении рисовались уже картины орудий РГК – резерва главного командования, которые мы видели в довоенных фильмах: огромные пушки большого калибра, гусеничные тягачи. Ведь мы тогда еще не знали на ком нас «женили», памятуя слова старой солдатской песни: «Ваши жены пушки заряжены».

А пока мы шли на станцию Соколовская Ярославской железной дороги. Действительно, такая станция есть и, несмотря почти на пятидесятилетие с того времени, память меня в этот раз не подвела. Передвигались не в эшелоне, а шумной гурьбой мы взяли на абордаж подошедшую электричку. И поезд мчится, и уже не из двери телячьего вагона, а из окон электрички, мы смотрим на пробегающие мимо селения. И разве думал я, что через сорок с лишним лет вновь и вновь буду проезжать мимо этих уже теперь разросшихся городов, находящихся в пригороде Москвы. А вот и Москва – столица нашей Родины. Приехали на Ярославский вокзал. Моя нога впервые ступает на Московскую землю. Мы выстраиваемся и строем идем к станции метро. Глаза у всех разбегаются: хочется все удержать в памяти. Дошли до метро, и лестница-чудесница унесла нас под землю. Наверное, в тот момент у многих наших артиллеристов было такое же ощущение восторга, которое испытала моя внучка Анютка, когда я впервые катал ее в Свердловском метро на эскалаторе спустя много-много лет. Через определенное время мы куда-то приехали, выходим, строимся, идем по Московским улицам.

И перед нами опять вырастают ворота, которые открываются, а мы вступаем на плац, уже обрамленный кирпичными домами и высоким каменным забором – оказались в Чернышевских казармах.

Чернышевские казармы

Это старые дореволюционные солдатские казармы и, как я узнал много лет спустя, они носили имя русского солдата, совершившего подвиг. В довоенное время там находилась какая-то воинская часть, а во время войны в расположении этих казарм располагались несколько запасных полков, в том числе и тот, в который мы прибыли – 139 запасной зенитно-артиллерийский полк Московского военного округа, и с пушками не 152–305 мм РГК, а малокалиберными зенитно-артиллерийскими 37 мм. Но все равно это же была артиллерия.

Как я оказался в бане с девочками

И опять, в очередной раз, жизнь начиналась с бани и санитарного пропускника. В связи с тем, что в этих казармах находилось несколько тысяч человек, и постоянно кто-то прибывал и убывал, баня работала по принципу «конвейера». Заходишь в предбанник, раздеваешься, сдаешь грязное белье, гимнастерку и брюки вешаешь на крюк, и в прожарку. Сапоги, ботинки, ремень надо было забрать с собой, перенести через мойку, положить на лавку в чистой половине, и модно было идти мыться. Такой был порядок. Когда я, закончив мыться, прихожу на чистую половину, вдруг вспоминаю: ботинки, ремень, красноармейская книжка – все это осталось там, где я раздевался. Видимо, поторопился и забыл перенести.

И вот я голый направляюсь за своими забытыми вещами. Но что это? Подходя к двери, слышу женские голоса, смех и визг. О, ужас, в банный конвейер попало какое-то женское подразделение. Потоптался у двери, но ведь никуда теперь не денешься, никто солдату не подаст вещи. Открываю дверь, врываюсь в помещение, в котором на тот момент находилось двадцать-тридцать девчонок. Конечно, многие из них были уже раздеты. Но я ничего и никого не видел, все

мое внимание было направлено, а взор устремлен к той единственной лавке, возле которой стояли мои ботинки. Увидев голого парня, девчонки на миг остолбенели и онемели. Но что творилось потом, – это надо было видеть и слышать. Видеть-то (повторяю) я ничего не видел, но слышать – слышал. Кто-то визжал, кто-то ругался, кто-то хохотал, слышал и советы от более смелых девчат: остаться с ними. Схватив свое позабытое хозяйство, я рванул обратно, и тут, видимо, многие поняли, почему я случайно оказался в их компании – смех и возгласы стали более доброжелательными, и сопровождались легкими и вполне увесистыми «поглаживаниями» нежных девичьих рук моего уже помытого тела. И в заключение кто-то перетянул ремнем по моим довольно худым ягодицам. Хохоту было и в чистой половине! Этот инцидент местного значения разнесся по нашему малому гарнизону и, возможно, преподносился уже в качестве солдатского анекдота. Но, ей богу, это было со мной. В общем, нахохотавшись вволю, мы ввалились в нашу казарму.

Казарма

В казарме были двухъярусные нары, но с матрацами и постельным бельем. Мое место оказалось на втором этаже нар. Нам выдали полевые артиллерийские погоны и петлички, которые представляли собой зеленое поле с красным кантом. И мы стали приводить себя в порядок. Также выдали винтовки, противогазы, подсумки, правда, без обойм с патронами. Вот так прошел первый день в Москве. Легли спать, но где-то под утро, часа в четыре, объявили воздушную тревогу. А нам к тому времени уже объяснили, что при объявлении воздушной тревоги, мы должны быстро построиться и направиться на крышу, чердачные перекрытия для борьбы с зажигательными бомбами.

Воздушная тревога и мой боевой пост – под нарами

И вот раздался сигнал воздушной тревоги – все замельтешило перед глазами: с верхних нар посыпались, как горох, те, кто там

спал. Свалился и я, чуть ли не на голову моему товарищу, почивавшему подо мной. Но в этом для нас уже не было чего-то неожиданного, так как в те недолгие дни армейской жизни, которые были не на колесах, старшины при подъеме гоняли нас, как сидоровых коз, требуя в считанные секунды вскочить, одеться и быть в строю. И вот тут со мной приключилось ЧП. Не привыкнув еще к этим чертовым обмоткам, случилось то, что случилось (о чем я поведал ранее, подав, как возможный жизненный вариант): из рук вывалилась моя обмотка и покатилась по полу, размотавшись. И пока я ее поймал и попытался намотать на ногу, не скрутив предварительно, получилось, что в результате совсем запутался, а строй уже стоял. Раздалась команда и батарея, так теперь называлось наше подразделение, затопала к выходу. Оставаться одному в казарме, как «чирью» на голом месте, конечно, нельзя. Обнаружил бы дневальный или кто-то из командиров, проходя по казарме, и были бы неприятности. Не знаю, инстинктивно или благодаря чувству самосохранения, нырнул под нары, и там уже лежал в сравнительно спокойной обстановке, начав сматывать эти «черные голенища». Несколько раз по проходу, мимо меня, прошествовали чьи-то сапоги. А я лежал, притаившись, как мышь, старался не дышать, потому что мне казалось: по всей казарме раздается мое дыхание.

Так прошло минут сорок, и послышался топот. С шумом, гамом и смехом ворвалась в казарму батарея. Замелькали рядом ботинки с обмотками, и тут я выполз из-под нар. Произошло, как говорят, явление Христа перед народом. Конечно, находящиеся рядом товарищи поинтересовались, что я делал под нарами. Кому-то я сказал, что у меня закатился карандаш, ну, а ребятам из отделения пришлось рассказать правду о моих приключениях. Похохотали, но, в общем-то, одобрили мои действия, похвалили за находчивость. А командиру отделения я «втер очки», что в суматохе, все перепутал и попал в другое отделение. Сошло с рук, так как наши унтера еще не успели всех как следует запомнить. За мое недолгое время нахождения в Чернышах (так называли солдатики эти казармы), таких тревог, наверное, было две или три. И были они не учебными, а настоящими воздушными, и объявлялись по всей Москве. По-моему, эти тревоги продолжались весь 1943 год, но в тот период

немецкие самолеты не прорывались к Москве и не бомбили город, хотя преимущество в воздухе все еще было за немцами. Но больше таких казусов со мной не было, оставался еще час нашего отдыха. А солдату дай хоть минуту «покемарить», он не упустит этой счастливой возможности.

Мой первый наряд вне очереди

Чтобы уже покончить с вопросами, связанными с подъемом, я должен рассказать еще об одном неприятном моменте, который у меня случился в эти дни. Нас здорово гоняли старшина и младшие командиры, требуя готовности одеться в считанные секунды. И вот, где-то на второй или третий день, я проснулся минут за двадцать до подъема и решил потихонечку заранее одеться, начал натягивать штаны и гимнастерку прямо под одеялом. И за этим делом меня засек старшина, который обычно являлся в казарму прямо перед подъемом. До общего подъема вставали и уже к подъему были одеты и младшие командиры. Так вот, заметив какое-то шевеление, старшина подошел, откинул одеяло и поднял меня. И начались команды: «Отбой!», – и я моментально раздевался, – «Подъем!», – и я одевался. И так он гонял меня несколько раз, до настоящего подъема. После чего объявил наряд вне очереди. Вот так, не очень удачно, началась моя служба в Чернышах. Наряд мне пришлось отрабатывать в тот же день. Но сначала все легли спать, и я в том числе, и как только сомкнул глаза, меня потянул за ногу дневальный и, чертыхаясь, я в течение часа драил шваброй пол казармы. Вообще, надо сказать, чтобы «наряды вне очереди» выглядели, как наказание, и в полной мере были прочувствованы нарушителем, выполнение их, как правило, приурочивалось к ночным часам.

Наши унтера

Я уже говорил о том, что представлял собой командный состав запасных полков: многие держались за место, чтобы не попасть на

фронт, – поэтому и свирепствовали. Приветствовать не только сержантов и старшину, но даже ефрейторов приходилось строевым шагом, то есть по всем правилам устава. Власть их была неограниченной и иногда доходила до издевательств. Был такой вахлак – хохол, который в своем селе «крутил коровам хвосты», с образованием три-пять классов и шестой коридор, выслужившийся до младшего сержанта, вцепившийся, как клещ, в запасной полк, он просто упивался своей властью. Например, проходя мимо постели, и, увидев чуть криво положенное полотенце, мог все раскидать и раз десять заставить тебя заправить и расправить постель, или раз десять прогнать тебя рядом с собственной персоной, требуя приветствия.

И опять кухня и караул

В общем, началась моя служба в запасном артиллерийском полку. Но, опираясь на логику, далее необходимо повествовать о занятиях, которые бы посвящались пушке, об отработке до автоматизма обязанностей номеров артиллерийского расчета. В артиллерии так называют «прислугу», работающую у пушки. То же название является сугубо гражданским. Но нет, служба началась опять с нарядов: в караул, дневальство, на кухню. Развод караула проходил в Чернышах по всем правилам Устава караульной службы. О том, что ты идешь в караул, объявлялось часа за два. Сначала надо было надраить ботинки или сапоги, и «для себя и для старшины». Был такой расхожий термин. Для старшины – это значит, что должны блестеть носки, а для себя – уже не только носки, но и задники. Надо было подшить чистый подворотничок, проверить – целы ли пуговицы и различные крючки, проверить и надраить оружие, чтобы канал ствола был зеркально чист и смазан. Развод караула проводился на плацу с докладами, духовым оркестром, и когда он кончался, караулы строем шествовали в караульное помещением (или караульные помещения). Ну, а там все было так же, как расписано в Уставе караульной службы: два часа сна, два – бодрствования и два часа на посту, – и так в течение суток.

Наряд на кухне был немного легче, чем в поезде: не надо было таскать по железнодорожным путям ведра и бачки с водой, подны-

ривать под составы. Но приходилось мыть котлы, бачки и прочую посуду, чистить картошку, готовить дрова для кухонных плит, мыть полы в столовой, в кухне, протирать столы и таскать чайники и бачки с супом, кашей, а также убирать со столов. Ведь необходимо было обслужить несколько тысяч солдат (а именно столько их было в тех запасных полках Чернышевских казарм) пусть полуголодным, но зато трехразовым питанием. И чтобы накормить такую массу людей, завтрак начинался в шесть часов утра. А, когда заканчивался, то сразу же начинался обед. За обедом следовал ужин. Учитывая, что дел была прорва, а выделяемый наряд не столь многочисленный, приходилось крутиться, как белка в колесе: все делать почти бегом. Попробуйте только к назначенному времени не подготовить обед? Сержанты-волки постоянно подгоняли, не давали расслабиться ни на минуту в течение дня. Отдохнуть немного можно было только ночью, прикорнув примерно на один часок.

Кроме перечисленных мной работ были еще и другие. За столь короткое пребывание в Чернышах, в те несколько моих нарядов на кухне, пришлось ехать и за хлебом. Отправились мы на полуторке-газике куда-то довольно далеко. И, сидя в кузове машины, я во все глаза смотрел на дома и улицы ночной Москвы. Ведь город, вернее небольшую часть его, я видел только тогда, когда нас привезли, и это были: Комсомольская площадь и какие-то улицы, прилегающие к казармам. Где мы ехали, я, конечно, не знал. Но вот Красную площадь, не узнать просто невозможно, хотя Мавзолей был закрыт мешками и щитами, ведь Москву еще недавно бомбили вражеские самолеты.

Единственное благо, которое давало дежурство по кухне, – это возможность слупить лишнюю кашу, да пожирнее. И результатом для некоторых солдат было полное расстройство желудка на следующий день. Я помню: в одно из таких дежурств рядовой по фамилии Клочков каким-то невероятным образом спер бачок каши, который предназначался для кормежки двадцати четырех человек, и в укромном месте умял его один. Конечно, на следующий день он не вылезал из помещения с буквой «М».

Сменялись мы где-то часов в восемнадцать. И, как убитые, падали на нары. После наряда разрешалось до отбоя полежать

в постели. А отбой обычно производился в двадцать три часа, ему предшествовала вечерняя поверка. Когда батарея выстраивалась, то производилась перекличка, называли твою фамилию, и ты был обязан ответить: «Я», а на флоте отвечали: «Здесь». После чего все хором исполняли Гимн Советского Союза. В это время уже последние дни доживал «Интернационал». Затем его использовали, кто куда: в туалет, на курево. Перед сном еще удавалось пять-десять минут «потравить» байки о своей гражданской жизни или о том, как кто-то ловко провел старшину. Потом раздевались, надо было аккуратно сложить гимнастерку, брюки, и таким образом, чтобы они лежали в один ряд. Также (в ряд) должны были стоять ботинки и сапоги. И не дай Бог, если твой ботинок хоть немного нарушил «строй». В связи с этим недоразумением дежурный (сержант или старшина) мог поднять тебя и заставить подправить ботинок, чтобы он «не зарывался», а знал свое место.

Подъем производился в шесть часов утра. В считанные секунды требовалось встать в строй, затем – зарядка, после чего все приводили себя в порядок. Конечно, было не как на Соколовской, снегом не умывались, а были умывальники. Драили сапоги и ботинки и на утреннюю поверку становились уже во всеоружии: заправленные, бритые, начищенные, ведь никому не хотелось «схлопотать» от старшины очередной наряд вне очереди.

Зенитная артиллерия

Вот так и катилась моя армейская жизнь по наезженной колее, но почему-то эта колея в основном шла по выполнению нарядов: кухня, караулы, – и никак не сворачивала к выполнению тех основных обязанностей солдатской службы, для которых я и был призван. Короче говоря, в те недолгие дни моего пребывания в запасном полку в Чернышевских казармах, в артиллерийском полку, который был оснащен малокалиберными зенитными орудиями, пушки я видел и трогал не более двух раз. Они стояли на плацу – 85-мм зенитно-артиллерийские орудия. По тому времени самые крупные зенитные пушки, имевшие на вооружении осколочные и бронебойные снаряды, представляющие собой унитарные патроны, то

есть с гильзой, а весил такой патрон шестнадцать килограммов. Эти пушки только еще поступили на вооружение нашей армии, из них можно было стрелять и по наземным целям, как с закрытых, так и открытых позиций, то есть прямой наводкой, а при наличии бронебойного снаряда – и против танков использовать не менее успешно, чем из 76-мм орудий. Правда, по наземным целям такие орудия старались использовать только в экстренных случаях, когда обстановка этого требовала, ведь маневренность у них была меньше, чем у 76-мм дивизионного орудия. Но история Отечественной войны знает много случаев применения зенитных орудий против наземных целей. Тулу, например, отстояли, не дали прорваться танкам зенитно-артиллерийские батареи.

На плацу были и 76-мм зенитные пушки, которые кое-где еще у нас были, но постоянно снимались с вооружения. Я коротко рассказал об этих пушках, так как, несмотря на то, что запасной полк готовил специалистов МЗА (малокалиберной зенитной артиллерии), из него сплошь и рядом направляли маршевые роты на пополнение или на формирование дивизионов и полков среднего калибра.

Зенитные пушки

Оружие славы

Первую специальную зенитную пушку в России, проект которой Главное артиллерийское управление рассмотрело еще в 1910-ом году, создали путиловский инженер Ф. Лендер и капитан В. Тарновский в год начала Первой мировой войны. Вскоре была сформирована и первая автомобильная батарея для стрельбы по воздушным целям, которая действовала под Варшавой, а всего в годы той войны в тридцати зенитных батареях стреляли пушки образца 1914 года. Зенитка, впервые оснащенная полуавтоматическим клиновым затвором с инерционной полуавтоматикой, имела угол возвышения 65 градусов, но уже через год Путиловский завод начал выпуск улучшенной 76-мм пушки образца 1914–1915 годов с углом возвышения 75 градусов. Выпускалась она на артиллерийском заводе №8 до 1934 года и даже участвовала в Великой Отечественной войне.

Нацеленные в зенит

К началу войны основу ПВО страны составляли 76-мм пушки (среднего калибра) образца 1931 и 1938 годов. Правда, в период перевооружения: с 1937-го по 1940 годы, – в РККА поступили автоматические зенитные пушки калибров 25мм, 37мм и 45мм, разработанные под руководством главного конструктора артиллерийского завода №8 Михаила Логинова. В феврале 1941 года началась реорганизация, и вся территория СССР была поделена на зоны ПВО в границах военных округов. Всего к началу войны было сформировано тринадцать таких зон. 21 июня 1941 года зенитная артиллерия ПВО страны располагала 58 зенитными артиллерийскими полками и 120 отдельными дивизионами, включавшими в общей сложности 3659 орудий среднего и 330 орудий малого калибров.

9 ноября 1941 года Государственный комитет обороны принял постановление №874 «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны территории Советского Союза». Войска ПВО были выведены из подчинения командующих войсками военных округов и фронтов и подчинены командующему войсками ПВО территории страны – заместителю наркома обороны по ПВО. При этом противовоздушную оборону Москвы осуществляли 1-ый корпус ПВО и 6-ой истребительный авиационный корпус. С начала боевых действий до конца 1941 года зенитной артиллерией ПВО на оборону Москвы было израсходовано 741000 снарядов среднего калибра, и только 229 фашистских самолетов (2,6 процента от общего числа участвовавших в налетах на Москву) сумели преодолеть систему ПВО города. К апрелю 1942 года налеты бомбардировочной авиации на столицу практически прекратились. К концу войны на вооружении московской армии ПВО было 1100 зенитных орудий калибра 90 мм, 85 мм и 76 мм.

Что же представляла собой 76-мм зенитная пушка 1938 года? Она была модернизацией первой советской зенитки образца 31-го, вполне современного орудия с хорошими баллистическими качествами. Ее существенным недостатком было то, что перевод из походного в боевое положение представлял весьма трудоемкую операцию и занимал больше 5 минут – это недопустимо много для современной войны! Поэтому для 76-мм зенитной пушки вместо двухколесной была

разработана четырехколесная платформа ЗУ-8, на которую наложили старую качающуюся часть (ствол с затвором и люльку с противооткатными устройствами) образца 1931 года. Эта полуавтоматическая пушка имела боевую скорострельность до 20 выстрелов в минуту, причем стрельба велась осколочными снарядами, вертикальная достигаемость которых составляла 9250 м, и бронебойными, которые на расстоянии 500 м пробивали броню до 78 мм.

Прицельные приспособления пушки позволяли вести огонь по воздушным целям с использованием прибора управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО). Благодаря применению платформы ЗУ-8 время перевода системы из походного положения в боевое сократилось до 1–1,5 минут, увеличилась скорость перевозки орудия.

В соответствии с предвоенными планами зенитный дивизион каждой стрелковой дивизии РККА должен был иметь четырех орудийную батарею 76-мм зенитных пушек. В состав корпуса включался дивизион из трех-шести орудийных батарей этих пушек, для чего стране требовались 4204 зенитные пушки такого калибра. Эта программа не была реализована – в том числе в связи с созданием более мощного 85-мм зенитного орудия, которому в конце концов отдано было предпочтение.

Всего за годы Великой Отечественной войны заводами Наркомата вооружения СССР было произведено 39283 зенитных орудия. С их помощью, а также пулеметами и аэростатами заграждения, уничтожено 3145 самолетов противника. При обороне столицы зенитные орудия успешно применялись и для борьбы с немецкими танками.

За годы войны заводами Наркомата вооружений произведено почти 40 тысяч зенитных орудий.

Малокалиберная тридцатисемимиллиметровая

И вот, наконец-то, нас знакомят с малокалиберной 37-мм зенитной пушкой. Хотя это было и малокалиберное орудие, но вес ее составлял 2100 кг, то есть значительно больший, чем пушки диви-

зионной и полковой артиллерии большего калибра. Она представляла собой орудие на вращающейся платформе, установленной на лафете с четырьмя колесами, и откидывающимися перпендикулярно лафету, двумя балками, образующими вместе с лафетом крест для устойчивости орудия. Хотя можно было стрелять и, не отводя балок, прямо с колес. На платформе помещалось пять человек: два наводчика, установщик и вводящий в прицел дальность и скорость цели, установщик направления курса цели и углов пикирования и кабрирования (то есть верх) самолетов и заряжающий. Эти артиллерийские номера крутились вместе с пушкой.

Позвольте мне все-таки более подробно остановиться на этом орудии, ведь с ним три с половиной года была связана моя военная судьба. И как пелось в старинной солдатской песне: «Наши жены – пушки заряжены. Вот кто наши жены!». Три с половиной года мне приходилось холить, лелеять, чистить, мазать и очень часто таскать на горбу свою пушку. И не только приходилось ее «щупать», но и с закрытыми глазами или вообще в полной темноте что-то в ней разбирать, стрелять из нее, вгоняя в ствол снаряды, а часто и согреваться возле пушечки, отстрелявшись в морозную ночь. Приходилось прятать ее в землю: в первую очередь рыть ровики для пушки и снарядов, а уж потом только – для себя.

Так вот, наводчики сидели в металлических креслах. Один из них крутил ручкой пушку по горизонтали, как на карусели, ловя цель в перекрестие своего коллиматора. Этот наводчик назывался наводчиком по горизонтали. Наводчик по вертикали крутил ручку, и тем самым поднимал и опускал ствол орудия, и также ловил цель в перекрестие. Поймав цель, тот и другой наводчики кричали: «Цель поймана!». И от командира взвода (или батареи) поступала команда: «Огонь!», – от командира орудия была команда: «Орудие!», – и бойцы нажимали ногами педали, в результате чего начиналась стрельба. Если кто-то из наводчиков не нажимал педаль, так как цель уходила из перекрестия, применив противозенитный маневр, пикируя или кабрируя, выстрел не производился. Но, когда они снова находили цель, стрельба возобновлялась.

Третий номер (или установщик скорости и дальности), стоя на платформе, крутил моховики установки дальности до цели и ее ско-

рости, которые считывались дальномерщиками и дублировались командиром орудия, вводя таким образом упреждение в прицел, то есть ствол был направлен не точно в цель, а куда-то вперед, с учетом того, чтобы самолет и снаряд, имея определенные скорости и солидное расстояние друг от друга, могли бы в определенной точке встретиться.

Четвертый номер также стоял на платформе справа и устанавливал курс цели, поворачивая стрелку по лимбу параллельно курсу цели, и устанавливая другую стрелку под тем углом, под которым самолет пикировал или кабрировал, выходя из пике или применяя противозенитный маневр. Своими действиями этот номер также вводил в прицел соответствующие данные.

Пятый номер – это заряжающий, в его обязанности входило: брать обоймы со снарядами, подаваемые ему подносчиками, и толкать эти обоймы в магазин. Патрон – гильза со снарядом весила 1,5 кг, а в обойму входило пять снарядов, то есть она весила полпуда. От заряжающего зависела скорострельность орудия. А пушка могла выпустить 100 снарядов в минуту. Следовательно, надо было каждые 3 секунды кинуть полпуда в магазин, да еще смотреть, чтобы снаряды не перекосились. За минуту это составляло 10 пудов. Это был, конечно же, нелегкий физический труд, для выполнения которого, зачастую на морозе и холоде, я сбрасывал шинель и ремень, оставляя только каску. Заряжающего обслуживали два подносчика снарядов шестой и седьмой номера, призванные подавать обоймы, а при необходимости, успевавшие еще и снаряжать эти обоймы. Восьмым был командир орудия. Вот эти люди и составляли орудийный расчет или «прислугу».

Как я уже сказал, унитарный патрон весил 1,5 кг, в том числе сам снаряд 700–800 гр. Снаряды были такие же, как и у среднего калибра, осколочные и бронебойные. Те и другие трассирующие, то есть по горящему трассеру было видно, как летит снаряд. И если у среднего калибра устанавливалась трубка, и на каждом снаряде устанавливалась дальность, где он должен был разорваться, то на снаряде малого калибра этого не делалось. Но если снаряд не попадал в цель или не встречался с какой-то преградой, через определенное время, на высоте 8000 м, снаряд разрывался. Удовольствие

стрелять было недешевым, как у нас говорилось: каждый выпущенный снаряд – это выброшенная пара хромовых сапог. Вот что представляла собой наша пушка.

В одну из таких, извините, «экскурсий» к орудиям наша новая батарея наблюдала за всеми манипуляциями орудийной прислуги по приведению орудия в боевое положение по команде «К бою!» в считанные секунды, к походному состоянию по команде «Отбой – поход!». Мы видели, как крутят пушку наводчики, как исполняют и репетируют (повторяют). Было и еще одно свидание с нашими суженными, когда нам удалось их погладить и осуществить какие-то манипуляции с ними. Вот и вся моя учеба. Не знаю, уж почему так получилось? Пехотинцев и то в несколько раз дольше учили, прежде чем бросить в бой, чем некоторых солдат-артиллеристов из нашей батареи, в том числе и меня.

Толя из армии Власова, но не власовец

А события разворачивались таким образом: пробыл я в этом полку не более полутора-двух недель, а может, и того меньше. В своем втором разделе уже вскользь рассказывал об этом, вспоминая о моей встрече со своим школьным другом Толей Анферовым.

В чем-то, может быть, и повторюсь, чтобы сохранить последовательность собственного изложения. Я был в наряде на кухне и таскал бачки с супом, кашей, чайники с чаем, обслуживая прибывавшие принимать пищу подразделения, которые сменялись, как в калейдоскопе. И бегая, как половой в трактире или кабаке, не имел никакой возможности взглянуть на тех, кого я обслуживаю. И вот в этой суматохе подошел ко мне солдат, в котором я узнал своего друга Толю. Мы встретились с ним вечером в моей казарме, после моего возвращения из наряда, и до отбоя проговорили с ним. Он мне рассказал, как был в Армии Власова, и их подразделение, попав в окружение, не сдалось в плен, а с боями вышло из окружения. Как им пришлось питаться павшими лошадьми, отбиваться от немцев их же (немецким) оружием. А в Черныши он попал на формировку. Я даже как-то не спросил у него, в какой части он находится, а узнал только, где его казар-

ма. И мы договорились, что на следующий день вечером я приду к нему. Но не получилось. Не знаю: остался в живых мой друг или погиб на войне…

Андрей Власов родился 1 сентября 1901 года в Нижегородской губернии. Как и Сталин, он учился в семинарии. После революции от мысли стать священником отказался. Он поступил в университет на агрономический факультет, где проучился только год. В мае 1920 года его призвали в Красную Армию. После краткосрочных курсов командного состава успел повоевать на Врангелевском фронте. От демобилизации отказался и выбрал военную карьеру. В сентябре 1938 года он получил под командование 72-ую стрелковую дивизию в Киевском округе, но сразу же был отправлен в особую командировку, которую командиры Красной Армии не имели права упоминать даже в служебных документах.

Власов в автобиографии и в анкетах неизменно писал: за границей не был. Это неправда. В те годы у советских военных было два заграничных маршрута – на запад, в Испанию, или на восток, в Китай. Власова отправили на восток. После возвращения на родину, в декабре 1939 года, Власов получил под командование 99-ую дивизию, дислоцировавшуюся северо-восточнее Перемышля. 4 июня он стал генералом. Сообщение было напечатано в «Правде» вместе с его портретом.

16 апреля 1942 года Власов получил роковое для него назначение – командовать 2-ой ударной армией, цель которой – прорвать блокаду Ленинграда. А армия уже и обороняться не могла: отрезанная от источников снабжения, обессилевшая, находилась в крайне бедственном положении. Из воспоминаний ветеранов: «Траншеи заливало водой, кругом плавали трупы. Бойцы и командиры голодали, не было ни соли, ни хлеба. Отмечались случаи людоедства. Не осталось ни хлорки для обеззараживания воды, ни медикаментов».

29 апреля немецкие войска, чтобы не дать 2-ой армии вырваться, начали наступление с целью перерезать коридор. Бои были невероятно ожесточенные, бились врукопашную. Часть армии – это конный корпус, две танковые и две стрелковые бригады, – генерал Власов вывел без приказа на свой страх и риск. Эти люди спаслись и обязаны ему жизнью. 6 июня немцы полностью отрезали 2-ую армию. В окружении оказались семь дивизий и шесть бригад. Окру-

женные войска остались без боеприпасов и продовольствия. Бойцы питались вареной кониной и супом, сваренным из травы. Хуже всего пришлось раненым, которых невозможно было эвакуировать, нечем было лечить. Почти три недели, с 24 июня по 12 июля, предпринимая попытки выбраться из немецкого котла, генерал Власов бродил со своей оставшейся армией по болотам. Наверное, он надеялся, что его выручат, пришлют за ним самолет, или, что он натолкнется на партизанский отряд. В сентябре 1941 года, попав в такое же отчаянное положение, он вырвался… На сей раз ему не повезло. 11 июля Власов и Воронова пытались укрыться в деревне Туховичи. Местный староста обещал им помочь, на самом же деле запер их в сарае без окон и сообщил немцам, что поймал партизан.

12 мая 1945 года днем советские офицеры 25-го танкового корпуса 13-ой армии 1-го Украинского фронта перехватили Власова, его немедленно отправили в Москву. А 15 мая бывшего генерала привели к генералу Абакумову, и начальник СМЕРШа распорядился держать Власова в одиночной камере, но предоставить ему дополнительное питание. Возможно, первоначально готовили открытый процесс и хотели, чтобы на нем генерал хорошо выглядел. Но Власову был уготован другой суд.

Бывший командующий 2-ой ударной армией Волховского фронта генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов был одним из многих генералов, попавших в немецкий плен. Но одним из немногих, кто согласился сотрудничать с врагом, так как решил, что Красной Армии пришел конец, и предпочел не сидеть за колючей проволокой. Совершенно очевиден и другой мотив: Власов был крайне честолюбив, жаждал власти и рассчитывал на высокий пост в разгромленной послевоенной России. Отдел пропаганды генштаба немецких сухопутных войск немедленно использовал имя генерала в листовках, которые с 10 сентября 1942 года сбрасывались над расположением Красной Армии. Одна листовка представляла собой обращение Власова к командирам Красной Армии, вторая была пропуском для сдачи в плен.

По подсчетам историков, личный состав Русской освободительной армии состоял из пятидесяти тысяч человек. Это были бывшие солдаты и офицеры Красной Армии. Русские из белой эмиграции поначалу шли к Власову не очень охотно, но в конце войны и они примкнули к РОА. Прежде всего, это касалось казачьих частей.

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июня 1946 года:

«1. Судить Военной коллегией Верховного суда СССР руководителей созданного немцами «Комитета освобождения народов России»: Власова, Малышкина, Трухина, Жиленкова и других активных власовцев в количестве 12 человек.

2. Всех обвиняемых в соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы».

Дал эту подборку о Власове, потому что находятся лица, считающие этого предателя патриотом, борцом со сталинским режимом.

Маршевая рота

А вечером произошло следующее: выстроили батарею, скомандовали «выйти из строя человекам двадцати». По какому принципу? Я не знаю. Возможно, сработал образовательный ценз, чтобы сформировать подразделение из людей, которых можно быстро подготовить, а может быть и что-то другое. В числе этих двадцати человек оказался и я. Нам была дана команда – построиться с вещами. Собрать свой нехитрый скарб было делом минуты, мы, как улитки, могли сказать, что «все свое носим с собой». И потопали куда-то со своими «сидорами», но без оружия. В этих же казармах зашли в какое-то помещение, которое и комнатой не назовешь, также оборудованное двухъярусными нарами, но без матрацев. Было приказано: получить новое обмундирование, все, кроме нижнего белья. Выдали новые гимнастерки, брюки, портянки, шинели и погоны. Начали мы подгонять «одежонку» под себя, пришивать петлички. Чувствовалось, что готовят солдат, конечно, не на парад, а, наверное, «вперед на Запад». Но мы оказались не одни. Появились младшие командиры и еще какие-то солдаты, и все, пожалуй, кроме сержантов, претерпели ту же процедуру, что и мы, переоделись во все новое.

В общей сложности набралось примерно сто человек. Никто не знал, куда нас готовят и что нас ожидает. Отлучаться из казармы запретили, и мы кто как устроились на этих нарах. Я был спокоен,

жаль только, что не состоялось наше рандеву с приятелем Толей. Возможно, что, не дождавшись меня, он сам пришел в мою казарму, но ведь никто не знал, куда нас увели.

Наверное, часов в пять утра всех подняли, построили и вывели на плац казарм. Появился какой-то офицер в звании майора-полковника и произнес речь, сказав, что мы направляемся на фронт и нам в процессе боевых действий предстоит освоить боевую технику, затем пожелал успехов и всего доброго. Оркестр заиграл модную по тем временам мелодию. Я даже помню некоторые слова из этой песни:

«Прости, прощай, подруга дорогая,
На бой с врагами уезжаю я,
Не забывай, подруга, дорогая…

Бокалов звон и тост за возвращенье,
И многих нет со мной моих друзей,
Сражены пулей вражескою меткой,
Бойцы-герои спят среди полей.
Расстаемся мы теперь, но, милая, поверь:
Дороги наши встретятся в пути…».

Открылись ворота, оркестр остался за ними, а наша серая масса, колышась, двинулась на вокзал. Несмотря на раннее утро, попадался уже рабочий люд, и старушки, которые, видимо, спешили в булочные. Некоторые из них, останавливаясь, провожали наш строй взглядом, наверное, вспоминая, как вот также прощались с кем-то из своих родных и близких. Но вот и Ленинградский вокзал, снова та же Комсомольская площадь. И мы находимся в воинском зале. Прошло какое- то время, может час, а может быть и два, когда объявили посадку. Мы дружно высыпали на перрон, где стоял пассажирский состав.

Едем в Бологое

Таким образом, на этот раз нам были уготовлены не телячьи вагоны. Наверное, мы заняли один или два вагона состава, а в осталь-

ных ехал гражданский люд, но все же больше было военных, тех, кто группировался малыми командами либо ехали по одному. Наш путь лежал к Ленинграду. Мы двигались по Октябрьской железной дороге, проезжая по тем местам, где совсем недавно гремели бои и где, хотя и короткое время, но стояла нога немецкого солдата: Клин, Калинин и другие населенные пункты были под оккупацией немцев. Видели войну впервые через окна нашего состава, а война смотрела на нас руинами, оставшимися от вокзалов, обугленными печными трубами деревенек, воронками от бомб. Как оказалось: мы направлялись в Бологое.

Бологое – крупный железнодорожный узел на Октябрьской железной дороге. Он соединяет Октябрьскую дорогу с Ярославлем, Великими Луками, Старой Руссой, таким образом, от этой станции отходят ответвления дорог в трех направлениях. Бологое находится в 320км от Ленинграда, где-то на середине пути между Москвой и Ленинградом.

Был март 1943 года и, конечно, из газет, сводок Совинформбюро, мы знали о тяжелых боях, которые шли под Великими Луками, когда город неоднократно переходил из рук в руки. Ожесточенные бои шли и под Старой Руссой, где образовался первый котел, в который попала 16-ая немецкая армия, но противнику удалось выбраться, и тогда в котле оказались наши бойцы. И наконец, через Бологое шли грузы и передвигались войска к блокадному Ленинграду. Я сделал это отступление, чтобы показать, какое значение имела станция Бологое зимой и весной 1943 года, ведь только тогда будет ясно, почему немцы уделяли особое внимание в то время данному железнодорожному узлу.

Бологое

Но вот и Бологое, вернее то, что от него в ходе войны осталось. Вокзал и город были разрушены, кругом – воронки от бомб. Эти воронки зияли и около железнодорожных путей, но станция функционировала, хотя составов стояло немного. Пока мы разгружались, подошли вездесущие железнодорожники для того, чтобы стрельнуть у нас табачку. И от них-то мы как раз и узнали, что Бологое

немцы бомбили каждый вечер и каждую ночь. Но вот опять раздается команда: «Становись!». И мы снова куда-то едем.

А Бологое, как станция, нам знакома еще с детства, наверное, все помнят стихотворение о Рассеянном с улицы Бассейной, где есть строки:

– Бологое? Спрашивал, бывало, у кучера одуревший от дорожной тряски пассажир, едва стихал звон валдайского колокольчика.

– Бологое иль Поповка? Интересовался, сидя в отцепленном вагоне, некто Рассеянный с улицы Бассейной. Это когда на карте уже существовал город Ленинград…

Если бы не было на свете Бологого – его стоило бы придумать, хотя бы для того, чтобы застолбить полпути и устроить небольшой отдых людям в дороге между двумя столицами. Однако городок явился на свет почти на триста лет раньше ясноликой Северной Пальмиры. И, испытав всякое, дожил нынче до своего пятисотлетия. И справил День рождения – три дня жители гуляли. Сами пели и приезжим знаменитостям внимали, были ряженые, фейерверки и парашютисты. Город веселился, чтобы потом как ни в чем не бывало переодеться в основную (преимущественно железнодорожную) рабочую форму одежды.

Самым оживленным местом в городе и по сей день остается железнодорожный вокзал. В привокзальном буфете и в киосках – обычный ассортимент: сникерсы, жвачки, кока-кола, алкоголь. А когда-то, все это на памяти еще не состарившегося местного населения, на вокзал ходили «гулять», был тут свой торжественный променад. И продавалось особое мороженое: на вафельках, зажимающих сладкий молочный холод, на них выдавливались имена влюбленной пары покупателей. Свет из вагонных окон казался гуляющим по перрону загадочным и теплым. А за мягкими приспущенными шторами текла какая-то своя параллельная жизнь. И однажды, выйдя из вагона размять ноги и выпить сельтерской воды на длительной стоянке в Бологом, состоялась роковая встреча Вронского и Анны Карениной…

Бологое, словно самой судьбой, создано для встреч и расставаний. Здесь в 1857 году венчались Наталья Дмитриевна Фонвизина, вдова генерала-декабриста, являющаяся прототипом Татьяны Ла-

риной, и любимый друг Пушкина – Иван Иванович Пущин, отбывавший срок ссылки. Только два года совместной жизни было отпущено немолодой паре: в 1859 году Пущина не стало.

А еще в Бологом встретилась Николаю Рериху девушка-простушка: в банный день, только что из пара, с чистыми-чистыми глазами и влажными волосами, упрятанными под платок. Звали эту девушку Еленой Ивановной, она стала Рериху женой. Своего первенца-сына супруги потом тут, в Бологом, и окрестили.

Появятся еще в жизни города новые сюжеты. Возможно, они будут нанизаны на нить судьбы уже не на этой Николаевской (Октябрьской) железной дороге, а новой высокоскоростной магистрали – Москва-Санкт-Петербург. И знаменитые писатели России придумают новые истории, на полном ходу тормозя у знаменитой станции Бологое. Но это уже будет во второй половине первого тысячелетия.

На батарее

Минут через 20-30 подходим к пустырю, на котором стояли в ряд четыре зачехленные пушки. Откуда-то появились еще сержанты и офицеры. Сопровождавший нас лейтенант доложил старшему лейтенанту, обратившись к нему как к комбату, что личный состав батареи прибыл для прохождения службы. Старший лейтенант – высокого роста мужчина, с бакенбардами, с пухлыми и неприятно мокрыми губами – сообщил, что мы зачислены в батарею отдельного зенитного артиллерийского дивизиона малого калибра (ОЗАД МК), на вооружении которого находятся 37мм пушки. И что нам надлежит привести орудия в боевое положение, срочно выкопать орудийные ровики, ниши для снарядов. Необходимо получить личное оружие, патроны, противогазы, освоить обязанности тех орудийных номеров, которыми мы будем являться. Можно приступать к боевому дежурству, начинать отрывать укрытия для личного состава и быть готовыми к боевой работе, а именно – к отражению налетов немецкой авиации, которая вот уже несколько дней бомбит станцию и город Бологое.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ ПВО

Северный фронт противовоздушной обороны образован по постановлению Государственного Комитета Обороны (ГКО) 29.03.1943г. Полоса его действий – от Баренцева моря до ряда городов России. В состав Северного фронта ПВО вошли: Особая Московская армия ПВО, 1-ая Воздушная истребительная армия, 12-я отдельная истребительная дивизия и Отдельная бригада ПВО, куда и входила наша часть на 1 мая 1944 года. В войсках фронта было: 1150 самолетов-истребителей, около 5600 зенитных орудий, 2750 зенитных пулеметов, 1700 зенитных прожекторов.

Задача фронта – это оборона Москвы, прифронтовой зоны на Западном и Северо-Западном направлениях. Северный фронт ПВО сыграл важную роль в охране прифронтовых коммуникаций. Было уничтожено 320 самолетов противника. Командовал фронтом Генерал-полковник М.С. Громадан. (Энциклопедия: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.).

Оборонительный пояс ПВО

Строительство пояса ПВО вокруг Москвы началось в 1933 году. Оборонительный пояс охватывал столицу кольцом шириной 200–250 километров и был усилен по наиболее вероятным (западным) маршрутам налетов. К началу войны технические средства могли обнаруживать самолеты противника на дистанции до 100 километров. Система управления огнем позволяла концентрировать огонь 12–15 зенитных батарей, создавать для ночного боя световые поля в несколько квадратных километров. Имеющиеся аэростаты позволяли ставить заграждения на площади от 200 до 400 квадратных километров. Истребители ПВО предназначались для ведения боев на расстоянии 100–200 километров от Москвы, вне зоны огня зенитных батарей. Зенитная артиллерия прикрывала саму столицу и ближние подступы к ней – зону шириной в 30–40 километров.

Долетали только три из сотни

В первые годы Великой Отечественной войны к Москве смогли прорваться 234 немецких самолета. Это менее трех процентов от вылетавших на бомбардировку самолетов. Всего войска ПВО Москвы отразили 122 воздушных налета. На столицу были сброшены

1610 фугасных и около 100 тысяч зажигательных бомб, которые привели к возникновению 700 крупных и около 2 тысяч мелких пожаров. Примерно третья часть бомб попала в ложные цели и не принесла особого вреда.

В 22 часа 7 минут в столице объявили воздушную тревогу. Под вой сирен в воздух на перехват врага поднялись истребители. В 22 часа 29 минут прожекторы осветили первые воздушные цели, и был отдан приказ на ведение огня всеми огневыми средствами. На командный пункт ПВО Москвы прибыли: Сталин и командующий Московской зоной ПВО генерал Громадин, а также большинство членов Государственного комитета обороны.

Советские истребители развернули воздушные бои на рубеже Солнечногорск-Голицыно. Командир эскадрильи 11-го истребительного авиационного полка капитан Константин Титенков сразу же уничтожил немецкий самолет-флагман. После гибели ведущего экипажа взаимодействие в группе вражеских самолетов нарушилось, и подоспевшие наши истребители рассеяли строй фашистов. Большинство из «Хейнкелей», «Юнкерсов» и «Дорнье», бесприцельно сбросив бомбовый груз, развернулись и ушли на запад. Но другие немецкие авиагруппы продолжили свой полет к городу. В зону огня зенитной артиллерии они входили с разных направлений, эшелонировано по высотам. Но сквозь сплошную огневую зону заградительного огня прошли и отбомбились немногие – лишь несколько самолетов.

Были жертвы и разрушения. Под бомбежкой погибли 130 москвичей, еще 241 человек получил тяжелые ранения. Были разрушены 37 зданий. Несколько бомб упали на территорию Кремля, но не принесли, к счастью, существенных повреждений.

Потери авиации люфтваффе составили 22 самолета: 12 сбили советские истребители и 10 остались на счету зенитчиков. Заслушав доклады генералов, Сталин сказал: «Двадцать сбитых самолетов – это десять процентов от числа участвовавших в налете. Для ночного времени это нормально. Мне сейчас звонил маршал Тимошенко. Сказал, что наблюдал за самолетами противника, идущими от Москвы. Некоторые из них горели и падали за линией фронта».

До этого при налетах на Лондон и столицы других европейских государств потери люфтваффе никогда не превышали трех процен-

тов самолетов. Но с маниакальной настойчивостью Гитлер требовал от своих летчиков, чтобы они продолжали бомбить столицу Советского Союза. И немецкие самолеты летели, и их сбивали.

С 22 июля по 22 августа 1941 года за месяц интенсивных воздушных боев над Москвой немцы потеряли свыше 200 самолетов из 400, специально выделенных для уничтожения главного города России. Главной и невосполнимой для немцев потерей стало уничтожение высококлассных летчиков. В небе над Москвой были разгромлены лучшие бомбардировочные эскадры люфтваффе – знаменитые «Кондор» и «Гриф», которые разбомбили в мелкую пыль испанскую Гернику и английский Ковентри, которые бомбили Лондон, Париж и другие европейские столицы.

Уже с конца августа 1941 года интенсивность авиационных налетов фашистской авиации на Москву стала падать. К апрелю 1942 года бомбежки советской столицы окончательно прекратились.

Фронтовая обстановка

И в этой фронтовой обстановке нас, необстрелянных юнцов, противопоставили «Люфтваффе». Так началась моя служба в 178-ом зенитно-артиллерийском дивизионе малого калибра 16-ой зенитно-артиллерийской бригады, сокращенно – ОЗАД. Это была отдельная боевая самостоятельная часть, в которую входило четыре батареи и все необходимые для отдельной части службы. Батарея – четырех орудийная, в ней два огневых взвода, в каждом из которых по два орудия, и взвод управления, состоявший из телефонистов, дальномерщиков, радистов и разведчиков. Таким образом, в батарее было четыре офицера: комбат, два командира огневых взводов, командир взвода управления. Всеми хозяйственными делами (или, как говорили в армии, ОВС – одежно-вещевым снабжением и ПФС – продуктово-фуражным снабжением) занимался старшина, в команде которого находилось три-пять человек, в том числе и повар. При дивизионе состояла авторота, в которую входили машины «Доджи ¾» и «Студебеккеры» для перевозки пушек, снарядов и прочего батарейного и дивизионного хозяйства. Имелся в батарее и санинструктор.

Закончил свою короткую речь наш новый комбат, фамилия которого была Петухов.

Мне он показался неприятным и своими баками, и каким-то пренебрежительным отношением к солдатам. Я не ошибся: и комбат, и командир огневого взвода, куда я попал, лейтенант Баландин, оказались, как два сапога пара. Причем, первый был понижен в звании за какой-то неблаговидный поступок. Они оба, полные желчи, издевались над нами, пользуясь тем, что большинство из вновь прибывших были безропотными сосунками. Ну, ладно, подробно об этом расскажу позже.

И вот нас разбивают по взводам, по орудиям. Оказывается, среди этой маршевой роты были не только такие, как я, которые только смогли раз пощупать пушку, но и такие, кто в запасном полку были не без году неделя, и уже кое-что знали. Правда, по-моему, стреляли только сержанты. В нашей орудийной прислуге из восьми человек с командиром, четыре человека что-то знали и умели, а четыре были такие, как я. Примерное соотношение существовало и на других орудиях. Из «грамотных» бойцов двоих в нашем расчете определили наводчиками, ну а меня назначили заряжающим. Я уже ранее, рассказывая о 37 мм пушке, пытался вкратце познакомить читателей с «работой» заряжающего. И говорил, что это нелегкий труд: за одну минуту надо было перекидать десять пудов снарядов, а ведь бой длился далеко не минуту. По мере своего повествования я еще вернусь к тем обязанностям, которые возлагались на меня как на заряжающего.

Нашим командиром был Гриша Перебейнос – сержант из старослужащих, который еще до войны служил срочную. А, когда началась война, то она помешала ему демобилизоваться. И к тому моменту он уже понюхал пороху.

Мы разметили ровик и начали копать. У пушки оказалось несколько штыковых лопат и пара ломиков, которые нам оставили наши предшественники, воевавшие с врагом при помощи этих пушек. Но этого инструмента явно было мало. И мы (со временем) запаслись и штыковыми, и совковыми лопатами, а еще – кирками, а земельки-то пришлось перекопать столько, что трудно даже себе представить. Каждая огневая позиция включала в себя орудийные ровики для отдельного орудия, глубиной примерно метр с выездной аппарелью, куда закатывалось орудие. Для его устойчивости

во время стрельбы от лафета откидывались две станины, образующие вместе с лафетом крест. Колеса поднимались, и пушка садилась на четыре круглые шарнирные опоры диаметром 300–400 мм, оборудованные домкратами (две опоры на лафете и две на откидных станинах). С помощью домкратов орудию в боевом положении придавали строгую горизонтальность, которая контролировалась уровнями, вмонтированными около домкратов. На бруствере отрывалось несколько ниш снарядных ящиков, с тем, чтобы при вращении платформы пушки, с любой стороны можно было подносчикам взять обоймы со снарядами и подать их заряжающему.

Землянка – наш дом

Прямо в орудийный ровик был выход от блиндажа (землянки, укрытия для прислуги – орудийного расчета), который представлял собой котлован глубиной уж никак не менее двух метров, а то и 3(4) х 4(5) метров в зависимости от возможностей. Во фронтовых условиях этот блиндаж или землянка, понятное дело, были меньше, но глубже, с устройством большего наката над ними, который мог бы предохранить расчет от мины или снаряда. Подальше от фронта на стационарных объектах (мосты, железнодорожные станции и так далее), которые надо было охранять от налетов не день, не два, а целые недели или даже месяцы, уделялось больше внимания уже не накату, а внутреннему «комфорту». Но во всех случаях всегда учитывалось, чтобы можно было людям из расчета прилечь на отдых и установить печку-буржуйку. Где-то в середине площади, занимаемой батареей, а чаще всего это был квадрат, в углах которого стояли орудия, отрывали блиндаж для взвода управления, где располагались телефонист, радист, и рядом с ними еще был окоп для дальномерщика. Нашим орудиям предназначался метровый дальномер, а вот у орудия среднего калибра – 85мм на батарее был четырехметровый дальномер. Затем отрывались землянки для комбата и командиров взводов. Если эти сооружения находились подальше от передовой, то требовал себе каптерку старшина – землянка ему, потом землянка для всех остальных: санинструктора, повара и так далее. Ну, а поближе к передовой надо было рыть укрытия перед

батареей, орудия в этом случае выстраивались в одну линию, окопы были с ячейками, – все это для отражения пехоты и танков противника. Окопы занимал весь личный состав, не связанный с орудием или оставшиеся без своего орудия орудийные номера (в случае окончательного выхода из строя их пушки).

Что лучше: «бог войны» или «царица полей»?

Сколько мне пришлось за эти годы поменять огневых позиций, просто счету нет, а порой наряду с огневой, приходилось рыть еще и запасную траншею, и часто – окопы на передовой от танков. Немного отвлекусь от темы.

Ходить пешком за годы войны мы почти разучились, так как передвигались в основном на машинах. И вот едешь, бывало, и смотришь на бедных пехотинцев: едва ноги волочат, да еще несут на себе винтовку и автомат, (ПТР) противотанковое ружье или миномет, или плиту от него, а то и станок от пулемета «Максим» или же сам пулемет. А кругом жара или слякоть, грязь по колено или снег да мороз. А ты или в кабине едешь, или под тентом сидишь в машине. И видишь: с какой завистью провожают тебя глаза из-под минометной плиты. Но знали бы они, эти представители «царицы полей», что дойдут они до места, займут окопы и залягут на боковую, а в худшем случае – отроют себе ячейку или окоп и зададут храпака. А тем, кому они позавидовали, так называемым «богам войны» надо копать, копать и еще раз копать, чтобы хоть ненадолго вытянуть натруженные руки и распрямить скрюченные от лопаты, лома или кирки пальцы. А в общем, кто кому может завидовать на войне? Война – это тяжелая работа и тяжкий труд плюс ко всему прочему: к крови, смерти, ужасам…

И опять я отвлекся от последовательности своего изложения. Все время меня куда-то заносит благодаря воспоминаниям. А, в общем-то, торопиться некуда. И человек, нежелающий читать все эти подробности, может их пропустить, как я когда-то, читая не очень увлекательную книгу, мог проскочить мимо резонерства писателя, а порой – и мимо сильно затянувшегося описания природы.

Служим

В общем, отрыли мы наш первый орудийный ровик, закопали пушку. Показали нам, как надо приводить ее в состояние боевой готовности по команде «К бою!», то есть опустить на опоры и отгоризонтировать, и какой «номер» что должен при этом делать. Повторили эту процедуру несколько раз, сначала не торопясь. А потом уже все это делалось в считанные секунды: заняли свои места на пушке (напомню: на платформе помещалось пять человек, которые крутились вместе с ней), освоили несколько команд. В основном команды были по воздушным целям: по самолетам, САБ (светящиеся или осветительные авиабомбы), воздушному десанту. Осветительные авиабомбы сбрасывались с самолета и медленно опускались на парашютах, освещая большую территорию. Их надо было также расстреливать, чтобы нарушить ту иллюминацию, которую пытались создать немецкие летчики над объектом, который собирались бомбить.

Старшина – высокий, разбитной, молодой парень-хохол Максимчук чем-то был под стать офицерам батареи, из которых, как я уже говорил, запомнил двоих. Щеголеватый, резкий и службистый, он также был из довоенного призыва. Забрав с собой несколько солдат, он привез каски, ящики с карабинами, противогазы, плащ-палатки. И все это раздали нам. Карабины были в густой заводской смазке. Тут же, в орудийных ровиках, на снарядных ящиках, с помощью ветоши и тряпок, которые получили командиры орудий для чистки пушек, мы привели в божеский вид наше личное оружие. Изготовлено оно было в военное время и, конечно, отличалось (наверное, более грубой обработкой) от тех винтовок, которые бывали у меня в руках, когда я находился в запасных полках. Видите, я, как «старый» и бывалый солдат, уже рассуждаю не об одном полку, а о нескольких, – как будто прослужил уже бог весть сколько времени. Но никуда не денешься, и прежде чем попасть в эту боевую часть, разменял всё-таки три запасные.

Карабин был короче винтовки, и это оружие предназначалось для кавалеристов и артиллеристов. С винтовкой, наверное, непросто было бы вскарабкаться на коня и тем более поместиться на на-

шей (сравнительно небольшой) платформе. А ведь в боевой обстановке, вблизи переднего края или на переднем, надо, чтобы личное оружие – «винт», был всегда при тебе, ведь приходилось стрелять не только из пушки, но и из карабинов и автоматов, отбивая атаки противника.

Харчи

Был теплый и по-весеннему солнечный день. Снег почти стаял, но лежал еще отдельными грязными островками – почерневший и ноздреватый. А солнце яркое, какое-то особенно радостное в эту пору, скрашивало далеко не радостный пейзаж, который приходилось наблюдать: пепелище сгоревших, разрушенных или полуразрушенных домов, а то и вовсе каких-то неприкаянных строений, казавшихся в этом общем хаосе диссонансом. Прокатили полевые кухни, и молодая разбитная деваха, видимо, уже из бывалых, плескала в наши котелки черпак каши, и делала это с прибаутками и шутками. По харчам чувствовалось, что это уже не запасной полк, было их и побольше, и были они пожирнее, хлебушка полагалось уже не 500 граммов, а 800 или даже 900, как в зимнюю норму. Раздали и сахарок, и табачок на несколько дней. Некоторые, дорвавшиеся до сладкого, спускали в чай «огромные» куски сахара, а то и просто так посасывали или покусывали сахарок. Да и чего было взять с нас? Ведь в основной своей массе облаченные в серые шинели на батарее находились семнадцатилетние пацаны, сейчас бы сказали – «дети». Но, наверное, я все-таки буду не прав, ставя знак равенства между поколениями сороковых и восьмидесятых годов.

Поколения сороковых и восьмидесятых

То, мое поколение, наверное, было более подготовлено к тяготам военной жизни: не избалованное комфортом, привыкшее к простой пище, без деликатесов. Мы рано, с самого детства, познали труд. Я уже не говорю о крестьянской массе, которая составляла основной костяк армии. Приучать ребятишек с самого раннего детства к трудовому процессу – это само собой разумеющееся дело. И люди,

жившие в городе, не имели таких благоустроенных квартир, подобно современным. Надо было заготавливать дрова, носить воду, если был огород, то и на нем приходилось работать, а ведь многие в небольших городишках еще и скот держали. А это значит – покос, навоз и все остальное сопутствующее этому процессу.

Не стоит забывать, что прошло уже два года войны, они тоже сказались на раннем возмужании вчерашних ребятишек. Поэтому семнадцатилетние сороковых годов были подготовлены и морально, и физически ко всем непривлекательным сторонам войны. Поэтому я не слышал, чтобы о нашем поколении, прошедшем через горнило Великой Отечественной войны, говорили, как о «потерянном поколении», как сейчас называют афганцев. Неужели те, кто воевал в Афганистане, видели больше крови, пролили больше пота и вынесли больше тяготы, чем те, кто был на фронтах Отечественной? Не думаю, что это так. Хотя любая война, большая или маленькая, справедливая или несправедливая – это испытание всех качеств человека, а главное – его мужественности.

И все-таки те ребята, выросшие в тепличных условиях, порой не знавшие, что такое труд, физически были слабо подготовлены, попав в Афган, не все оказались способны выдержать те моральные нагрузки, которые свалились на них. И как бы не агитировали наших солдат по поводу того, что это освободительная война, и мы пришли в Афганистан как интернационалисты, в это трудно было поверить на чужой земле и невозможно до конца прочувствовать всем сердцем. И те, кто там были, не хотели умирать за афганского дехканина. Вот почему сейчас всплывают на поверхность: и преступность, и наркотики, и пьянство, и жестокость в действующей армии. Вот почему говорят о «потерянном» поколении, окунувшемуся в эту, не принесшую славу Советскому оружию «спрятанную войну», которая длилась десять лет и унесла жизни у пятнадцати тысяч молодых ребят, и искалечила тридцать шесть тысяч советских солдат и офицеров.

И опять я отвлекся от основной нити своего повествования, но мысль о сравнении моего поколения с поколением 80-ых, хлебнувших войны, является неправильной, и все время не давала мне покоя. Может быть, я не во всем прав, но вот те люди, с кем мне

пришлось самому столкнуться, убедили меня, что это именно так. Подтвердили мои мысли и очерки наших журналистов, которые я читал по данной теме, поэтому не могу не высказать свою точку зрения.

В преддверии боя

День катился к закату и был насыщенным для нас: Москва, дорога, Бологое, и вот мы уже в другом качестве, кажется, что все те же солдаты, но что-то новое вошло в нас – видимо, сознание того, что наш орудийный расчет – коллектив из восьми человек, это единый организм, пока еще не слаженный, не отработанный до автоматизма, но единый, в котором от каждого, от исполнения его обязанностей зависит не только результат боя, но и жизнь нас всех. Это, мне кажется, мы и прочувствовали.

Нами был вырыт орудийный ровик для пушки, оборудованы ниши для снарядов, снаряжены обоймы, частично отрыли и котлован для землянки. В общем, день прошел в сплошной работе и заботах, но чем ближе к вечеру, тем чаще вкрадывалась мысль, что к ночи появятся немецкие стервятники, нам об этом сказали железнодорожники. Нет, чувства страха не было. Да и откуда ему было взяться, если большинство из нас слышали только звуки ружейных выстрелов. К вечеру из города потянулись вереницы людей с котомками, с тележками и саночками, на которых был собран нехитрый скарб. Оказывается, горожане, напуганные ежедневными бомбежками, уходили на ночь в близлежащие деревни, а утром вновь возвращались на свои пепелища.

Пока еще было светло, и по разрешению наших командиров несколько солдат отправились на пепелище и принесли оттуда доски, наполовину обожженные бревна. Досками мы устилали дно недокопанного котлована землянки, ведь надо было подумать о ночлеге. Таким образом, пол у нас был, а крышей могли служить плащ-палатки или орудийный чехол, закрывавший почти всю пушку. Сколько раз этот чехол спасал нас в будущем, являясь нашим домом. Когда поужинали, нам объявили, что отныне наш распорядок такой: половина коллектива должна дежурить у орудий, а другая половина

в это время может отдыхать или заниматься строительными делами, или выполнять какие-то другие необходимые работы. И это называется «положение номер два», которое определялось тем, что вблизи от охраняемых объектов не было вражеских самолетов. В случае налета или появления самолетов на подходе объявлялась тревога, а с ней – и «положение номер один», когда необходимо было занимать места непосредственно на орудиях всем: и тем, кто дежурил, и тем, кто должен был в то время отдыхать.

Рассказали и показали нам, как вести заградительный огонь. Ведь наша задача – отстоять любой ценой охраняемый объект, не дать подойти к нему вражеским самолетам. Ведь для того, чтобы разбомбить охраняемые нами сооружения, надо было самолету оказаться над объектом и только тогда сбросить бомбы. Днем-то можно было видеть самолет и стрелять по нему прицельно. А ночью-то как? Только по шуму мотора можно было определить самолет, пока не начали свой лай наши пушки. Вот в этих случаях, часто и устраивался заградительный огонь, когда вся батарея, в определенные промежутки времени, в заранее определенных секторах и под определенными углами наклонов стволов орудий вела огонь, создавая завесу из трассирующих снарядов, пуль или разрывов снарядов среднего калибра. Редкий летчик мог бы рискнуть прорваться через такое, ведь это было равносильно самоубийству. Небольшой осколок или пуля крупнокалиберного пулемета, схваченная самолетом, могли быть для него последними.

Пока я особенно не вникал в эти тонкости: моя работа была одинаковой при всех видах стрельбы – хватать полупудовые обоймы снарядов чуть ли не на лету, толкать их в ненасытную пасть патронника и следить, чтобы успевать ее насыщать. Еще не испробовав, я уже представлял, что это дело нелегкое. Ведь пушка делала сто выстрелов в минуту, а это значило, что мне предстояло за минуту подхватить, поднести к патроннику и затолкать в него десять пудов снарядов. Вот пока еще было светло, я и тренировался, гоняя подносчиков, а по моей просьбе пушка крутилась, как карусель, то в одну, то в другую сторону. А подносчики же негласно подчинялись мне. Так что я уже был в тот момент маленьким «бугорком».

По местам стоять

Смеркалось, город и станция погрузились в темноту, лишь изредка где-то, мелькнув, сразу же гас огонек. Горожане и станционные служащие, напуганные многодневными бомбежками, старались соблюдать светомаскировку, а там, где кем-то и где-то нарушалось это непреложное правило прифронтовых населенных пунктов, принимались самые серьезные меры, констатируемые как диверсионные акты. И ведь, действительно, огня спички или чуть приоткрывшейся шторы светомаскировки было достаточно, чтобы навести самолет на объект. На станции раздавались гудки маневровых паровозов. И почему-то возникала такая мысль: почему они гудят, ведь их услышат немецкие разведчики, которые вот-вот должны прилететь? Правда, ведь смешно? Стрелки часов, которые у нас в расчете были только у командира, приближались к двадцати часам. Связисты и разведчики нашего взвода управления объявили: «Положение №1». И, как по команде на флоте «по местам стоять!», мы все были на своих местах, одев каски. И сколько мне приходилось за эти годы «стоять по местам», определенных мне моей должностью и обстановкой! Но лучше всего запомнились первые впечатления. Стволы орудий смотрели на Запад. И в их силуэтах было что-то строгое, напряженное, как будто ожидание чего-то важного. Линия фронта находилась в 60–100 км от Бологого. Бои шли под Демянском, Старая Русса захвачена немцами – значит, что с прифронтовых аэродромов немецкие бомбардировщики могли долететь до нас за 6–10 минут. А ведь нам уже рассказали, что по немецким самолетам можно было проверять часы, ровно в 20.00 они начинали свое ревю с фейерверком и концертом.

Тревога! Немцы и их тактика

И чем меньше оставалось времени до прелюдии этого «шоу», тем больше меня охватывала дрожь. Это был, пожалуй, не страх, а ожидание неизведанного, а, может быть, и страх. Чтобы унять эту дрожь, я крепче сжимал зубы, потому что стоило только расслабиться, как зубы непроизвольно начинали выбивать дробь.

На батарее было тихо, лишь телефонисты и разведчики передавали какие-то сообщения командиру взвода управления и комбату. Я распустил ремень на шинели, закинул куда-то дальше за спину противогаз, почувствовав, что ничего не стесняет. И вдруг мы услышали приближающийся шум моторов. Это был какой-то прерывистый звук. Потом-то (уже позже) мы научились безошибочно отличать шум двигателей советских самолетов от немецких. У наших самолетов звук был непрерывный, как бы на одной ноте, а у фашистских самолетов, как волчий вой, с каким-то надрывом. У нас даже по этому поводу родилась такая шутка. Летит немецкий бомбардировщик и воет: «Везу, везу, везу!», а наши 37-ми миллиметровые пушки, стреляя взахлеб, спрашивают: «Кому? Кому? Кому?», «Вам! Вам! Вам!», – отвечает сброшенными бомбами немец.

Шум приближался, и небо расцвело трассами и разрывами снарядов, пулеметными очередями. Это на подступах к городу встретили непрошенных, но ожидаемых гостей, пулеметные взводы и зенитные батареи. Мы смотрели на этот красочный, но непривычный для нашего глаза фейерверк, который дополнялся лучами прожекторов, лихорадочно шарившими по небу. Они гасли и вдруг снова, как молнии прорезали темень. Самолеты были уже совсем рядом, но где-то очень высоко. Мы не стреляли, но стволы орудий поворачивались на шум моторов. Современный читатель, наблюдавший сверхзвуковые современные самолеты, может сказать, что искать самолет по звуку – это в лучшем случае ловить его за хвост, ведь звук достигает наших локаторов-ушей, когда самолет уже пролетел над нами и находится где-то далеко впереди, летит по своему курсу. Но не надо забывать, что скорость самолетов-бомбардировщиков была в то время в пределах 300–500км/час. Самые высокоскоростные самолеты-истребители развивали скорость до 600км/час. Поэтому самолеты уже были где-то над нашими головами.

Видимо, перед нами стояла другая задача – в основном это заградительный огонь, но команды стрелять пока не было. И вдруг к тем разрывам и прожекторам в небе добавились огромные светящиеся, медленно опускающиеся шары – это были сброшенные на парашютах осветительные (светящиеся) авиабомбы – САБ. Их задача (как было сказано ранее) – осветить объект и дать возмож-

ность самолетам прицельно бомбить. Уже потом мы узнали тактику массированных налетов фашистских стервятников. Вначале, на сравнительно большой высоте, мало достигаемой для зенитного артиллерийского огня, летели несколько самолетов, которые над объектом сбрасывали САБы, освещающие сравнительно большие территории. Затем шла вторая волна самолетов, также на большой высоте, видя освещенные объекты, они высыпали кассеты или одиночные зажигательные бомбы сравнительно небольшого веса – несколько килограммов, заряженных термитом или фосфором, которые при горении от разорвавшейся зажигалки, развивали температуру порядка 2000–3000 градусов по Цельсию, что даже плавило металл. От зажигалок возникали пожары, освещающие территорию города, станции, плюс ко всему это были огромные «светильники», а пожары сами по себе наносили определенный ущерб. И, наконец, шла третья волна самолетов. Это были уже, в основном, пикирующие бомбардировщики, которые и бомбили объекты с пикирования. Бомбежка с пике была более прицельной: летчик направлял самолет непосредственно на объект, сбрасывая бомбы на небольшой высоте, а значит и более точно. Сбросив свой смертоносный груз – бомбы, которые весили уже от 100 до 500 килограммов, а иногда они достигали тонны, бомбардировщик выходил из пике и под большим углом наклона уходил от объекта. Этот маневр носил название – «кабрирование». Чаще всего самолет в одно свое пике не сбрасывал всех бомб, и в этом случае группа самолетов образовывала «карусель», то есть ходила по кругу. Юлия Друнина писала: «До сих пор меня мучает сон: Каруселью заходят звенья на распластанный батальон». Это позволяло им защищаться от истребителей, таким образом они прикрывали самые уязвимые свои места – хвосты. Периодически из «карусели» вываливался очередной бомбардировщик и пикировал на выбранный им объект. Отбомбившись, самолеты уходили, но если задача уничтожить то, что было намечено, оказывалась нерешенной, то через некоторое время происходил снова налет других или тех же самых самолетов, заправленных новыми бомбами.

К тем объектам, а в данном случае в Бологое, были железнодорожные пути, станционные строения и воинские эшелоны, а к ним

добавлялись засеченные зенитные батареи и прожекторные установки. Их-то немцы и старались подавить, не только непосредственно пикируя и бомбя, но также огнем своих пулеметов и пушек, неожиданно выскакивая и штурмуя на низкой высоте. Особенно от этого страдали батареи среднего калибра 85 и 76-миллиметровых пушек, сравнительно мало маневренных. А вот с нашими орудиями этот номер зачастую оказывался последним для такого штурмовика из-за хорошей маневренности, прицельности и огромной скорострельности, мы создавали море огня. Но это был поединок, который длился считанные секунды.

Опять отвлекся от основных событий того вечера и ночи, но я считал необходимым изложить эти тактические приемы немецких летчиков – элиты фашистской армии, тем более мне пришлось столкнуться с ними не только в те последующие несколько дней в Бологое, но и в дальнейшем. И мне не хотелось бы, чтобы эти отступления воспринимались как странички из учебника по тактике. Ведь все эти моменты были пережиты мной, восприняты моим сознанием, но, к сожалению, я не писатель, и у меня не хватает художественных средств и фантазии отобразить увиденную картину и свои переживания, поэтому этот мой опус и напоминает отчет.

Первые бомбы и первые залпы

Но вернемся на батарею. Мы по-прежнему молчали, а спектакль военных действий разыгрывался по тому тактическому сценарию, о котором я только что рассказал. В городе вспыхнули пожары, горело все, что еще могло гореть. Это выполняли свою роль самолеты-поджигатели. Осветительные авиабомбы тухли, сгорая, а порой в них попадал снаряд от такой же МЗА, как наши, или очередь зенитных пулеметов, и тогда они разлетались фейерверком или резко падали вниз от попадания в парашют. Шум моторов нарастал, начинался кульминационный момент этой ночи. Вот они, первые разрывы авиабомб, приближающиеся к нам. Это вступили «в работу» самолеты, несущие бомбовую нагрузку.

И вот долгожданная команда «огонь!», и сразу пропадает дрожь в руках, меня охватывают одновременно спокойствие и азарт. С не-

привычки я даже глохну от выстрелов. Трассы снарядов нашего орудия уходят в темень, а стреляные гильзы со звоном ударяются в желоб и, выбрасываясь, перекатываются в орудийном ровике. Мы ведем заградительный огонь. Я почти на лету хватаю обоймы и успеваю их толкать в патронник. Обоймы падают под ноги, порой даже попадая на носок ботинка. Все мое внимание сосредоточено на патроннике. Одна мысль в голове: не допустить, чтобы патронник оказался пустым, потому что это означает прекращение огня. Но все равно я вижу и зарево пожаров, и всполохи разрывов где-то недалеко, и жар взрывной волны от разорвавшейся бомбы вдруг обволакивает меня. Огромными циркулями ходят огни прожекторов. Полосы белого цвета то расходятся, то вновь встречаются. Иногда в луч прожектора попадает блестящий крестик самолета, тогда моментально к нему подключается другой, и было видно, как из этого перекрестия, как из пут, барахтаясь, пытался вырваться ослепленный немец. И мы видим, как он падает. И продолжаем стрелять короткими очередями, но, как я говорил, не прицельно. Задача была – отпугнуть немцев, не дав им сбросить бомбы на стрелки, станционные пути в конце или в начале станции, вблизи которой находилась наша батарея.

Вокруг станции было немало зенитных огневых средств, это было видно по тем трассам и разрывам снарядов. Видимо, их стянули сюда из других мест, учитывая важность станции, и то, с какой последовательностью и упорством стремились сюда Люфт-Ваффе. Наверное, об этом можно было судить и по тому, что на объект была брошена и наша батарея с зеленым, совершенно необученным, персоналом. Но, как говорят, «на безрыбье и рак рыба». А бомбы сыпались с противным и страшным визгом. Когда слышал этот шум, голова сама вжималась в плечи. То и дело раздавались и небольшие посвисты, сопровождающиеся каким-то шмяканьем чего-то о землю. Это падали осколки от снарядов среднего калибра. Некоторые из них, как взрыватели, достигали немалой величины, по размеру примерно с кулак. Но, слава Богу, они нас миловали. Осколки падали мимо, и ни одной бомбы не разорвалось на нашей батарее.

Я уже говорил, что страх совсем пропал, но появился какой-то азарт. Забегу вперед, сказав, что страх всегда был со мной.

Но приходилось его подавлять. Юлия Друнина писала: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Ведь мы были открыты для бомб, снарядов и осколков, а все остальные в это время прятались в бомбоубежищах и щелях. И порой возникало такое неукротимое желание – спрыгнуть с платформы и лечь в ровик, или заскочить в землянку, но слово «нельзя!», чувство дисциплины, воспитанное у нас, присяга, и, наконец, сознание возмездия, неотвратимо последующее за этим порывом, удерживали. И я стоял. Думал ли о смерти в такие моменты? Нет, такой мысли не было. Это могло случиться с кем-то другим, но только не со мной.

Гул самолетов затих. Ушли немецкие самолеты, небо снова стало темным, лишь изредка его прорезали лучи прожекторов. Но где-то еще изредка раздавались взрывы. Или это рвались бомбы замедленного действия, а возможно было что-то другое. И раздалась команда «отбой!».

После боя

«Положение номер два!», «привести в порядок орудие и ровики, собрать стреляные гильзы!» – и снова ко мне возвращалась нервная дрожь, к ней добавлялось еще и то, что, оказывались мокрыми от пота рубаха и гимнастерка, и от этого было холодно. Все сошли с платформы орудия и начали падать, потому что ровик был усеян гильзами, и, наступив на них, бойцы падали в одну сторону, а гильзы соответственно катилась в другую. Ребята после боя скручивали из газеты кто «козьи ножки», кто «сигареты махорковы» – потянуло дымком. А я грелся у ствола орудия, обняв его. Он был настолько нагрет, что его тепло ощущалось через рукавицы и шинель.

Спад напряжения был настолько большим, что нужна была какая-то разрядка. И я тоже увидел ее в цигарке. Руки не слушались, да я и не умел скручивать. В том раннем детстве, когда я пытался курить, пользовался отцовскими папиросами. Кто-то оставил мне «сорок», это на солдатском жаргоне, да, по всей России так называли «чинарики». «Сорок» – это означало 40% от целой цигарки,

хозяин курил 60%, а просящему оставлял только 40. Я затянулся и задохнулся, глаза тут же полезли на лоб, слезы текли из глаз, дыхание перехватило. Это была добрая устманская махорка из Сибири, да и непривычный я был тогда к этому делу. Но это стало началом моей более чем сорокалетней привычкой к курению. И через пару дней я уже курил, как заправский куряка. А после такой передряги это хорошо помогало, снимало напряжение.

Собрали стреляные гильзы в ящики, отнесли их из ровика, поставили в ниши новые снаряды и начали чистить ствол орудия. В длинном ящике – ЗИПе вместе с инструментом, гаечными ключами и другими необходимыми вещами, был «банник» – это круглые палки, которые скручивались, а на них уже накручивался ершик. И вот этот банник заталкивался в ствол, тряпка накручивалась, и таким образом снимался нагар. Ствол становился снова блестящим. После чего его смазывали при помощи ершика. Операция эта называлась «банить» орудие и была не из легких, не под силу одному человеку – заряжающему, то есть мне, поэтому в ней всегда принимали участие несколько человек, но все-таки главной фигурой был заряжающий, как и в процессе подготовки боеприпасов, снаряжении обойм. Таким образом, на орудии я оказался маленьким начальником, которому подчинялись два подносчика снарядов. Командир орудия Гриша Перебейнос показал, как чистить и разбирать затвор. В общем, на пушке главное хозяйство – ствол, откатное устройство, затвор – стало отныне моим. И не хочу хвастать, но буквально через несколько дней я мог уже в считанные секунды разобрать и собрать затвор, устранить возникшие неисправности, с помощью расчета снять раскаленный ствол и заменить его запасным. И в дальнейшем приходилось это делать неоднократно. Стреляли так, что ствол раскалялся, расширялся, и снаряды уже не летели из-за прорыва газов. В этом случае, пользуясь соответствующими приспособлениями, ствол снимался и ставился запасной. А ведь весил он немало. Уже не помню сколько точно. Ну сколько может весить железяка длиной примерно два с половиной метра? Думаю, что где-то 80–100 кг, если не больше.

Светало. Первая ночь на новом месте, в новой части и новом качестве, первая ночь боя закончилась. Наверное, она совершила

определенный переворот в моем сознании: мальчик становился мужчиной. Я уже не помню, пришлось ли в ту ночь хоть несколько минут «покемарить». Это слово из солдатского жаргона на долгие годы вошло в наш обиход, потому что все оставшиеся на мою долю годы и месяцы войны были годами хронического недосыпания. Наверное, не было ни одного дня, чтобы я беспрерывно, как это водится у людей в мирной жизни, проспал семь часов подряд. В систему вошли рваные ночи, и поэтому в любой обстановке я мог хоть 10–15 минут «покемарить». И знаете, порой этого было достаточно, считанные минуты вливали заряд бодрости. Вот что значит молодой организм.

Наступило утро, невыносимо пахло гарью, стихали пожары. Да, вблизи станции и гореть-то, по сути дела, уже было нечему. Жители возвращались в город. Появились солдаты железнодорожных войск, они помогали тушить пожары, восстанавливать кое-где нарушенные пути, засыпая воронки и укладывая новые рельсы и шпалы, взамен скрученных и перекрученных взрывами. Они делали ту работу, которая была ранее уготована мне. Мы наблюдали за этим процессом, так как по очереди шастали по пепелищам и, как муравьи, тащили в свой «муравейник», то бишь в огневую позицию, доски и бревна. В общем, все, что попадало под руку. А попадали нам: лопаты, топоры, пилы, – да мало ли что можно было найти в этих брошенных людьми и Богом местах. Наверное, до этого времени, кроме колуна, я не держал в руках топора. А тут пришлось постигать плотницкую науку. Ведь все мы были молодые, и, может быть, только единицы из нас, когда-то что-то строили дома. Конечно, направлял и многое подсказывал нам наш командир орудия Гриша, он все-таки отслужил срочную в артиллерии, и, конечно, за время своей службы немало пришлось ему построить блиндажей и землянок. Не очень-то казистый получился у нас первый дом – наша землянка.

Еще о землянке

Сколько их пришлось мне построить потом – это просто уму непостижимо. Были и совсем простенькие, с чуть зашитыми вет-

ками, чтобы не очень сыпалась земля со стен. Были и с настоящими деревянными стенами и полами, и даже маленькими оконцами, были и как «дворцы» из струганых досок с кроватью, настоящей периной и напольными часами. Но эта была первая, и я не могу не рассказать, что же она из себя представляла. Землянка – солдатское пристанище, увековеченное Сурковым.

И так, что же это такое «землянка»?

Как уже ясно: это жилище, история которого, наверное, тянется с незапамятных времен. Землянка укрывала от мороза, дождя, снега и летнего зноя многие поколения людей. Это сооружение нехитрое, но все равно требовало для своего строительства умения. Копался котлован, как я уже говорил, для орудийного расчета – 3(4) х 4(5) метров, глубиной метра два. В этот котлован по углам закапывались столбы, выступавшие на всю глубину котлована. Между столбами заводились доски, шпалы, в общем, все, что могло служить стеной. А потолок мастерили из бревен, шпал, рельсов. Если была возможность, то как в песне: «Землянка наша, в три наката…».

Делали наклонный выход, как правило, прямо в орудийный ровик, но таким образом, чтобы не мешал в любое время выкатывать орудие. С противоположной стороны от выхода прорывалась амбразура и прорубалось окошечко, так что днем в землянке было светло. Сверху землянка засыпалась землей. Летом, весной и осенью землю обкладывали дерном. Безусловно, в землянке была и дверь, а в крыше оставляли отверстие для трубы. И одним из важных интерьеров землянки являлась печка, выкладывали ее из кирпича, использовали для этой цели металлические бочки от бензина или ещё из-под чего-то.

Но мы со временем раздобыли настоящую чугунную буржуйку с топкой и поддувалом и всегда возили ее с собой. Поступит команда: «Отбой-поход!», – мы выкатим пушку, подцепим к машине, а в кузове установим трубу металлическую и нашу «буржуйку»-спасительницу. Иногда успевали и дверь прихватить, это также был «дефисит». Если говорить о внутреннем интерьере землянки, то по возможности настилали пол из досок. Сначала делали нары, которые застилали соломой, сеном, лапником, а поверх укладывали плащ-палатки. К окну пристраивали примитивный маленький сто-

лик, на котором можно было письмо написать родным и на котором хранилась наша незамысловатая посуда – кружки, котелки. У одной из стенок располагалась пирамидка для нашего личного оружия – карабинов и автоматов. Мастерили еще и полки. Высоту землянки рассчитывали примерно на два метра, чтобы ходить внутри, не ударяясь о накат потолка. А чтобы сверху при стрельбе и разрывах бомб не сыпалась земля, старались потолок тоже зашить досками. Командиру орудия, который находился все время с нами, из уважения, делали отдельные нары. Непременным атрибутом землянки была «настольная лампа» в одну свечу – сплющенная стрелянная снарядная гильза, в которую вставляли фитиль – кусок байковой солдатской портянки или шинели. Ну а в качестве горючего использовался керосин, лигроин или подсоленный бензин. Вот, кажется, и весь нехитрый интерьер нашего жилища. Придешь с мороза насквозь промерзший, снимешь полушубок, разомлеешь от тепла, скрутишь козью ножку, прикуришь от раскаленной до красна буржуйки – вот она, фронтовая экзотика. Кто-то тихо наигрывает на гармошке или балалайке, а такие умельцы на батарее и в расчете всегда находились, и инструменты у нас были, мы же не пехота, не надо тащить на горбу, и уже слышится:

«Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега…
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови!
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Эта песня, написанная Сурковым и Листовым в 1941–1942 военные годы, была настоящим гимном землянке – солдатскому жилью, которую исполняли и под аккомпанемент наших нехитрых музыкальных инструментов, и просто так, и каждый из нас вспоминал свой дом, хоть на время отвлекался от суровой действительности, забывал о тех «четырех шагах», в которых находится «небытье», находившееся за нашими спинами. Слушая слова и подпевая своим козлетоном, я видел и «ее улыбку и глаза, ее белокурые локоны», вдыхая чуть уловимый запах каких-то очень нежных, тонких духов от ее платочка. Эта песня долгое время у меня ассоциировалась с ней, потому что именно она пела ее на одном из наших школьных вечеров. Запретили исполнение «Землянки» на различных концертах, как песню, уводящую солдата куда-то, напоминавшую ему, что смерть «гуляет» рядом с ним. Но все, кто жил в землянках – от солдата и до маршала, знали, любили и пели «Землянку», несмотря ни на какие запреты. В своих рассуждениях я еще вернусь к фронтовым песням и к лирике, которая была необходима каждому бойцу в годы войны.

А пока хочу снова остановиться на нашей суровой действительности. Окончив строить свою землянку, мы навалились всем скопом на строительство офицерского жилья и каптерки для старшины. Днем вновь наши связисты и разведчики сыграли тревогу. Это где-то высоко, в чистом безоблачном весеннем небе, летел немецкий разведчик, фотографируя следы ночного преступления своих коллег. Мы не стреляли, для нас это была недосягаемая цель. И средний калибр молчал, чтобы не демаскировать себя. Через какое-то время вынырнул наш ястребок, но немец, видимо, еще издалека обнаружил нашу «птичку» и скрылся. Какие это были самолеты, сейчас уже не помню, но, наверное, во время тревоги, когда мы сидели на пушке, нам их называли. Но с этого дня одним из непременных условий освоения своей военной специальности – зенитчика, стало изучение силуэтов самолетов: немецких, советских и союзников, принятых на вооружение в Красной Армии.

О самолетах наших и не наших

Силуэты самолетов изучались под разными ракурсами: вид спереди с моторной группы, силуэт сбоку и, наконец, вид снизу. Силуэты и тактико-технические данные изучались до автоматизма, если ночью разбудят, ты должен был в любую минуту назвать показанный силуэт самолета.

Итак, немецкие бомбардировщики:

1) Юнкерс-87. Мы называли его «мохноногий» или «лапотник», «лаптежник», из-за неубирающихся шасси.

2) Мессершмит – Ме-100 – двухкилевой, двухмоторный бомбардировщик-истребитель. 3) Дорнье – До-215 и Дорнье – До-217 – бомбардировщики, двухмоторные, двухкилевые.

4) Хенкель-111 – ночной бомбардировщик.

5) Юнкерс-88 – бомбардировщик.

6) Юнкерс-200 – «кондор» – четырехмоторный, транспортный самолет, мог на прицеле тащить еще несколько планеров с грузами и людьми.

7) Мессершмит – Ме-109 – истребитель.

8) Фокс-Вульф-190 – новейший скоростной истребитель.

9) Хеншель-126 – разведчик – знаменитая «Рама», корректировщик огня и наводчик бомбовозов. Почему-то его было очень трудно сбить, благодаря применяющимся им противозенитным маневрам или в силу каких-то других причин. А может быть, благодаря высоте.

Ну а сейчас, несколько слов о наших самолетах и союзнических. 1) Начну с нашего патриарха авиации и долгожителя, с самолета завидной судьбы (наверное, нет такого типа самолета в мире, который столь долго и активно жил). Конечно, вы догадались, что речь пойдет о нашем знаменитом У-2. В 1943 году его переделали в По-2, присвоив ему законное имя его конструктора Поликарпова, только что почившего. Оказывается, он также сидел и работал в закрытом конструкторском бюро. Это одномоторный, однокилевой биплан, собранный из деревяшек и перкаля, недаром немцы называли его «Русь-фанер». А наши солдаты ласково именовали «кукурузником». Имея небольшую скорость, но удивительную маневренность,

он мог запросто уйти от немецкого истребителя и заманить его, притворяясь легкой добычей, плюхнуться на какую-нибудь лесную полянку и наблюдать, как грозный ас, не сумев вовремя сманеврировать, цепляясь за вершинки сосен, уже пашет лес, и, вновь поднявшись, почти без разбега, продолжать свой путь разведчика, связиста и грозного ночного бомбардировщика, и потом наблюдать, как горит немец.

Да, была у По-2 и такая функция. Захватив с собой порядочный запас ручных гранат и маленьких бомб, этот самолетик поднимался на приличную высоту, выключал двигатель и начинал планировать бесшумно над передним краем, и девочки, сидевшие в нем, начинали потихоньку сбрасывать свой груз, вызывавший страх и недоумение у немцев, когда в их окопах вдруг начинали рваться гранаты и бомбы. Был даже у нас специальный женский полк «ночных бомбардировщиков», то бишь У-2. Начав свою жизнь задолго до начала войны, он продолжал ее еще долгие годы в мирное время, работая в сельском хозяйстве, да и в других местах. Хотя мы все знаем, как короток век того или иного типа самолета, особенно военного. Столь долгий опус стоил этого самолета, чтобы так его расписать.

2) Самолеты-истребители Ла-5 (Лавочкин), МИГ-3, первые начавшие войну, «Ишачки» – И-16, И-15 бис, которых немцы щелкали, как мух. Яковлев – Як-3. Все это были одномоторные, однокилевые монопланы. И, в основном, все эти «Ла-5», «МИГи», «Яки» начали появляться в воздухе в конце 1942 года и даже в 1943 году. Это были уже грозные машины с большой скоростью, высокой маневренностью и приличным вооружением – пушкой, стреляющей через винт, и пулеметами в плоскостях.

3) Наши бомбардировщики Пе-2 (Петляков), Ту-2, который был первым из новой серии Туполевских самолетов, открывший эру «Ту», а спроектировал этот самолет Андрей Николаевич Туполев, когда находился в заключении – закрытом конструкторском бюро, который называли «шарашка», где в основном работали заключенные. Я сказал, что этот бомбардировщик открыл эру «Ту», так как до этого момента шла Туполевская серия АНТ, последним из которой был известный АНТ-25, на котором летал Чкалов в Америку через

Северный полюс. А лозунг у Берии был такой – «Самолет в воздух, все по домам». Бомбардировщики дальнего действия: ТБ-3, ТБ-4, четырехмоторные бомбардировщики, бомбившие Берлин. Однако, это были тихоходные машины с небольшим потолком, вскоре сошедшие с фронтовой арены.

Ли-2 или Дуглас, или ПС-84, использовался как бомбардировщик и как транспортный самолет. Это был двухмоторный моноплан.

4) Ил-2 – знаменитый наш штурмовик, подобного которому не было ни в одной армии мира. Немцы называли его «черной смертью». Это был двухмоторный моноплан с довольно мощным вооружением: 3 пушки, две в плоскостях, одна – через винт, два пулемета в плоскостях, имелся и запас мелких бомб. А был вариант с установкой реактивных снарядов (катюша). Вначале был один летчик, а потом еще стрелок-радист и бронированный низ.

На вооружении в Красной Армии были английские и американские самолеты: «Мустанг», «Аэрокабра» и другие.

Нас дрессируют «отцы-командиры»

Опять я отвлекся от основной части своего повествования и поэтому снова призываю читателя вернуться на нашу огневую позицию, на нашу грешную землю, ибо, наверное, только за великие грехи ее Господь Бог допустил мешать с огнем и железом.

Сляпали, как я уже говорил ранее, нашу землянку и другие строения. Зажгли печурку, подымив, она просохла, и в нашем убежище стало совсем тепло, можно было уже и шинели снять. Вот тут бы и дать расчетам хоть немного отдохнуть после бессонной ночи, после трудов праведных, и неизвестно, что еще ожидало нас ночью. Но наши «отцы-командиры» решили порезвиться: выгнали нас на позицию и начали гонять строевой подготовкой. Но и этого им оказалось мало, строевой шаг не удовлетворил, поэтому перешли на «гусиный» – опускаешься на корточки и пошел, а шинель мешает, полы ее попадают под ноги, и ты кувыркаешься, ноги в коленях так ломит, что уже кажется, не встанешь. Ну ладно мы еще пацаны

с молодыми, не застарелыми суставами. Но больно было смотреть на «стариков», попавших в батарею после госпиталя и блокадного Ленинграда. А эти подонки-командиры подходили к тем, которые, как им казалось, не очень низко опускались, и руками нажимали на их плечи, старались, как можно ниже опустить к земле выбранный для тренировок объект. Гусиный шаг чередовался со строевым и ползанием по-пластунски. Сколько проклятий вылилось на этих двух – Петухова и Баландина, потому что всем было ясно: это все делалось с целью унижения людей, показать, что если я офицер, то все могу, а вы, быдло, серая масса, должны беспрекословно подчиняться.

Я расскажу еще об одном случае, который произошел несколько позднее. Был у нас наводчик Владимир Ишкалов, потом он стал орудийным мастером, и вот он в чем-то провинился. А гауптвахты на батарее, конечно, не было, командиры выгнали этого парня без шинели, ремня, обмоток в орудийный ровик, а было, наверное, +2-5 градусов, на дворе-то марток, а, как говорят, «марток, одевай двое порток». Часа два-три «загорал» он до посинения, и только приходится удивляться, как не схватил воспаление легких. К счастью, дней через десять, их куда-то забрали от нас. И уже много позднее, вспоминая этих горе-командиров, мы признались друг другу, что будь они с нами во фронтовой обстановке, то точно мы бы их «пришили». И немало было у меня командиров, но таких больше не встречалось. Читатель может сказать, что это выдумка. Такого просто не могло быть, что так себя ведут только ненормальные люди. Наверное, так оно и было.

Изверг

Владимир Бушин

Осень сорок второго года.
Мы от фронта верстах в пяти.
Учат нас. Командиром взвода
Изверг – хуже не приведи.

Только зыкнет бывало: «Связью
Обеспечить штадив за час!» –
И бежишь, и ползешь ты грязью,
И потеешь ты сорок раз…
Как спасения ждешь отбоя –
Он нужней, чем хлеба кусок.
Только снова: «Тревога! К бою!»
И – да ночью-то – марш-бросок.
С полной выкладкой, в полной форме
Верст на двадцать: «Вперед, братва!»
О каком уж уставе, норме,
Коль душа в тебе чуть жива.

И снова вечер, и снова бой

Наступил вечер, измученные «строевыми» занятиями, мы еле добрались, кто – до нар в землянке, а кто – до пушек. Потому что, как я уже говорил, отныне половина всех огневых средств считалась дежурной, а расчеты сидели на пушках. И так до окончания войны.

Уже темнело, как и в прошлый вечер, из города в деревни потянулся городской и работный люд, везя с собой на тележках или неся в рюкзаках свой нехитрый скарб. И чем ближе было время возможного повторения вчерашнего «концерта», тем больше меня охватывало чувство страха, которое выражалось в нервной дрожи. Она становилась меньше, когда я был занят каким-то делом, поэтому старался найти своим рукам хоть какую-нибудь работу. Снова объявили тревогу, и мы уже – на орудии. И опять все повторилось: прожекторы, трассы, разрывы снарядов расцветили небо. А над станцией повисли САБы, как современные ксеноновые лампы над стадионом. На этот раз одна из них находилась вблизи нашей огневой позиции, и ее желтоватый отсвет бросал тени от устремленных в небо наших орудий. Но от этой ситуации нам было не только неприятно, но и опасно, и прозвучала команда открыть огонь. И вновь азарт охватил меня, пропала дрожь, исчез страх, началась работа. И так было всегда.

Трассы снарядов потянулись к этому маленькому солнцу. И, видимо, один из них попал в парашют, так как бомба вдруг резко пошла книзу, но, что удивительно, такой картины мне больше наблюдать не приходилось. Как при стрельбе по тарелочкам один из снарядов попал в падающую бомбу, и она разлетелась, словно брызги фейерверка. На батарее сразу стало темно, исчезли тени, и только контуры орудий просматривались глазами, которые не сразу привыкли к темноте. И опять где-то что-то горело, рвались бомбы, свистели и шмякались о землю осколки от снарядов, а, может быть, и от бомб. А мы вели заградительный огонь. И снова, как-то враз, прекратился воющий шум моторов и стихла канонада орудий. И после мы грелись у ствола орудия. Я уже к тому моменту усек, чтобы легче снять нагар в канале ствола, надо было его смазать еще теплым. Ну, а утром опять бомбили. И вот так продолжалось несколько ночей. Не помню точно сколько, но, видимо, дней пять. А, вообще, Бологое переживало эти ужасы пару недель.

Не ставлю своей задачей рассказать о каждом дне за все годы службы в армии. Это просто невозможно, ведь я не вел дневник, не сохранились и мои письма домой, которые могли бы в хронологической последовательности восстановить те военные события. Видимо, это будут отдельные очерки о том, что запомнилось, или будут записи обобщающего плана. Да, наверное, нудно и неинтересно было бы читать такие записки, так как армейская жизнь во многом однообразна.

Стреляем, а где же сбитые немцы?

Прожили мы на нашей огневой, в общей сложности, не более недели. Вы меня спросите: вот каждый день прилетают немцы, каждую ночь десятки пушек, малого и среднего калибра, ведут огонь, а сбивали ли мы немецкие самолеты? Хотелось бы сказать «да» и даже много раз. Но, увы. Конечно, сбивали, но очень мало. Наверное, каждую ночь это были всего один-два самолета из нескольких десятков, принимавших участие в налете. Наша батарея, кроме САБа, за эти дни на своем счету ничего не имела. Но все зенитные средства, находящиеся в те дни на защите Бологое, выполнили

главную цель – не дали приостановить снабжение фронтов техникой, горючим, живой силой, то есть разбомбить железнодорожные пути, станцию. Заградительный огонь сыграл свою важную роль. Возможно, что эта завеса не только не давала противнику прицельно бомбить, но и выводила из строя немецкие самолеты, которые не падали тут же, а подбитыми еле уносили ноги и пахали землю где-то за пределами Бологое, а, может быть, дотягивали и до линии фронта, лету до которой было пять-семь минут. Но видел сбитые самолеты и над Бологое. Помню, как один попал в прожектор, к которому сразу подключились еще два-три. И вырваться из этих клещей немец уже не мог. А летчики рассказывали, что попасть в лучи прожектора – это страшное дело, так как летчик слепнет, не видит приборной доски и теряет ориентировку. Тут-то его и ловят пушкари.

Даешь Медведево

Сыграли нам «отбой-поход», и надо было в считанные минуты погрузить снаряды и наш нехитрый скарб. И грешным делом думали, что все-таки мы теперь малость обстрелянные и едем к линии фронта. Ведь наши пушки более маневренные, чем 85 мм, сопровождали колонны танков к линии фронта, охраняли наводимые переправы и штабы и, нередко, прямо на передовой, отражали танковые атаки и наступление пехоты. Но, увы, наш маршрут оказался не столь далеким. Вблизи от Бологое, на Ярославском отрезке пути находится товарная сортировочная станция Медведево. Вот наш путь и лежал туда. Ну и как я уже соизволил рассказать, все началось сначала. Нам предстояло опять копать и копать. Если наш «первый блин вышел комом», то сейчас мы уже строили намного лучше, тем более, что и строить было из чего. Разрушенные и брошенные строения давали нам материал. И наша небольшая землянка, оборудованная, как и многие другие, нарами, пирамидкой для оружия, столиком, а главное – настоящей чугунной печуркой, которую, проявив солдатскую находчивость, мы увели из вагона какого-то эшелона, шедшего от линии фронта. Землянка казалась нам неимоверно уютной. К ней я еще вернусь и не раз.

Сплавили куда-то наших «отцов-командиров». К ранее сказанному могу добавить еще, что на батарее шел разговор о том, что, спевшись со старшиной батареи Максимчуком, часть солдатских харчей они толкали на сторону. В общем, вместе с ними исчез и старшина. А на батарею пришли новые командиры.

Наши настоящие командиры

Комбат – Григорий (Георгий) Григорьевич (Георгиевич) Гриценко – три «Г», старший лейтенант. Наверное, 1920–1922 года рождения, он был среднего роста, коренастый, избравший военную службу еще с детства, известно, что учился в Спецшколе артиллерийской. О спецшколах я уже писал, но немного, и поэтому не грех будет, если повторюсь. Эти школы создавались на базе Наркомпроса и были они трех типов: летные, артиллерийские и морские. Учащиеся спецшкол носили военную форму, учились в них три года, начиная с восьмого класса. Спецы, как их называли, конечно, страшно форсили. Да что там говорить, до войны военная форма и ее обладатели были в большом почете. Не в пример сегодняшним временам, когда кому-то очень хочется всячески замарать армию, сделать молодого человека космополитом, лишенным патриотизма и чувства любви к Родине, своему Отечеству. Так вот, старший лейтенант Гриценко окончил спецшколу, а потом – и зенитно-артиллерийское училище. Наверное, он прошел школу взводного, ведь не сразу ставили комбатом.

Опять забегу вперед, сказав, что я ему чем-то понравился. Возможно, все-таки тем, что у меня за спиной была почти десятилетка, и я был начитанным парнем, со мной можно было о чем-то, кроме харчей, поговорить. Богатырем не являлся, но был жилистым и спортивным, подтянутым и исполнительным парнем, не боящимся никакой работы и не отлынивающим от нее. Форма и даже солдатские обмотки на мне не висели, а были подогнаны по фигуре. Наверное, контраст для этого грубого солдатского одеяния представляло слишком юное лицо, в котором, возможно, проскальзывало даже что-то детское. Солдату-то ведь было толь-

ко семнадцать лет. Но я неплохо разобрался по имеющимся у нас наставлениям в технике и вскоре знал свою пушку назубок. Мне кажется, что с десятилеткой на батарее из нижних чинов никого и не было. В основном, потолком образования для многих была семилетка, ну, а дальше – у кого-то коридор или работа в колхозе, учеба в ФЗО или начало трудового стажа на производстве. В общем, комбат проникся ко мне до того, что вызывая к себе, доверял мне чистить свой пистолет, но, наверное, не потому, что сам не мог или не хотел это делать, а потому, чтобы отвести душу и о чем-то со мной поговорить. И в этот момент я совсем не чувствовал себя денщиком или холуем, мне было интересно общаться с этим умным, более опытным в жизни товарищем. Наверное, в моей солдатской судьбе Григорий Георгиевич сыграл немалую роль. Думаю, что если он остался жив во время войны, то, конечно, дослужился до полковника или даже генерала, так как любил военную службу, имел соответствующее образование и все данные, чтобы стать хорошим командиром.

Приехав в Москву, уже спустя много-много лет, я пытался разыскать его, почему-то мне казалось, что он должен жить в Москве. Даже мне дали один адрес в очень «хитрый» дом на проспекте Мира, где при входе находился привратник. Но, оказалось, что это был не он. Встретилась мне эта фамилия с инициалами в «Огоньке», там был и адрес Ессентуков. Я написал туда, но это опять оказался не он. Что же сделаешь, ведь фамилия «Гриценко» довольно распространенная.

Командиром нашего огневого взвода стал лейтенант Коваль. Имени и отчества его я не помню. Сам он был из Белоруссии, кажется из Витебска, который в те времена находился под немцами. Конечно, по культуре, развитию он отличался от комбата, но мужик был не вредный, наверное, по возрасту – ровесник старшему лейтенанту. У меня с ним сложились ровные отношения.

Командиром второго огневого взвода был Петр Степанович Савинкин – металлург из Магнитогорска. Ему было под сорок, а, может быть, даже и за сорок. Спокойный, уравновешенный, он относился ко мне очень хорошо, хотя я был не в его взводе. Одна из

рекомендаций в партию была от него. После войны пытался искать его в Магнитке, когда приезжал туда неоднократно в командировки, но не нашел. Возможно, что после окончания войны он не вернулся в Магнитогорск, но об этом расскажу позже. Уже потом, когда я стал командиром орудия, я с ним всегда делился солдатской махорочкой, он был заядлым курильщиком, а он субсидировал меня легким трубочным табачком, с ароматом «Золотого руно». И, подмешав его в усманский горлодер, получали крепкий и ароматный табачок.

Командиром взвода управления был лейтенант Ломовацкий, еврей по национальности. Но он мне особенно не запомнился. Помню только, что наша повариха довольно язвительно к нему обращалась, и иногда могла бросить ему такую фразу, если он не очень был доволен обедом: «Знаю, вам бы сейчас «кугочку», – довольно прозрачно намекая на его национальность. Но повар – это особая фигура на батарее, от которой зависел и кусочек мяса в твоем котелке, и лишняя ложка каши, и поэтому он или она могли допускать определенные вольности, и даже с офицерами.

Медведево тоже бомбят

И началась наша жизнь в Медведево. Как и в Бологое, все станционные постройки и пристанционные дома были разрушены. Таких систематических бомбежек больше не было, хотя спокойно жить немцы нам не давали, периодически навещая станцию, и не только за тем, чтобы посмотреть, что там делается, и мы уже не только вели заградительный огонь, но зачастую стреляли и по видимым целям. Но, наверное, будет неинтересно рассказывать о моих переживаниях и ощущениях, возможно, я уже повторяюсь. Я расскажу только об одном событии и том страшном зрелище, которое мне пришлось наблюдать.

В один из дней на станционных путях остановился наливной состав с горючим, а где-то рядом стоял зенитный бронепоезд (были и такие). На железнодорожных платформах, обшитых металлом, устанавливались пушки 37 и 22-миллиметровые, были и такие, счетверенные зенитные пулеметы и теплушки для личного соста-

ва. Такие бронепоезды обычно подгонялись на железнодорожные станции, на которые предполагались налеты авиации противника. И вдруг, совсем неожиданно, на низкой высоте откуда ни возьмись появился немецкий самолет. Видимо, проспали его службы ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), посты которых выносились к переднему краю и дальше в тыл. Задача их состояла в том, чтобы все время наблюдать за небом, оповещая о появлении вражеских самолетов. Такие службы обычно селились отделениями, не более десяти человек, порой, оторванные от командования, они были предоставлены сами себе, и нередко люди гибли от выходящих из окружения немецких частей или, наоборот, частей, идущих в прорыв.

И вот, этот сумасшедший немец, пролетел вдоль наливного состава, прошив его из пушек и забросав бомбами. И тут началось. Я не представлял, как рвется атомная бомба, пусть даже самого малого объема, но видеть, как взрываются цистерны с горючим – это зрелище очень страшное: море огня, выкинутого из гигантского огнемета, хлопья черной сажи. В один момент бронепоезд оказался охваченный огнем, рвались снаряды, с платформ соскакивали все в огне люди и, как брошенные факелы, догорали тут же.

Спасло станцию путевое хозяйство, тот факт, что наливной стоял с паровозом. И кто-то из железнодорожников в этом море огня сумел расцепить состав, и паровоз на всех парах потащил эшелон в другую от станции сторону. С отдельных цистерн, простреляннных немцем, как из брандспойта хлестала солярка, а оставшиеся горели, и горело не только горючее, но и металл. И никто по этому стервятнику не успел даже выстрела сделать. Но через несколько часов все растащили, и наполовину сгоревший бронепоезд, и то, что осталось от тех цистерн. И станция снова заработала.

Я становлюсь артиллеристом

Жизнь продолжалась, наши дежурства сопровождались учебой. Все номера отрабатывали до автоматизма свои обязанности,

кроме того, была взаимозаменяемость. Учитывая, что со мной на платформе находились еще два номера, кроме наводчиков, я освоил специальности установщика скорости и дальности самолета, установщика курса и углов пикирования и кабрирования, и мог, при случае, частично заменить их. Полностью-то не получалось, так как мне ни на секунду нельзя было бросать свою самую тяжелую на пушке работу. Ну а свое дело я, не хвастаясь, знал в совершенстве, и Георгий Георгиевич даже устраивал иногда цирк, приглашая заряжающих и командиров орудий к моей пушке и заставляя меня ликвидировать те или иные неисправности, в прямом смысле слова, с закрытыми глазами. Это, конечно, пригодилось. Хотя наша пушка и была безотказной, но это был довольно сложный агрегат, безусловно, значительно сложнее обычных сорокопяток – противотанковых, семидесятишестимиллиметровых дивизионных пушек и других орудий. И в боевой обстановке бывали отказы, а вот этот автоматизм выручал, думать-то было некогда, да и голова в такие моменты не сильно соображала, а руки делали. И потом, став командиром орудия, когда случалась неисправность, я порой отталкивал не очень вежливо заряжающего и сам ликвидировал возникшую неисправность. Может быть, я был не прав, но мне казалось, что я это лучше сделаю и, пожалуй, главное, что винить за задержку было некого, сам ведь занимался.

Отрабатывали мы стрельбу по различным целям, и не только по воздушным, но и по наземным. При нашей скорострельности пушка превращалась в грозное оружие. Представьте себе, когда на атакующую цепь пехоты в одну минуту вдруг вываливается сразу сто гранат. А каждый наш снаряд по своей силе равен гранате, которая весит 700 г, а снаряд – 750 г. Но главное – это скорострельность. Учили мы и уставы, занимались и строевой подготовкой, но, конечно, не так, как я об этом писал ранее. Не обходилось дело и без политзанятий. И ясно, что во всех этих делах я преуспевал. Вскоре меня назначили агитатором взвода. Я должен был просматривать газеты, попадавшие к нам, и проводить политинформации в наших расчетах.

Почему ты не комсомолец?

Где-то уже в апреле месяце вызывает меня комбат к себе и прямо в лоб спрашивает, почему я не комсомолец? Я, как на духу, рассказал ему все об отце, маме, о моей учебе в школе, умолчав, пожалуй, только о том, что чуть не попал в офицерское училище. Рассказал и о своей общественной работе, и о том, почему не вступил в комсомол в школе, считая себя не достойным этого высокого звания, и решившего делами, своей жизнью доказать, что я могу быть достойным комсомольцем. Выслушав внимательно мою одиссею и спросив, знаю ли я что-нибудь об отце, комбат сказал, чтобы я подумал о вступлении в ВЛКСМ. По-моему, комсомольской организации, оформленной на батарее, еще не было, так как батарея только что создалась. А, возможно, что и была. Я уже думал, что, услышав мою исповедь, ко мне больше не вернутся с разговором о комсомоле, но прошло несколько дней, и комбат, остановив меня поинтересовался, какое решение я принял. И, когда я снова пытался сказать, что пока не достоин, он ответил, что хорошо воюю на том посту, который мне доверили. И тут же сказал, чтобы я писал заявление. Через день или два состоялось собрание, на котором меня приняли в ряды комсомольской организации.

Мне присваивают звание, первое в жизни, и что из этого вышло

Прошло еще какое-то время, и перед строем батареи зачитали приказ, где мне первому присвоили самое большое звание – ефрейтора. В ту пору ходил солдатский анекдот: «Пишет сын матери письмо, в котором сообщает, что ему присвоили ефрейтора. В ответ получает от матери послание, где она сообщает ему: «Дорогой, сынок, смотри, чин у тебя теперь большой, я уж даже и выговорить не могу, так ты там офицеров-то не забижай».

Пришлось мне пришивать на погоны одну красненькую лычку. Во взводе это восприняли хорошо. Но был у нас один солдат, Сашка Щекочихин, рыжий и конопатый, почему-то с моей легкой руки его стали звать «Рыжий Пашка». У меня с ним были хорошие

отношения. Но как он надо мной издевался! Стоило мне где-то встретить его на территории батареи, как Рыжий переходил на строевой шаг, поворачивал голову в мою сторону и, приветствуя меня, как генерала, «ел», и даже не «ел», а просто «жрал» глазами. Пашка был последователен, и этот театр одного актера продолжался до тех пор, пока мне не повесили вторую лычку, а Сашка Щекочихин не получил звание ефрейтора. Вот тут и я малость отыгрался.

Письма

Наконец-то, начали приходить письма, которые я не получал с самого моего отъезда из дома. Я писал родным, как только выдавалась свободная минутка. Ведь в то время не надо было иметь ни конверта, ни марок. Написал на листочке бумаги, свернул его треугольником, написал адрес и письмо готово. Так что обо всех моих перипетиях знали. Правда, о многом писать было нельзя: в какой части ты находишься, о месте дислокации и командирах, о своих впечатлениях. И стоило что-то из этого «нельзя» написать, как это вымарывалось черной тушью. А мама подробно писала о том, как они живут, и я чувствовал, что уже значительно лучше, чем в 1941–1942 годах. Все-таки досыта было картошки, была ячневая мука, которую я заработал, и кое-что выдавалось по карточкам. Получал я письма и от девчонок. Конечно, мне больше всего хотелось получить письмо от Миры, и я получил его. Эти первые письма были чисто товарищеские, как письма соученицы к соученику. Получил письмо и от Жени. И, пожалуй, в нем было больше теплоты и ожидания чего-то от меня. Мне казалось, уже потом, ответь я ей примерно в таком же духе, и, наверное, эта переписка переросла бы во что-то большее. Но ведь сердцу не прикажешь. В ту пору была Женя, как можно было сказать «свой парень», и кто знал, что через три года это уже будет красивая девушка, в которую, кажется, я влюбился. Но… поезд ушел. Будет уже поздно.

Девчонки писали о школе, новостях, ребятах, которые уже учились в училище, о том, что без нас было скучно.

Временное затишье

Захлебнулось наше весеннее наступление под Ленинградом, Старой Руссой. Был ликвидирован немецкий Демянский плацдарм, однако Старая Русса осталась у немцев. По-моему, не увенчалась успехом операция в районе Великих Лук. Фронты, снабжение которых осуществлялось через железнодорожные магистрали, проходящие через железнодорожный узел Бологое, стабилизировались. Бои шли местного значения, не требовали уже такого объема техники и боеприпасов. Количество эшелонов, проходящих через нашу станцию, значительно сократилось. Видимо, это усекли немцы, обратив свое внимание на другие объекты. Количество налетов значительно сократилось, они уже не были столь массированы, как в марте. С первого апреля перешли на летнюю форму одежды. Забрали у нас шапки, напялив на наши бритые головы пилотки. Днем было тепло, порой даже жарко, и, находясь на дежурстве, мы, порой даже снимали шинели. Но ночью пока было прохладно, и мы жалели, что рано сняли шапки, но печурка исправно работала и, зарядив ее углем, ночью мы по-очереди слезали со своей пушки и грелись. Наряду с дежурством продолжались наши занятия. Изучали технику, личное оружие, уставы. Жизнь текла однообразно. С огневой позиции практически никуда не отлучались, разве что со старшиной за продуктами или за снарядами. Но так продолжалось, наверное, до середины мая.

Жизнь наша цыганская

В мае вдруг нам сыграли «отбой-поход». И когда вытащили орудия, погрузили снаряды, бросили наш нехитрый скарб в Доджики (Додж три четверти), комбат построил батарею и объявил нам, что наша батарея становится кочующей, то есть мы будем устраивать засады на тех воздушных коридорах, где «ходят» немцы, сопровождать воинские части к линии фронта. И началась наша кочевая жизнь, если ее можно так было назвать, жизни, конечно, никакой не было – сегодня здесь, завтра там. Я уже сейчас

не помню даже тех населенных пунктов и станций, где мы «бросали якорь», устраивались, чтобы неожиданно встретить огнем, до этого спокойно проходившие самолеты, и заставить свернуть их с привычного курса. Отстрелявшись, на утро мы «сматывали удочки», чтобы пристроиться уже где-то в другом месте. Из железнодорожных станций на Октябрьской дороге, где мы кочевали, я помню Малую и Большую Вишеру. Большая Вишера находилась почти у самой линии фронта, что даже была слышна орудийная канонада. Сопровождали мы и колонны танков к фронту, когда все наши орудия рассредоточивались, расчехлялись, и мы готовы были стрелять с колес по штурмующим самолетам. Руки наши огрубели от лома и лопаты, ведь любая наша остановка вела к тому, что мы копали ровик для пушки. Правда, иногда не успевали вырыть укрытие для себя.

Где-то к началу августа мы вновь оказались в 30-40км от Бологое. И уже самостоятельно действующей единицей оказалась не батарея, а взвод, наш огневой взвод, к которому примкнули несколько человек из взвода управления: разведчики, телефонисты, дальномерщик. Я не помню, куда загнали второй огневой взвод управления, вместе с которым был и комбат, а наш взвод оказался вблизи станции Лыкошина, где железнодорожные пути пересекала речка, через которую был проложен железнодорожный мост. И вот, взобравшись на насыпь, мы зарыли пушки прямо на ней, так, что пламегасители стволов орудий чуть не касались вагонов, проходящих мимо эшелонов, вырыли землянки. Казалось, устроились на «отдых» после нескольких месяцев скитаний по дорогам, «городам и весям» Новгородской области. Командир нашего огневого взвода лейтенант Коваль назначил меня «по совместительству» старшиной взвода. А это значило, что я должен был ездить в Бологое за продуктами: хлеб, сахар, табак и все другое прочее, – теперь были на мне. Обычно брал с собой пару солдат, и мы, как ишаки, таскали на горбу мешки с печеным хлебом, концентратами, сухарями, грузили все это на машину, и привозили на огневую позиицию взвода. И я раздавал эти продукты расчетам, которые сами себе готовили «изысканный» обед из концентратов: гороховый суп, кашу. Чтобы сделать это, не надо было оканчивать

«калинарный» техникум, а достаточно только бросить брикет «суп-пюре гороховый» в котелок с горячей водой, и через пять минут можно было объявлять: «кушать подано». Аналогично готовилась и каша, только надо было налить чуть меньше воды. В мое отсутствие у орудия меня заменял один из подносчиков снарядов, которого я сам выдрессировал. А когда я был на огневой, то свои обязанности орудийного номера выполнял сам. Не было мне поблажек и с несением караульной службы. И в этом плане со мной чуть не произошел казус.

Диверсанты, а пуганая ворона куста боится

Дело в том, что мост охранялся пограничниками. Надо сказать, что те из них, кто остался жив после первых месяцев перипетий войны, стали выполнять функции охраны мостов и других объектов. И вот, как-то мы обратили внимание, что у дома-казармы, стоящего у насыпи, резиденции охраны моста началось какое-то оживление. Все свободные от наряда бойцы, запрыгнули в машину и куда-то умчались. Вернулись примерно через час. Один из пограничников мне и поведал, что произошло. Оказывается, где-то накануне этого переполоха, немцы сбросили десант диверсантов. Цель десанта была – взорвать наш мост, и этим самым вывести Октябрьскую дорогу из строя. В состав десанта входили не только немцы, но и обученные в спецшколе русские военнопленные. Десант благополучно приземлился у нас в тылу и скрылся от глаз людских в лесу, где-то вблизи от моста и нашей позиции. А на разведку диверсанты послали одного из русских. Надо сказать, что все они были одеты в форму Красной Армии. А этот вражеский разведчик возьми да и сдайся пограничникам. Вот чем и был вызван внезапный отъезд этого подразделения. Операция закончилась благополучно, диверсантов частично перестреляли, а некоторых из них взяли в плен. Все это я рассказываю к тому, что наш взводный предупредил весь личный состав, чтобы бдительно несли не только службу дежурства, но и караульную, учитывая определенный интерес немцев к этому объекту.

Я не скажу сейчас, почему так получилось, что в эту ночь, когда все спали, я один нес караульную службу на нашем пятачке – огневой позиции взвода. А это был действительно пятачок, так как орудия стояли почти рядом. Насыпь-то была высокой, но неширокой, и загнали нас на нее, потому что был лучший обзор, чем у подножия. И вот хожу я по шпалам, как челнок, туда-сюда. И вдруг слышу шорох где-то на склоне насыпи. Чувствую, что кто-то поднимается по насыпи. Причем, сделает пару шагов и остановится. Нашпигованный разговорами о диверсантах, я ясно себе представил, что это они и есть, поднимаются по склону под покровом темной ночи, чтобы, поднявшись, закидать землянки гранатами и взорвать мост. Тихонько передергиваю затвор карабина и буквально в несколько бесшумных прыжков оказываюсь у края насыпи, падаю наземь и … Что меня удержало от выстрела – не знаю. Передо мной предстал силуэт лошади, которая медленно поднималась по насыпи, пощипывая травку. Чей это был конь и как он попал на насыпь, не знаю, а подножие ее было ограждено колючей проволокой. Вот был бы конфуз. Во-первых, застрелил бы коня, а, во-вторых – поднял бы тревогу. И, наверное, от насмешек было бы мне не спастись. А ведь стрелять я мог бы безо всяких предупреждений, так как это была запретная зона. Интересно еще в связи с диверсантами то, что столовые шашки у них были в обертке с наименованием «Суп-пюре гороховый». А они похожи, тот и другой желтые. И, поэтому в дальнейшем, раздавая брикеты супа, я говорил ребятам, что вам полагается столько-то «шашечек». Ну, а о своей «сверх бдительности» на посту, конечно, никому не рассказывал.

Обстановка летом 1943 года

Лето уже шло к закату, перевалив первую половину августа. Оно оказалось нелегким, но успешным для Красной Армии. Из всех операций самой кровопролитной, пожалуй, до этого не имевшей аналога, была Курская битва. Немцы на Курской дуге сосредоточили до пятидесяти лучших своих дивизий, в том числе шестнадцать танковых и моторизованных. Здесь были сосредоточены новейшие танки – «Тигры», самоходки – «Фердинанды», самолеты – Фоке-

вульф-190. Немецкое руководство планировало провести операцию под кодовым названием «Цитадель», заключающуюся в прорыве нашей обороны в Центре и развитии нового наступления на Москву. Безусловно, подготовка этой операции проводилась в глубокой тайне. И мне вспомнилось, как уже после войны, в 1947–1948 годах, тогда еще малоизвестный писатель, Герой Советского Союза, полковник Медведев, делясь фрагментами своей книги «Это было под Ровно», рассказывал нам, студентам УПИ, о подвигах, тогда еще неизвестного героя-разведчика, легендарного Кузнецова Н.И., бывшего студента УПИ имени Кирова, упомянул, что раскрыл секрет этой операции именно он, Николай Иванович. Это позволило упредить немцев. Тысячи танков, самолетов, орудий принимали участие в этой битве.

Мой приятель и сослуживец полковник Шабалин Михаил Кондратьевич, участник танкового сражения в районе Прохоровки, рассказывал, что это было самое крупное встречное танковое сражение за всю Отечественную войну. До позднего вечера на поле боя стоял гул моторов, был слышен лязг гусениц, горели сотни танков и самоходок. Тучи пыли и дыма заволокли небо. Но поражение было грандиозным. Наш народ ликовал. В ознаменование этих побед под Орлом и Белгородом и ликвидации Курской дуги, в Москве впервые прозвучали артиллерийские салюты из зенитных орудий. В августе же был освобожден Харьков. Развернулось наступление в Донбассе. А в начале августа тронулись с места и наши фронты: Волховский, Калининский, Ленинградский. И вновь ожила наша Октябрьская железная дорога.

Наш подарок Дню авиации

Был жаркий день восемнадцатого августа после полудня. Наши командиры вновь подтянули «гайки», учитывая положение на фронтах и усиление движения на нашей дороге. И мы сидели на пушке, кто-то вспомнил, что ведь этот день праздничный – День авиации. В те годы профессиональных праздников в стране не было и отмечали только День военно-морского флота и День авиации. Москвичей у нас в расчете не было, но до войны видели кино-

журналы, в которых показывали мощь нашей авиации на парадах в День авиации. И вот сидели и делились впечатлениями об этих показушных фильмах, так как еще в марте-апреле мы видели, что преимущество в небе было за Люфтваффе, правда, к этому времени мы все больше и больше видели наши самолеты. И уже не один-два ястребка крутились среди нескольких немецких, а стоило только появиться немецкому разведчику, как откуда ни возьмись выскакивало несколько наших. Да и по вечерам мы видели уже целые армады наших самолетов, которые направлялись бомбить немецкие тылы в сопровождении истребителей.

А ведь нам сообщали, когда и сколько самолетов должны пройти над нами, чтобы ненароком мы не пульнули в своих. Кроме этого, существовал так называемый сигнал «я свой», который менялся каждый день, а порой и несколько раз на дню. Он заключался во включении разного цвета бортовых огней и в цвете ракеты, выпускаемой с самолета. Дав предупредительный залп по неизвестному самолету, иногда информация о прилете запаздывала, самолет обязан был ответить сигналом «я свой». Отсутствие такого сигнала или несоответствующая комбинация условностей давало нам полное право открывать огонь.

18 августа после полудня вдруг раздался прерывистый вой приближающегося с запада самолета. Нашим телефонистам никто не сообщал о возможности появления наших самолетов в зоне, охраняемой нами территории и воздушного пространства. Тревогу играть не было необходимости: мы были на орудии. И вдруг, почти на бреющем, вывалился двухмоторный Дорнье – До 215. Он шел, как паровоз, вдоль путей железной дороги. Прозвучала команда «огонь», но наши снаряды уходили за хвост самолета. Он оказался над нами и бил из пушек по огневой позиции, пыль от рвущихся снарядов закрывала второе орудие. Меня взрывной волной чуть не сбросило с бешено крутящейся платформы, это наводчик по горизонтали, сколько хватало сил, крутил свою рукоятку, чтобы развернуть пушку на 180 градусов, следуя за только что пролетевшим самолетом. Я успел втолкнуть еще одну обойму и схватился за магазин для снарядов, чтобы не упасть. И уже идет очередь от нашей пушки под брюхом удаляющегося вражеского самолета. И ребята,

мои наводчики, орут: «Попали!», «Горит!». Я не буду уточнять еще и другие слова, которые вырывались из их глоток в этот момент, и мы видели, как дымя, постепенно снижаясь, самолет шел к лесу и, наконец, скрылся за его вершинами. А через несколько секунд прозвучал глухой взрыв. Мы выскочили из ровика, подбежали ко второму орудию. На бруствере лежал командир орудия. Один из наводчиков зажимал ему рану, орудие было покалечено. Всех раненых перевязал наш санинструктор, и ребята унесли их в эвакогоспиталь, который располагался в то время в Лыкошино. А командир взвода и кто-то еще, схватив автоматы, на машине помчались к лесу.

И что же они там увидели? Срезанные вершины деревьев, которые начал «пахать» самолет. Труп одного из летчиков, который выпрыгнул из самолета, но его парашют полностью не раскрылся. И это было не тело, а мешок с костями. Бесформенную груду самолета, обгоревшие трупы летчиков, одного – без головы. Это, действительно, оказался Дорнье-215, с экипажем из трех или даже больше человек. Приехал кто-то еще. Зафиксировали факт сбитого самолета. Наши забрали парашюты, оружие, куски дюраля. Парашют пригодился нашим девчонкам, а их было на батарее несколько, из дюраля наш мастер Шикалин делал портсигары. Покалеченное орудие отвезли в ПАРМ – полевые артмастерские. Наводчик вскоре пришел из госпиталя, ранение оказалось не тяжелым, а командир орудия скончался, его похоронили на кладбище в Лыкошино.

После войны, проезжая несколько раз поездом через Лыкошино в Питер, я все время хотел посмотреть на место нашей огневой, но, увы, так ни разу и не получилось.

Солдатский быт

Теперь скажу несколько слов о нашем быте. Спали мы, не раздеваясь. В лучшем случае, это снимали обувь. Гимнастерка и брюки никогда не снимались. Конечно, ни о каком постельном белье и речи не могло быть. Шинель заменяла все. Был даже такой солдатский анекдот: «Спрашивают солдата: «Ты на чем спишь?». А он отвечает:

«На шинели». «А чем укрываешься?» – «Шинелью». «А под голову что кладешь?» – «Шинель». «Так сколько у тебя их?» – «Одна». Вот шинель нам и заменяла все. Иногда шинели помогала и плащ-палатка, которая у каждого из нас была, ведь часами проходилось находиться под дождем, не прячась под крышу. Наконец-то, я избавился от ненавистных мне обмоток, старшина выдал кирзовые сапоги, которые, конечно, больше шли к моим двум лычкам, я ведь стал младшим сержантом. И это было лучше, чем звание ефрейтора. Хоть и младший, но все-таки сержант. Белье мы сами не стирали, так как были не на флоте, это там принято матросам и старшинам стирать себе белье. Правда, гимнастерки и брюки, уже когда залоснятся от машинного масла, стирали сами. Старался делать это чаще и, в конце концов, от стирок и солнца гимнастерка из зеленой превращалась в белесую.

Весь 1943 год мы находились где-то вблизи от населенных пунктов, поэтому у нас не было проблем с баней, и, попадая в нее, мы получали чистое белье, полотенце и мыло, а грязное белье сдавали старшине. Обычно баню использовали, чтобы постирать портянки, подворотнички и платочки. Но один из них я не стирал, наверное, больше года. Правда, я не пользовался им по прямому назначению. В нем были завернуты несколько фотографий и Красноармейская книжка. И он хранил тонкий запах каких-то духов, которые, несмотря на время, продолжали ощущаться. Каждое утро у нас была зарядка, и мы обливались или обтирались холодной водой. По утрам был еще один ритуал – осмотр по форме три или пять. Уже точно не помню этот номер. Но, если сказать по-простому, то – на «вшивость». Бог нас миловал от этих «зверюг». Обычно осмотр этот проводили командиры орудий, но иногда в процедуре участвовала наш санинструктор. По-моему, ее звали Юля, но фамилия у нее была по аналогии с «Лошадиной», как у Чехова, «Собачья» – Кушпиль. В начале своего повествования, говоря о собаках, напоминал команды для охотничьих собак: «Куш» – это нельзя, «Пиль» – это можно, возьми. Вот и у Юли была фамилия «нельзя – возьми». Наверное, сейчас уже, спустя много лет, можно сказать, что «нельзя» – это было для солдат батареи, а «возьми» – для командира нашего огневого взвода.

Я – командир орудия и мой расчет

Батарея наша вновь воссоединилась, орудие отремонтировали, и ваш покорный слуга стал его командиром. Как видите: пошел Александр Васильевич на выдвижение и стал первым доморощенным командиром орудия на батарее. А расчет у меня попался поистине интернациональный: наводчики – русские, подносчик – татарин, второй – киргиз Муратов Султан, украинец, узбек Чинали. То есть полный интернационал.

Самым старым был Муратов Султан, он попал к нам после госпиталя, очень добросовестный, любил меня и все время говорил: «Вот кончится война, товарыш командыр, приезжай ко мне, самый лучший барашек зарэжу». Но не пришлось встретиться с Муратом, да и нет его уже в живых, наверное.

Чинали – узбек, образование имел самое маленькое, наверное, не больше четырех классов, но, видимо, семья была у него состоятельная, имела сад, виноградники. Он говорил, что в период уборки урожая у них работали даже наемные люди. Парень был с ленцой, но в расчете нельзя было не работать: то, что не сделал ты, должны были, как это было принято и на корабле, сделать твои товарищи. Но все, что можно было выполнить в его любимой позе – на корточках, он делал.

Татарин был невысокого роста, щупленький, неглупый, но болезненный. Никто у нас за войну серьезно не болел, а вот он, не могу вспомнить его фамилию, где-то прихватил малярию, может быть, даже из дома привез. И периодически его трясло. Навалим на него несколько шинелей, а его подбрасывает. Накормим его хиной, пожелтеет весь, но оклемается и снова в строй.

Самым молодым в орудийном расчете был Степан из Калининской области, 1926 года рождения. Парень здоровый, широкоплечий, заряжающий. Но он страшно любил поспать: хоть стреляй над ухом – ни за что не проснется. И я ничего с ним не мог поделать, такова уж его натура. Поэтому по тревоге, вскакивая со своих нар, первое, что я делал, хватал Степкины ноги и, в буквальном смысле этого слова, стаскивал его с нар на пол. Выскакивал на орудие, вставал на место заряжающего, заталки-

вал в магазин обойму. И в это время, продирая глаза, появлялся Степан, и вставал на свое место. А я продолжал подавать команды, так как выполняя обязанности заряжающего, я не забывал об обязанностях командира. Вот сейчас много говорят о неуставных отношениях в армии. Мы не знали, что это такое. В расчете царили дружба, уважение друг к другу, мы прощали слабости, переживали неудачи, и уверен, что случись что-либо хоть с одним из нас, его бы не бросили, не оставили в беде ребята. Единственный раз, я, как командир, допустил неуставные отношения. Это был Степан. Шел бой, стреляли, и у него заело затвор. Степка растерялся, не получается, на меня орет взводный, я ору на заряжающего, и тут мне под руку попал банник, которым чистили ствол орудия. И этим банником я вытянул его по горбу, вскочил на платформу и устранил неисправность. Орудие вновь начало палить. После боя я извинился, но Степан и ребята правильно меня поняли и не обижались.

А вообще, расчет принял меня и признал во мне командира. Спуску я не давал никому, старался справляться своими силами, не закладывая никого вышестоящему начальству. Вкалывал наравне со всеми, когда надо было на горбу тащить снаряды или по глубинному снегу пушку и машину, или копать огневую позицию. Перед начальством никогда не заискивал. Все это импонировало моим ребятам. В свободное время старался просветить их, читал газеты, но мне кажется, что мой авторитет еще больше укрепился, когда я прочитал ребятам Шолохова «Они сражались за Родину». В каком-то военном издательстве была выпущена брошюра глав этого нового произведения Шолохова. И вот я читал, соблюдая интонации, в лицах, как говорили тогда, а ребята от смеха катались и ползали по нарам. По вечерам, часто, когда наступало минорное настроение, пели и «Землянку» и про «синенький скромный платочек», который падал с опущенных плеч, и новую песню, начинавшуюся словами: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началася война». Пели и о Вите Черевичном, который жил в Ростове и выпускал голубей. В нашем репертуаре были: «Чайки», «три танкиста», «Катюша», «Любимый город», который может спать спокойно, и рус-

ские песни, ставшие поистине народными – про Ермака, Байкал и ямщика, замерзавшего в степи. Часто, лежа на нарах, кто-то что-то рассказывал, порой с солеными солдатскими словами. Что там греха таить, шел разговор и о женщинах. Вот тут я был пас, а ребята, хотя и были моими ровесниками, уже кое-какой опыт в любви имели.

Обстановка к осени сорок третьего

Наступила осень. Она принесла нам ряд побед: в сентябре был освобожден Новороссийск и Малая Земля стала Большой. Да, был период в истории Отечественной войны, когда все сходилось на Малой Земле. Считалось, что чуть ли не вся война была выиграна из-за того, что была такая «Малая Земля», на которой начальником политотдела был Л.И. Брежнев. Конечно, мы знаем и помним об этом участке фронта, но он ни в коей мере не решил судьбу войны. В сентябре же был освобожден многострадальный Смоленск. Но, пожалуй, самой значительной победой считалась битва за Днепр. С большими усилиями наши войска форсировали эту водную преграду. Солдаты цеплялись за каждый клочок отвоеванной земли на правобережье Днепра, постепенно расширяя плацдармы. И в канун Октябрьских праздников, 6 ноября, освободили Киев. Это была большая радость, и свои фронтовые праздничные сто граммов мы выпили и за Киев.

С Н ОН

До Армии, прямо скажем, я не знал вкус вина. Это же не современная молодежь, когда в десять-двенадцать лет некоторые молодые люди уже страдают от алкоголизма. Водку-то впервые я попробовал в Армии, и было это Первого мая и в ноябрьские праздники. Ощущение было интересное. Во-первых, ее проклятущую оказалось не так уж легко пить: забивало дыхание, обжигало горло, но разливалась какая-то теплота по всему телу. Во-вторых, интересное состояние охватывало тебя, появлялась какая-то раскрепощенность, болтливость. Фронтовые сто

граммов перепадали нам не только в праздники. В осеннее и зимнее время эта процедура повторялась довольно часто. Я не пристрастился к этому зелью, хотя и не отказывался. Давали нам водку для «сугрева». Не забывайте, что большая половина нашей военной жизни проходила, причем в любую погоду, на улице.

Зимняя экипировка

К ноябрю получили мы зимнее обмундирование. Надо сказать, что экипировали нас очень даже прилично: теплое байковое белье, ватные стеганые брюки, телогрейка, шапка, рукавицы с двумя пальцами и теплые меховые, новые валенки. И, в довершение всего, еще полушубки. Учитывая, что нам не надо было тащить свои «шмотки» на горбу, остались у нас и шинели. А надо сказать, что когда меня назначили командиром орудия, как-то раз отзывает меня старшина. А он вообще ко мне проникся после того, как я исполнял обязанность старшины отдельного взвода, и говорит, что он в дивизионном ОВС выпросил для меня отличную шинель. Я померил, конечно, это был не пехотный обдергунчик или, как у нас называли, «полуперденчик», а настоящая кавалерийская шинель с большим разрезом сзади, наверное, на вершок не касающаяся пола. В ней да в сапогах я уже смотрелся бывалым солдатом, несмотря на слишком юное лицо. А ведь мне пошел только девятнадцатый год. В общем, своей шинелью я гордился, и, конечно, не хотел ее сдавать, а проходил я в ней до новой, уже офицерской. Забавный анекдот ходил в отношении шинели. Артиллерист и кавалерист хвалят свою шинель, когда идут в туалет, из-за большого разреза сзади, но ругают, когда ложатся спать. Разрез-то не дает хорошо укрыться. Пехота, имея шинели с малым разрезом, ругает шинель, идя в туалет, и хвалит, ложась спать. Расстегнул хлястик, и шинель уже, как одеяло. В общем, мы встречали зиму, прямо скажем, отлично обмундированными.

Серая шинель

Слова В.П. Ермакова, музыка народная

Ты любовно сшитая,
Пулями пробитая,
У костра прожженная
В холод и метель,
Временем потрепана,
Бережно заштопана,
С пожелтевшим воротом,
Серая шинель.

Ты пропахла порохом,
Но как стоишь дорого,
Фронтовая спутница
Боевых недель.
В ночь сырую, длинную
Служишь ты периною, –
Согреваешь ласково,
Серая шинель.

Плотная, суконная,
Родиной даренная,
Разве может снять тебя
Пуля иль шрапнель?
Против сердца воина
Не бывать пробоинам, –
Грудь укроет с орденом
Серая шинель.

Как вернусь с победою,
Выпью, пообедаю.
Мать постелет чистую,
Мягкую постель.
Со слезами гордости
В лучший угол горницы
Мать повесит старую
Серую шинель.

Страна отмечает своих Героев

Наступил декабрь, ударили морозы. Металл пушки и снарядов обжигал руки, а ведь не все можно было делать в рукавицах, для многих работ требовались живые пальчики. И вот в такой морозный день начала декабря на батарею вдруг приехал командир нашей 16-ой артиллерийской бригады. Насколько мне помнится, полковник Кошин, и вместе с командиром дивизиона. А я напомню: наш дивизион был отдельной частью, на правах полка, построили батарею. И комбриг произнес речь, что наша батарея и, особенно, первый огневой взвод, в период летне-осенней кампании, хорошо потрудились, выполнили поставленные командованием задачи, не дав немецким стервятникам уничтожить охраняемые нами объекты, и сбили немецкий бомбардировщик Дорнье – До-215, за что группа воинов была представлена к Государственным наградам, тогда это называли Правительственные награды. И от имени Верховного Совета он должен вручить эти награды. Первым назвали командира нашего взвода, лейтенанта Ковалева, и вручили ему орден Красной Звезды. Затем медаль «За Отвагу» получил командир нашего орудия Гриша Перебейнос, медаль «За боевые заслуги» – наводчик нашего орудия. И вдруг называет комбриг, что медалью «За боевые заслуги» награжден бывший заряжающий Смородинников А.В. Для меня это было совершенно неожиданным, как и награждение всех наших товарищей. Печатая шаг, я вышел из строя. Все дрожало во мне. Ведь это была первая моя Правительственная награда, из тридцати тех, которые я получил за всю свою жизнь. «Служу Советскому Союзу» – был мой ответ. Да, Советскому Союзу, который потом назвали «тоталитарной империей» и благополучно развалили наши горе-управители.

Вечером мы отметили это мероприятие, опуская наши награды в кружки с водкой: «И на груди его широкой медаль висела одиноко». А в это время еще не было новых колодочек, индивидуальных для каждой награды. Все ордена привинчивались. А все медали, в том числе Героя и орден «Отечественной войны» крепились к маленькой колодочке на красной муаровой ленточке, такой, какая осталась для звездочек Героев.

Кончался 1943 год, первый год моей армейской жизни. Отметили Новый год. Начался 1944-ый, что он нам принесет? В канун его я принес сосновую веточку, поставил ее в гильзу снарядную, набросал на нее кусочки ваты. И наша елка была готова принять гостей. Других украшений не было. В 24.00. «налили в железные кружки свои боевые сто граммов», чокнулись и, конечно, наш тост был «за Победу».

Ну, а комментируя награды, могу сказать, что к сбитому самолету командир взвода не имел никакого отношения. Даже его команд при этом не было. Были командир орудия Гриша, наводчики и заряжающий, ухитрившийся не упасть с платформы при ее бешеном кручении и обеспечивший патронник снарядами.

Что такое счастье?!

Часть вторая

УРАЛМЕХАНОБР

У каждого была своя война,
Свой путь вперед, своя дорога к бою.
И каждый был во всем самим собой
И только цель у всех была одна.

С Новым годом, с новой частью

По установившимся традициям в Новый год принято делать подарки. И вот такой подарок нам преподнесло наше командование. Батарею в полном составе передавали во вновь сформированный 553 зенитно-артиллерийский полк малого калибра, с новой американской техникой. Нам передавались сорокамиллиметровые зенитно-артиллерийские пушки «Бофорс». К орудиям я еще вернусь.

Так вот, полк был уже почти сформирован. Наша батарея последней влилась в него. Образование полка шло спешно из подразделений различных частей нашей бригады, имевших уже какой ни есть, но боевой опыт. Полк формировался в каком-то селении вблизи Малой Вишеры. Я уже и не помню, как оно называлось, так как были мы там, как говорят, «без году неделю». И произошло это событие буквально 1-го или 2-го января. Построил комбат батарею и объявил, что нам необходимо привести орудия в надлежащий вид, и через три-четыре часа уже должны подойти наши машины из дивизиона. И, оставив орудия в ровиках, не раскурочивая землянок, взяв только личное оружие, мы должны отбыть в свою новую часть, где получим новую технику, которую будем быстро осваивать. Почистив свою пушку и смазав, мы с сожалением простились с ней, с нашим ветераном, который верой и правдой служил нам, несмотря на полученное «ранение». Что за пушки ожидали нас, какие они, этого никто не знал? Забрав свои вещички, а их у нас было немало, и тот инструмент, который мы сумели «приобрести», а также, несмотря на запрет ничего не ломать в землянке, прихватили печку с трубой, памятуя о том, что нам оставили в свое время наши предшественники (если помните, то совсем ничего) и, погрузив все это в доджики, мы тронулись в путь.

На батарее остался взвод управления, который должен был охранять огневую позицию и передать ее новым хозяевам, возможно, таким же, какими были мы в марте сорок третьего, зеленым и необстрелянным юнцам.

Волховский фронт

Волховский фронт был создан еще в 1941 году. А в 1942 году войска фронта вели тяжелые бои. В него входили ряд армий. В 1943 году, при прорыве блокады Ленинграда, Волховский фронт войсками правого крыла прорвал мощную оборону противника южнее Ладожского озера, и, соединившись с 67-ой армией Ленинградского фронта, образовал коридор, обеспечивающий сухопутную связь Ленинграда со страной.

В январе-феврале 1944 года его войска осуществили Новгородско-Лужскую операцию, в ходе которой освободили Новгород и все города и станции, прилегающие к Октябрьской железной дороге. Вот наш вновь сформированный полк и участвовал в этих операциях. Командовал фронтом генерал армии Мерецков (энциклопедия: Великая Отечественная война 1941-1945 гг.).

Американка

Ну, вот и наша новая часть. Это уже не дивизион отдельный, в котором мы служили ранее, включающий четыре батареи, а полк, в котором уже четыре дивизиона, не являвшимися самостоятельными единицами. Разместились мы в каких-то больших землянках. Видимо, здесь ранее была какая-то часть, возможно, формирующаяся, до фронта-то было рукой подать.

Разгрузившись и побросав свое барахло в землянках, выставив часовых, мы направились получать новые орудия. Какое было у нас удивление, что американские пушки внешне почти не отличались от нашей тридцатисемимиллиметровой. Унитарный патрон, то есть гильзы и снаряд, были такими же, только малость больше по весу. В обойму также входило пять снарядов. Такая же рама крестовиной, на которую садилась пушка в боевом положении. Крутящаяся

платформа с двумя наводчиками, один по горизонтали, другой по вертикали. Стоящий на платформе заряжающий, также толкающий обоймы в магазин. Но отсутствовали установщик скорости и дальности, и установщик курса и углов пикирования самолетов, которые вводили эти данные в прицел, что позволяло создавать определенные упреждения полету снарядов. Но к пушке придавался ПУАЗО – прибор управления артиллерийско-зенитным огнем. Вот там-то и был человек, который вводил в прибор данные скорости, дальности, углов пикирования и кабрирования. Прибор устанавливался также в ровике, в нескольких метрах от пушки.

Но вернемся к орудию. Таким образом, его могли обслуживать пять человек – трое на платформе и два подносчика. Огонь можно было вести без ПУАЗО и с колес. Но точность стрельбы была в этом случае значительно хуже. В нашей пушке наводчики ловили самолет в перекрестия оптических приборов – коллиматоров, встроенных в прицел, в который, как уже говорил, вводились необходимые данные. Здесь же прицелы у наводчиков были не связаны и аналогичны прицелам крупнокалиберных зенитных пулеметов, в которых упреждение определял сам наводчик, в зависимости от ракурса (угла) летящего самолета. В основном, при такой стрельбе наводчики ориентировались на трассу летящих снарядов, подводя ее под цель: снаряды, как и в нашей пушке, были осколочные и бронебойные, то есть можно было стрелять и по защищенным целям – по танкам.

Вот в этом упрощенном виде мы пока и получили наши пушки без комплекта ПУАЗО и движка с генератором, со своей маленькой, индивидуальной для каждого орудия, электростанцией. Так сказать, в варианте худшем по сравнению с отечественной пушкой. Орудия везли морем: через Мурманск или через Владивосток. Поэтому они были основательно смазаны, и требовались определенные усилия снять эту смазку и отдраить пушку. При наличии наставлений мы очень быстро разобрались с этой новой техникой. Мои ребята освоились со своими обязанностями, что, оказалось, не столь сложно, зная отечественную технику. В общем, мы были готовы выполнить боевой приказ. Батарею нашу пополнили личным составом. Во взвод управления пришло несколько девушек, среди них были и очень хорошенькие.

Знамя части и я при нем

Где-то, наверное, на второй день нашего пребывания в полку нам объявили, что будет общее построение и вручение полку знамени. И вот, совершенно неожиданно для личного состава нашей батареи и для меня лично, Гришу Перебейноса и меня вызвал комбат, объявив, что батарее оказана честь – выделить двоих человек в эскорт при знамени, и предложил нам отправиться в штаб полка. Что мы и сделали. Собралось человек десять-пятнадцать, кто-то из штабных офицеров нас построил. Посмотрел нашу выправку, провел в течение нескольких минут элементарные строевые занятия, повороты, строевой шаг. Надо сказать, что мы здорово с Гришей смотрелись в новых белых полушубках, и выбор пал на нас. Гришу назначили знаменосцем, а меня – ассистентом при знамени. Вторым ассистентом определили также какого-то сержанта, но из другого подразделения. Но за эту честь, которая была нам оказана, нас, наверное, два часа гоняли, мы отрабатывали шаг, скорость прохождения и обороты. В общем, на батарею мы вернулись взмыленными.

На другой день состоялось общее построение полка. А я обозревал весь полк, так как стоял впереди него вместе с полковником – командиром полка. Приехал знакомый уже мне командир бригады, полковник Кошин. Он произнес речь об образовании нашей части, ее воинской славе, о знамени – символе солдатской чести. Прочитал выдержку из указа о знамени, о хранении его как зеницы ока, и что в случае потери знамени часть расформировывается, а командование отдается под суд. Затем кто-то из его свиты передал ему вынутое из чехла знамя. Командир полка преклонил колено, поцеловал край знамени, затем встал, взял врученное ему знамя и повернулся лицом к строю. Чеканя шаг, мы подошли к командиру полка. Впереди шел Гриша, а в шаге-двух от него шли мы – два ассистента с висящими и прижатыми к груди автоматами. Полковник передал знамя знаменосцу. В те времена еще не было специальных пеналов, которые крепились на ремне у знаменосца, и куда вставлялось древко знамени. Гриша принял знамя. Мы пошли вдоль строя полка: впереди командир, за ним знаменосец со знаменем на вытянутых руках, и мы, два ассистента. Пронеся знамя, остановились. Знаменосец

приставил знамя к ноге. И мимо нас торжественным маршем прошел строй полка. Может быть, что-то из этого ритуала и забылось, но я отлично помню момент получения знамени и то, что после его вручения первым часовым при знамени в штабе полка был я. И это был пост № 1.

Вообще, согласно уставу, все военнослужащие, проходя мимо знамени части строевым шагом, должны приветствовать его, отдавая честь. И, возможно, что спустя какое-то время, когда это процедура примелькается, уже нет той торжественности, но вот в эти первые сутки все было так, как это предписывалось уставом. И на посту пришлось стоять, не шелохнувшись.

Обстановка на фронтах к началу 1944 года

1944 год начался значительной активизацией военных действий на фронтах. Начали операцию войска 1-го Украинского фронта в районе Житомира и Бердичева, перешел в наступление 2-ой Украинский фронт уже на правобережье Днепра. Развернулись 3-ий и 4-ый Украинские фронты. В результате всех этих операций немцы получили Корсунь-Шевченковский котел – новый Сталинград, в котором только пленных было взято около двадцати тысяч. Наконец-то зашевелились и наши фронты, я имею в виду Ленинградский и Волховский, которые довольно продолжительное время были стабильны.

Блокада Ленинграда была прорвана в январе 1943 года, однако фронт оставался рядом. Ленинград регулярно обстреливался. Октябрьская дорога на ее продолжительном участке находилась в руках немцев. И вот перед войсками была поставлена задача – окончательно снять блокаду Ленинграда, очистить от захватчиков Ленинградскую область и Октябрьскую железную дорогу, создать благоприятные условия для последующего наступления с целью освобождения Прибалтики. Задача эта была не из легких. Продолжительная стабилизация этих фронтов позволила в значительной мере укрепить их линии как с той, так и с другой стороны. И, чтобы пробить брешь в немецкой обороне и смять ее, в декабре 1943 года и в начале января 1944-го на Ленинградском, Волховском и Прибалтийском фронтах

было сосредоточено, как я прочитал, 1241 тысяч солдат и офицеров, около двадцати двух тысяч орудий и минометов, полторы тысячи самолетов и столько же танков и самоходно-артиллерийских установок. На вооружение нашей армии к этому времени поступили тяжелые танки ИС (Иосиф Сталин), Т-34 с 85-мм пушкой, самоходные установки СУ-152, СУ-122, СУ-100 с пушками 152, 122 и 100мм. В воздухе уже господствовали истребители Як-3, Ла-7. И, конечно, львиная доля этой техники и живой силы шла по Октябрьской дороге, возле которой в конце 1943 года находилась наша часть. В общем, началу всем наступательным операциям указанных фронтов предшествовала длительная подготовка. И, как видим, на сравнительно небольшом участке фронта была сконцентрирована одна пятая всей действующей армии. Таким образом, наш только что созданный полк оказался в орбите больших надвигающихся событий, вошедших в историю Великой Отечественной войны.

Жизнь наша кочевая

Как я уже говорил, в пункте формирования нашей части мы пробыли «без году неделю». Наверное, через пару дней после вручения знамени, уже освоившись с новыми пушками, нам «сыграли» «отбой-поход», и где-то к ночи мы тронулись к фронту, а линия фронта находилась не далее сорока-пятидесяти километров. Мы ехали по направлению к Чудово – городу и станции на Октябрьской железной дороге, который все еще был у немцев. Дорога была накатана, так как только Бог да командующий Волховским фронтом генерал Мерецков К.А. ведали, сколько по ней техники прошло к передовой. И где-то был довольно крутой поворот, и наша пушка пошла юзом, а масса ее оказалась значительной и, ехав к фронту, мы оказались наоборот к нему задом. Из нашего доджика нас не выбросило только потому, что был натянут тент, но шишек мы нахватали, на какое-то мгновение оказались в невесомом полете и стукнулись лбами друг о друга. Но путешествие по накатанной дороге продолжалось не так уж долго.

Мы съехали с накатанного пути и продвигались проселками, уже явственно был слышен все приближающийся гул войны, в ко-

торый сливались выстрелы орудий и минометов, разрывы снарядов и мин, шум моторов, скрежет гусениц танков и тракторов. Это был обычный день войны, вблизи устоявшейся линии фронта, которая стабилизировалась в этих лесах и болотах несколько месяцев тому назад. Нашему полку была поставлена задача – обеспечить охрану скоплений войск и техники, которых в ту пору, как я уже говорил, здесь в преддверии январского наступления было немало. И началась наша поистине цыганская жизнь.

Сегодня мы были рядом с танками, колонну которых сопровождали до места их сосредоточения где-то в лесу. Завтра – это уже была дивизия пехоты на марше или штаб какого-то соединения. Конечно, и речи не могло быть о строительстве землянок, а от цыган мы отличались только тем, что не имели шатров, вся наша жизнь была прямо на снегу. В лучшем случае мы могли только расчистить сравнительно глубокий снег, чтобы в этот ровик, практически почти на руках, затащить пушку, и через некоторое время приходилось ее снова тащить к какому-то проселку, тянули, как бурлаки баржу, проклиная и матерясь, обливаясь потом. А мало-мальски вытащив ее к дороге, толкали еще и нашу машину, несли на горбу по сугробам пятидесятикилограммовые ящики со снарядами. Полушубки, валенки, рукавицы намокали от мокрого снега, температура воздуха порой не снижалась ниже нуля, но к ночи зима брала свое, и на морозе, пусть даже не уральском, наши полушубки, намокшие за день от снега, становились железными и вполне могли стоять на снегу, как будто надетые на портновские манекены.

На ночь, нарубив лапник и застелив его плащ-палатками (если не было нашей очереди дежурить), мы с карабинами и автоматами забирались на это царское ложе и, тесно прижавшись друг к другу для тепла, накрывались орудийным чехлом. Вскоре от дыхания семерых здоровых носоглоток и производных сухого пайка и ржаных сухарей, которыми мы питались, становилось под чехлом тепло. Однако, если кто-то вылезал из этой берлоги по нужде или чтобы сменить часового около пушки, то встать сразу не мог, так как ноги не слушались своего хозяина. И надо было сначала их растереть, прежде чем встать и оторвать примерзшие к подошвам портянки. Костры разводить, чтобы подсушиться, было нельзя, ведь перед-

ний край был рядом, и самолеты могли появиться в любую минуту, а небольшой костерок и даже зажженная спичка, могли стать ориентирами, по которым можно было сбросить бомбы. Поэтому портянки сушили проверенным солдатским способом, навертывая сухой конец на стопу, а замерзший – дальше к ноге, где они и подсыхали. А когда подходила очередь дежурить, то вылезали все на пушку. И грелись танцами, напоминавшими современную «тусовку». Ну, а если приходилось стрелять, то уж тут нас грели наши «жены». «А наши жены – пушки заряжены», как пели суворовские солдаты. Уж мы так прижимались к ним, так их обнимали, что могли бы позавидовать те, которые остались дома. И только приходилось удивляться, как в этой обстановке никто не только не болел воспалением легких, но даже не схватил самого примитивного насморка.

Прорыв Ленинградской блокады, и мы в Волхово

Четырнадцатого января многокилометровый Волховский фронт перешел в наступление, чему, конечно, предшествовали и артиллерийская подготовка, и массированная обработка переднего края сотнями наших самолетов. Но в этой артиллерийской дуэли мы участия не принимали.

20 января был взят Новгород, и в эти же дни наши войска, освободив станцию и пристань Волхово, вошли в Чудово. А станции Волхово и Волхов мост были в шести-десяти километрах от Чудово. К концу января вся Октябрьская железная дорога была освобождена и, наконец-то, была полностью снята блокада Ленинграда.

Вслед за наступающими частями шли и мы. Проехали где-то 400–500 км от Вишеры. Вот и станция Волхово, предшествующая Чудову. Станция была разбита, от пристани и речного вокзала остались только подвальный и первый этажи. Вместо пристанционного поселка торчали обугленные трубы, да скрытые сугробами поваленные заборы.

Кончался первый месяц нового 1944 года. Месяц, который мы провели на колесах и на снегу, и, пожалуй, впервые за это время смогли развернуть свои полевые кухни, развести костры. Месяц

прожили, не раздеваясь, не снимая полушубков, шинелей и валенок, не меняя нижнего белья и умываясь только снегом. И не мудрено, что наш вшивый полк, точнее обовшивевший, первое, что предпринял, войдя в Волхово, это организовал баню, вернее, что-то вроде подобия ее. Какими-то наспех сколоченными щитами и плащ-палатками закрыли проемы окон подвального этажа речного вокзала, нагрели в бочках из-под бензина воду, которую таскали из реки Волхов. Да, это была баня и даже с паром, который шел изо рта. Раздевшись и чуть намочив себя нагретой водой, я старался скорее натянуть чистое белье и гимнастерку, потому что температура нашей «парной» была чуть выше уличной. Но все-таки было приятно снять пропахшее потом и полное «зверей» белье. А было их столько, что по заказу, пошарив рукой под нижней рубахой, мог достать их столько, сколько было нужно.

Только что отгремели бои на Октябрьской дороге, но уже шли железнодорожные войска и восстанавливали железнодорожные пути. А немцы, отступая, снимали с дороги рельсы, вывозя их в Германию или используя для строительства укреплений, а то и пуская прицепленное к паровозу устройство, похожее на плуг, которым ломали шпалы, делая их непригодными для дальнейшего использования. Срочно восстанавливался и мост через Волхов.

А нашу батарею поставили на охрану этого моста. Вот станция и поселок назывались «Волховмост». И мы как-то сразу оказались в тылу, где уже не было слышно шума войны. И, как это уже было многократно, все началось со строительства огневой позиции: ровик, ниши для снарядов и землянки. Но ведь у нас теперь были не наши тридцатисемимиллиметровки, а американки, которые в стационарных условиях требовали для каждой пушки ровик для ПУАЗО – прибор управления артиллерийско-зенитным огнем, и ровик для движка-генератора, вырабатывающего электроэнергию.

Американка – Бофорс М-1

Пора, наверное, несколько подробнее остановиться на американках. Мы были первыми, кто должен был в полном составе освоить эти пушки. В походных условиях мы их достаточно полно

изучили на практике, втечение января. Нам не пришлось только стрелять по наземным целям.

Напомню: американкой называлась «40-мм зенитно-артиллерийская пушка М-1, Бофорс». Я уже говорил, что в походных условиях на пушке находилось три человека, наводчики и заряжающий, то есть на два человека меньше, чем на нашей, отечественной. А в стационарных условиях на пушке был лишь один заряжающий, который сам и стрелял, нажимая ногой на педаль. А все остальные, кроме подносчиков снарядов, были у ПУАЗО.

И весь процесс поимки цели начинался с прибора, который представлял собой ящик в виде куба, начиненный оптикой, электрикой, механикой. При объявлении тревоги моторист в укрытии включал движок, вырабатывающий электроэнергию. Ток подавался на прибор и пушку. На приборе находилось три человека – два наводчика и установщик, который вводил данные, считываемые дальномерщиком в прибор. Наводчики же ловили цель в перекрестие своей оптики и плавным вращением рукояток удерживали цель в перекрестиях. Добившись этого, они нажимали кнопки, каждый свою, по горизонтали и вертикали. И с этого момента прибор сам начинал следить за движением самолета. Наводчики могли только незначительным поворотом рукояток корректировать работу прибора. Итак, цель поймана, данные в прибор введены, и они передавались на двигатели пушки. Заряжающему надо было подбежать к пушке, рукояткой рубильника вручную повернуть платформу орудия в сторону направления цели и, совместив индексы, включить рубильник. С этого момента платформа и ствол орудия начинали двигаться при помощи электродвигателей, установленных на пушке. А заряжающему надо было только запрыгнуть на платформу и, принимая обоймы снарядов от подносчиков, кидать их в патронник, и нажатием ноги на педаль вести огонь короткими или длинными очередями. Таким образом, на пушке находился только один человек. Конечно, это было возможно только в стационарных условиях на корабле, при долговременной защите важных объектов.

А при постоянной смене позиций работа с прибором и движком практически была невозможна, так как эти устройства были довольно нежные. Когда мы более или менее устроились, я доволь-

но быстро изучил всю эту технику, кинематику прибора. Электроники не было, все построено на механике. И, конечно, мне очень помогло то, что я все-таки немного разбирался в оптике и электрике. Изучив самостоятельно нашу материальную часть, я популярно старался научить всему ребят из моего расчета. И вскоре мой расчет стал одним из лучших не только в батарее, но и во всем дивизионе. Командир полка наградил меня солдатским знаком «Отличный артиллерист», и мне было присвоено звание сержанта.

Сержант – это уже звучит. Наши офицеры

И вот я уже сержант, у меня три лычки. Этот факт чрезвычайно импонировал. По-моему, это как-то лучше звучало, чем, когда к тебе обращались не «Товарищ младший сержант!», а просто – «Товарищ сержант!». Мне казалось, что это звание было даже лучше старшего сержанта. Служба у меня складывалась нормально. Солдаты не только моего расчета, но и батареи, считали меня «своим», который выдвинулся из их среды благодаря собственному горбу, а не «лизанию» (извините) соответствующих мест у начальства, поэтому относились ко мне хорошо, одобряя мой принцип: «Прежде чем повелевать, сам умей подчиняться». Командиры мои уважали меня за умение подчиняться без подхалимажа, за дисциплину, порядок в расчете, за то, что у нас была полная взаимозаменяемость – каждый знал и умел делать не только то, что полагалось ему по штату. Причем все это доводилось до автоматизма. Поэтому наш расчет старались подсунуть при всякого рода проверках, которых было немало, когда мы встали на якорь на Волхово. И я это сообщаю не для того, чтобы покрасоваться или похвастаться, комбат у нас остался старый – наш «Три Г» (Гриценко Григорий Георгиевич), а вот взводный поменялся. Пришел лейтенант Петр Степанович Савинкин. Ему было лет сорок, н он казался нам старым. Был он из Магнитогорска. К сожалению, не знаю, где работал, но, видимо, на комбинате. После войны, уже окончив институт и бывая на Магнитке, я пытался его разыскать, но не нашел. Думаю, что эта «швычка», наша повариха, увела его с собой, забеременев в 1944 году, когда я еще был на бата-

рее. Держался он просто, не высовывался. В нем не было того офицерского лоска, что у нашего комбата, а явно проглядывал простой гражданский работяга. Отношения с нами, сержантами – командирами орудий и с солдатами, у него были нормальными. Я не помню, чтобы он кого-то когда-то наказал.

Знакомы ли Вы с педикулезом?

Мне пора снова вернуться к прозе нашей жизни. Я остановил внимание читателей этого раздела моего «опуса» на том, что месяц нашего наступления на Волховском фронте не прошел для нас бесследно. Не потеряв во всех передрягах, бомбежках, обстрелах ни одного человека на батарее, мы даже приобрели, буду выражаться медицинскими терминами, педикулез. «Баня», о которой я уже написал, в подвале пристани, ненадолго дала нам облегчение. Солдатики шутили, говоря, что «только что пообедали и опять забегали». И, построив свои землянки, мы уже устраивали баню в них, где, накалив наши печурки и согрев воды, можно было действительно немного помыться и «прогладить» швы белья и гимнастерок на горячей буржуйке, так что только треск шел от лопающихся вшей и гнид. Хотел выразиться покультурнее, но никуда не денешься от этой прозы жизни. Окончательно избавились мы от этого наследия военного коммунизма только уже в марте, когда пришел поезд-баня на нашу станцию по восстановленным железнодорожным путям Октябрьской железной дороги. Как мы наслаждались горячей водой, которую можно было использовать не кружками, а «от пуза», и настоящей парной, где можно было прогреть наши промороженные насквозь кости. И надеть чистое белье, горячие от прожарки гимнастерки и брюки. Но не обошлось и без курьезов. Хотя нас всегда предупреждали, что нельзя сдавать в прожарку кожаные и меховые вещи, с ними проводили дезинсекцию другими способами. Кто-то у нас из батареи все-таки умудрился сдать свой полушубок. В результате получил его, но после этого он был по размеру годен только десятилетнему ребенку. Откровенно говоря, больше я у себя этих «зверей» не находил, но думаю, что столько, сколько их у меня было за эти два-три месяца, наверное, хватило бы не на одну жизнь.

«Мойдодыр» №12

Секретный состав Минобороны открывает свои двери

Об этом воинском соединении мало что известно. Многие слышали о секретном отряде пловцов-диверсантов, о террористах из ГРУ или бойцах спецподразделения «Альфа». О составе же, выполняющем куда более грязную (в полном смысле этого слова) работу, практически никто ничего не знал.

Репортеры «МК» были первыми, кому довелось проникнуть внутрь этого поезда. Посторонних сюда не принято было пускать. Ведь, узнав, какой объем работ выполняет его экипаж, любой шпион может без труда узнать численность наших вооруженных сил. Не говоря уже о родах войск.

Снаружи банно-прачечный железнодорожный состав Минобороны, припаркованный на задворках одной из в/ч в Ярославской области, мало чем отличался от обычных поездов. Но это только снаружи. Изнутри «боевой Мойдодыр» не был похож ни на что привычное для нас. Один вагон предназначался под прачечную. Огромные стиральные машины стояли, приваренными к полу. Выглядели они, точь-в-точь как подводные батискафы с иллюминаторами. В углу стены высился намертво прикрепленный чан для варки стирального порошка.

Другой был установлен под дезинфекционную камеру. Это мрачное, жутко пахнущее место, где до сих пор располагались вешалки для гимнастерок. В гладильном вагоне были установлены широкие столы, приспособленные ныне под кровати. Сушилка забита чистым солдатским бельем. На деревянных полатях лежали сложенные рубахи, кальсоны, гимнастерки, трусы, резиновые сапоги. На полу – барабан с холщиной для портянок. В углу горой возвышались пуленепробиваемые жилеты.

Глупо было говорить о классической парилке, войдя в банный вагон. Пустая теплушка, два оконца, кафельный пол с водостоком, железные мыльницы вдоль стен и пластмассовые душевые рассеиватели – двадцать по одной стороне и столько же по другой – вот все нехитрое оборудование. Над головой торчали две трубы – для холодной воды и горячего пара. Сделать воду погорячее или похо-

лоднее можно было лишь централизованно. В индивидуальном порядке краны не регулировались.

«Впервые такие поезда-бани появились на «вооружении» у нашей армии во время Великой Отечественной войны, – рассказывал нам начальник поезда Сергей Землянский. – Тогда каждый фронт имел в своем распоряжении подобный состав. Воду закачивали в цистерны насосами, стиральный порошок кипятили (чтоб неповадно было воровать сухой). И обмывали, обстирывали, парили всю армию конвейером, били вшей в обмундировании».

За прошедшие полвека в банно-прачечном хозяйстве мало что изменилось. Точно так же, как мылись наши деды на фронте, смывали с себя грязь и российские солдаты в Чечне. «Банщики» находились там с февраля по июль. Работали почти круглосуточно, ибо солдатский поток не прекращался ни на час. Только с полуночи до четырех часов утра им удавалось хоть немного отдохнуть. В это время техники проверяли работу паровых двигателей.

Через стиральные машины банно-прачечного поезда №12 за неделю проходило до четырнадцати тонн солдатской одежды. В душевых мылось четырнадцать тысяч солдат. «Самое смешное, что мы, по сути, делали гигантскую, но бесполезную работу, – признается майор Землянский. – Свежевымытый рядовой оставался в чистом белье максимум два-три часа. Из-за частых оттепелей под гусеницами военной техники земля превращалась в развороченное грязевое болото. Спрыгивая с БМП на землю, солдат погружался в жижу по пояс».

По уставу воины должны были мыться не реже, чем раз в неделю. Но в реальных боевых условиях выполнить уставные предписания не представлялось возможным. Часто случалось, что выводимые с передовой войска не видели бани по нескольку недель. Их одежду проходилось просто выкидывать на помойку. Выстирать обмундирование после недельных боев было невозможно. «Наш поезд скоро станет совсем реликвией, – сокрушался его начальник. – Шутка ли, полвека не меняется подвижной состав? Когда мы уже возвращались из Чечни, наш штабной вагон арестовали под Рязанью железнодорожники. Они боялись катастрофы. Таких поездов по всей армии вообще четыре штуки осталось. Все остальные уже на кладбищах. А мы вот продолжаем работать».

«Не хотите ли помыться?» – спросил нас на прощание майор. Разумеется, только из вежливости. Он отлично понимал, что принимать душ – выше наших сил. Ведь дома ждали теплые ванны и стиральные машины «Эврика». А его – груды портянок и нательного белья.

Я – комсорг батареи

Наверное в феврале ко мне подошел замполит командира дивизиона капитан, фамилию которого я забыл. Только что недавно отменили институт военных комиссаров, он несколько раз внедрялся в Красной Армии в период с 1918 по 1942 годы (обычно в самые тяжелые периоды для нашей армии). Так вот, комиссаров не стало, но были замполиты. Отозвал меня капитан в сторонку и говорит, что есть предложение назначить меня комсоргом батареи – должность не освобожденная. Так как часть была новой, и, возможно, в полку не знали нюансов моей биографии, я рассказал капитану об отце и маме, о себе. Но он мне ответил, что за год своей службы в Красной Армии, я доказал преданность народу и государству. Мне ничего не оставалось, как согласиться. И вот на следующем комсомольском собрании батареи я был избран комсоргом батареи.

Как всякий уважающий себя комсорг я завел «сейф» – металлический ящик для дисков ручного пулемета (в него влезало два диска). В общем, размеры его были примерно 30х30х10 см. Так что я мог его сунуть даже в вещевой мешок. Обязанностей у меня неизмеримо прибавилось, ведь никто не освобождал от должности командира расчета, от всех обязанностей и боевой работы, а также от дежурств. А тут пришлось заниматься и воспитательной работой, влезать порой в душу каждого бойца. Жизнь же приносила и горе. У одного погиб отец, или письмо приносило весть о бедственном положении матери, которая осталась одна. И я сочинял письма в военкоматы, председателям колхозов об оказании помощи родителям наших воинов. Надо было вести и агитационную работу, политинформации. Ведь у комбата не было заместителей, поэтому скоро наш «Три Г» почувствовал во мне хорошего помощника. А мне, видимо, в этом плане помогло то, что в школе я постоянно занимался какой-то общественной работой. А, будучи председате-

лем Осоавиахима, эта работа была в масштабе всей школы. Так что эта деятельность у меня пошла хорошо и, наверное, через месяц, мне предложили вступать в партию – ВКП(б), Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков).

Партия – это серьезно

Я очень хорошо помню это собрание. На батарее коммунистов было мало: комбат, взводные и Гриша Перебейнос. Пришел парторг дивизиона, замполит, комсорг дивизиона – все офицеры освобожденные. Я зачитал свою рекомендацию. Петр Степанович Савинкин, комсорг дивизиона, выступил, выступил и комбат. А я рассказывал свою биографию. Какая она у меня, только что начинающего жить, была? «Родился, учился» и, если бы не отец, то на этом бы и закончилась. И вопросов бы никаких не было. Но пришлось подробно рассказывать об отце, маме и о погибшем под Сталинградом дяде Вове. Ну, а армейская служба моя проходила у всех перед глазами.

Партия была для меня чем-то недосягаемым. Если я комсомол считал верхом своей затаенной мечты, каким-то сообществом молодежи высшего класса, то партия – это глава всего, это Ленин, революционеры, гнившие в тюрьмах и на каторге, это комиссары гражданской войны, это те, кто строил ДнепроГЭС, Магнитку, и шел в первых рядах в атаку, короче говоря, это те, кто всегда впереди, на кого равняются. И в мыслях моих не было, что от партии можно чего-то потребовать, взять, получить какие-то блага. Я считал: партии можно только отдавать безвозмездно, служить людям. И подумать я не мог, что шли туда карьеристы, которые поняли, что, не будучи членом ВКП(б), никогда не достигнешь тех заоблачных высот в иерархии нашего социалистического государства. И вот у меня в руках серенькая книжечка кандидата в члены ВКП(б), коим я должен был быть год. Но мой кандидатский стаж затянулся на целых три года.

Авторитет партии был велик, за годы войны в ее ряды вступило около 8,4 миллионов человек, почти столько же, сколько за двенадцать предвоенных лет. О том, что единственной привилегией коммуниста было – находиться всегда впереди, свидетельствует тот

факт, что за годы войны свыше двух миллионов членов и кандидатов в партию погибло на фронтах, в партизанской и подпольной борьбе.

На нашем фронте – без перемен

Жизнь продолжалась. А зима уже катилась к весне. Днем мы одевали ботинки и сапоги. А вот на ночные дежурства облачались в валенки. Основные работы по огневой позиции были выполнены. Мы основательно окопались. Но ведь солдат не может обходиться без работы, да и нельзя его оставлять в праздности, это же как «ЧП». Поэтому и нам постоянно находили работу, да и я старался занять своих ребят каким-нибудь делом. Если не пушкой, то работой по благоустройству нашего жилья.

Железнодорожники работали круглосуточно, и мы стали свидетелями, как по мосту через Волхов медленно проследовал голубой экспресс – знаменитая «Красная стрела». Это шел первый пассажирский поезд из Москвы в Ленинград. И было это 21 марта 1944 года. Состав состоял из пяти-семи вагонов, но вместе с пассажирскими вагонами шла платформа, на которой стояла зенитная пушка 22 мм, а, может быть, и 37 мм, и теплушка, на которой –зенитная пулеметная установка. С таким эскортом «стрела» ходила несколько месяцев. От Чудово до Питера было 118км. Кажется, что совсем рядом. Но в нашу Северную Пальмиру я смог попасть только спустя почти десять лет.

Наше наступление под Ленинградом закончилось, поэтому немецкая авиация не проявляла большой активности. Налетов не было, только изредка днем пролетали немецкие разведчики. Но этот серебристый крестик, сверкавший в лучах весеннего солнца, который ловили мои наводчики в перекрестия оптики ПУАЗО, а я – в свой бинокль, был почти недосягаем для наших снарядов, они разорвались бы в воздухе, не долетев до него. Часто по таким самолетам постреливали пушки 85мм среднего калибра, батарея которых стояла недалеко от нашей. Тогда возле сверкавшего крестика – немецкого разведчика, двигавшегося, как правило, вдоль железной дороги, появлялись маленькие белые облачка от разорвавшихся снарядов. Мы, не отрываясь от наших приборов, вели эти цели и были готовы в любую секунду открыть огонь, если бы вдруг он захотел спикировать на нас. Мост-то был для него лакомым кусочком. Октябрьская доро-

га начала интенсивно функционировать. По ней мощным потоком шли грузы. Готовилось наступление в Карелии, в Прибалтике, а это требовало дополнительных людских ресурсов, техники, боеприпасов. Вот почему мы и стояли на этом месте, чтобы лечь костьми, но не допустить вывести из строя мост, а значит – и дорогу.

Вот такая картина ясного весеннего неба, безоблачно-голубого, с белыми рваными пятнышками на нем от разрывов снарядов настолько запали мне в память, что спустя тридцать с лишним лет, первого мая в такое же солнечное безоблачное утро, ожидая движения нашей первомайской колонны, мой взгляд привлекло знакомое зрелище. Я увидел высоко в небе одно или два белых облачка. Мысль моментально подсказала, что это разрывы зенитных снарядов. Я поделился своими догадками со стоявшими со мной сотрудниками нашей лаборатории, и с Леной, которую взял на демонстрацию. Думаю, что редко кто, как я, остановил на этом зрелище свое внимание. У меня сработало профессиональное чувство. И я увязал это с возможным салютом, с началом парада или демонстрации, хотя разрывы, скажем прямо, были далеко от Площади 1905 года, на востоке Свердловска. Третьего мая, придя на работу, узнали о сбитом американском самолете-разведчике, не зная еще тогда, что это был Паурс. Ну, об этом еще будет мой рассказ. Видите, что мне напомнили разрывы снарядов наших соседей.

Однако, чаще всего мы видели, как за немецким разведчиком начинали охоту наши «ястребки». Да, это уже был не 1941 и даже не 1943 годы, когда не так уж часто мы видели в небе наши истребители. Сейчас мы уже являлись свидетелями того, как появлялись несколько наших самолетов и начинались их пируэты возле огрызавшегося немецкого разведчика. Иногда эта кавалькада скрывалась от наших глаз, и мы не знали исхода этого боя. Иногда немец, пользуясь преимуществом набора высоты, поворачивал назад, и мы видели, как «лезли» в гору наши самолеты, и где-то там высоко, потеряв разведчика, метались туда-сюда в его поисках. Но мы были свидетелями и захватывающего зрелища воздушного боя. В нашу оптику можно было хорошо различить, где свой, а где чужой. И это мы делали безошибочно, определяя самолеты по силуэтам. И как в цирке, раздавались хлопки в ладоши, а ребята бросали кверху шапки или пилотки и кричали «Ура!», видя черный шлейф снижавшегося немца. А сколь-

ко разговоров потом было об этом бое и радости, честное слово, как у маленьких ребятишек после циркового представления.

Служим

Так и шла наша жизнь своим чередом: в дежурствах на пушке, в частых тревогах дневных и ночных, – когда за ночь приходилось сомкнуть глаза, может быть, только на пару часов. По закону пакостности, отдежурив полночи на пушке, то есть положенное тебе время без тревоги, только забирался в землянку, чтобы прикорнуть, как раздавался звон подвешенной гильзы или рельса, и истошный голос разведчиков и часовых сообщал: «Тревога!!!», затем тебя сбрасывали с нар, и мы все пулей вылетали из землянки, занимая свои места у прибора, орудия и движка. Просидев пару часов на орудии, раздавалась желанная команда: «Отбой!». Но только успеешь уложить свои кости на нары и закрыть глаза, как все это повторялось снова. Поэтому нашей единственной «болезнью» в то неспокойное время было хроническое недосыпание, если исключить накатывающуюся иногда тоску по дому, по своим близким. Мне кажется, особенно в такие минуты было трудно женатым, а были среди них такие, или ребятам, оставившим своих невест и вкусившим до венца неведомое еще нам.

Весна и подснежники

Весна брала свое: на появившихся проталинах уже зеленела травка, журчали, пробиваясь в снегу, ручейки, стекающие в Волхов, лед на реке посерел, набух, стал ноздреватым и, наконец, тронулся. Река несла не только воду Ильменьского озера, но на льдинах в Ладогу плыли, вмерзшие в лед, трупы немецких солдат, которые не сумели предать земле похоронные команды. Иногда эти льдины прибивало к берегу, и перед глазами вставали почерневшие лица «завоевателей». Но не было жалости к ним, когда здесь же, рядом с батареей, мы видели только печные трубы, чудом не сгоревшие заборы, и не видели ни одного человека из местных аборигенов.

Если где-то на Украине, в Прибалтике немцы и относились лояльно к местному населению, то в этих местах, где фронт долгое время стоял

на одном месте, гражданских выгоняли с насиженных мест и угоняли в Фатерлянд или в концлагеря. А прочитав статьи Эренбурга, лейтмотивом которых было «убей немца, если любишь свою жену, мать, сына, убей!», ненависть к немцам только росла. И такая политика проводилась до тех пор, пока наши войска не зашли в Германию. Тогда-то и появилась известная статья, по-моему, Заславского, которая называлась «Илья Эренбург упрощает», где уже предпринималась попытка сгладить остроту и уменьшить ненависть наших солдат к немцам.

На волосок от…

Мне кажется, что читатель, читающий эти строки, не чувствуя в них остроты и накала страстей, может сказать, что все перипетии судьбы для Александра, Сашки-артиллериста (до Александра Васильевича еще были долгие семь лет) кончились, и все, как в доброй сказке, складывается хорошо, забывая, что до конца войны оставался еще целый год, а судьбу человека в то время и в тех условиях порой решали даже минуты. Вот так и со мной. Я уже говорил, что в феврале и марте налетов не было, и все мы малость успокоились, хотя продолжали «бдить и блюсти». И дождались, однажды к вечеру, услышав знакомый прерывистый вой. Где-то далеко, около Чудово, захлопали зенитки, видимо, это стреляли батареи нашего полка. Ведь он был рассредоточен на приличное расстояние, вдоль всей Октябрьской железной дороги.

А вот и взрывы разорвавшихся бомб, которые приближались к нам, а с ними приближался и шум немецких самолетов. Сколько их было, определить было трудно, но явно не один, и бомбили они не какие-то определенные объекты, а железнодорожные пути. Смеркалось, даже, пожалуй, было уже темно, и самолетов совсем не было видно. А наш мост на фоне уже вскрывшейся ото льда реки был хорошим ориентиром. И как вы уже, наверное, догадываетесь, начитавшись моих очерков, что в таких ситуациях мы вели заградительный огонь. И тогда раздалась команда комбата, и мы открыли огонь в соответствии с установленной схемой. Конечно, заградительный огонь вели не по приборам, а наводчики были непосредственно на пушке, и уже не заряжающий нажимал на педаль огня, а наводчики.

И опять небо расцветили трассы орудий наших батарей, выстрелы которых глушили шум моторов. Но иногда противник прорывался и шум самолетов был явственно слышен где-то рядом над нами.

А вот и свист бомб, от которых голова вжималась в плечи и, кажется, что вот эта уже обязательно будет нашей, но она падает в Волхов, взметая огромный гейзер воды. Следующая бомба рвется ближе к насыпи. А вот эта оказалась действительно нашей, пожалуй, даже моей. Для командира орудия был окопчик рядом с пушкой, но я редко влезал в него. Так и на этот раз – находился рядом с бруствером, когда бомба разорвалась недалеко от пушки, и меня взрывной волной, как пушинку, отбросило в ровик. Я обо что-то ударился головой, но, наверное, меня спасла каска, благодаря которой голова не раскололась, как орех. Я потерял сознание, а очнулся уже в землянке. Когда меня контузило, прибежала наша санинструктор Юля. Осмотрела меня, и, увидев, что нет открытых переломов, дала команду перенести к ней в землянку, в нашу маленькую санчасть, где было два топчана. Один – для санинструктора, а другой – для возможного больного. Госпиталя поблизости не было. Везти в дивизион – это значило дополнительно травмировать меня, когда больше всего был нужен покой. Орудия еще какое-то время продолжали стрелять. И, сбросив где попало свой смертоносный груз, немецкие бомбовозы скрылись. Как потом рассказывали бойцы: один самолет мы все-таки сбили, но определить в этой суматохе чей снаряд успокоил налетчика, было, конечно, невозможно. Ну, а я, придя в сознание, снова терял его. Меня тошнило, зверски болела голова, в ушах шумело. Чем меня лечила наша Юля, я не помню, но, наверное, в основном покоем. На другой день меня осмотрел фельдшер из дивизиона и сказал, чтобы я еще полежал. И я лежал, впадая в забытье, или периодически засыпая.

Катя

И вот однажды я проснулся от чего-то необычно приятного. На моем разгоряченном лбу лежала маленькая прохладная и мягкая женская рука. Она нежно гладила меня. И, чуть приоткрыв веки, я увидел наклоненное ко мне лицо Кати М. из взвода управления. Своей ослабевшей рукой я привлек ее к себе, а она покорно прижа-

лась ко мне, и я ощутил упругое девичье тело и ее губы. Вот так начался наш недолгий роман с этой девушкой, вернее, молодой женщиной из Удмуртии. Она была немного старше меня. И, откровенно говоря, я иногда замечал ее взгляд, который она украдкой бросала на меня, слышал ее неестественно громкий смех, когда мы неожиданно оказывались рядом, или насмешливый акцент ее говорка. Но я как-то не обращал на это особо внимания. Правда, иногда оглядывал с ног до головы ее ладненькую фигурку. Она была невысокого росточка, но какая-то вся сбитая, некрасивая, но миловидная. Окончила она семь классов и работала в бухгалтерии какого-то совхоза. В армию, по-моему, она попала уже по мобилизации. Она давно выделила меня, но не представлялось случая, чтобы мы оказались вместе. А тут вот моя контузия этому как раз и поспособствовала.

Последствия контузии

Кстати, через несколько дней головные боли прошли, и здоровье нормализовалось. Однако, я стал замечать, что стал хуже видеть, но обходился без очков, меня спасал бинокль. И впоследствии это и явилось причиной того, что меня после окончания войны демобилизовали. Но плохое зрение – не единственное последствие моей контузии. Оказалось, что я не мог кружиться на карусели и танцевать вальс. Сделав несколько кругов, начинала кружиться голова, и я даже мог упасть, что-то случилось с моим вестибулярным аппаратом. И только с возрастом все это прошло. А так как я не был в госпитале, то моя контузия нигде, к сожалению, не была зафиксирована. И, уж если подходить к этому вопросу со шкурных позиций, то она могла бы быть поводом демобилизации по инвалидности, связанной с войной. Но в то время мы об этом не думали.

Женщины армии

Раз в моей армейской жизни появилась женщина, видимо, надо рассказать они поподробнее, тем более, что я пишу эти строки в канун праздника – женского дня. А раз есть повод, то хотелось бы поздравить всех женщин, которые меня окружали, с которыми пе-

ресекались наши жизненные пути, с этим праздником. И я хотел бы пожелать им счастья и всего самого доброго! Ибо я не знаю ни одной из них, кого я должен был бы проклинать, или ненавидеть. Одних я любил, с другими мы были добрыми друзьями, но это общение всегда несло что-то хорошее. О женщинах можно говорить много, но сейчас я хотел бы остановиться на тех, кто был в Красной Армии, и переносил все тяготы войны наравне с сильным полом.

Во время войны в Красной Армии находилось около 800 тысяч красноармейцев, сержантов и офицеров женского пола. Цифра, как видим, немалая, даже в сравнении с тем, что к 1945 году у нас было поставлено под ружье 13,45 миллионов человек. Было сформировано три авиаполка под командованием Героев Советского Союза М. Расковой и В. Гризодубовой. А всего среди Героев Советского Союза было 86 женщин. Я уже где-то вскользь отметил, что разные девушки и женщины шли в Армию. Особенно хотелось бы сказать о тех, первых.

«Где ж вы, одноклассницы – девчонки
Через годы все гляжу вам вслед –
Стираные старые юбчонки
Треплет ветер предвоенных лет.
Кофточки, блестящие от глажки,
Тапочки, чиненные сто раз…
С полным основанием стиляжки
Посчитали б чучелами вас!
Было трудно. Всякое бывало,
Но остались вы освещены
Заревом отцовских идеалов,
Духу революции верны.
Потому, когда, гремя в набаты,
Вдруг война к нам в детство ворвалась,
Так летели вы в военкоматы,
Тапочки, чиненные сто раз…».

Эти строчки посвятила своим сверстницам Юлия Друнина, которая сама добровольцем ушла на войну.

Да, патриотический порыв был настолько силен, что, бросив зачетки, студентки шли в военкоматы и становились медсестрами, снайперами, радистами, и в ПВО обеспечивали службу ВНОС –

воздушного наблюдения, оповещения и связи, прожекторные, аэростатные подразделения, да и непосредственно на батареях. В общем, они были везде. Для этих девушек, конечно, главным была их служба, желание принести посильную помощь своему Отечеству в этот трудный для него час. Девушки хорошо показали себя в армии, заменив на многих постах, во многих родах войск, мужчин. Поэтому в дальнейшем женщины шли в Армию не только добровольно, но и по мобилизации.

Конечно, среди них были всякие, некоторые искали в армии приключений. Но, какие бы они ни были, всем им было значительно труднее, чем мужикам. Во-первых, даже потому, что армия была уделом мужчин, и все в ней было приспособлено и создано для мужчин. Приведу простой пример. Я знаю, что иногда девчонкам вместо трусиков и рейтузов выдавали мужские кальсоны. Уж как они умудрялись приспособить их по назначению, не знаю. Помыться, привести себя в порядок и, извините, справлять свои естественные надобности в окружении мужиков, было очень даже непросто. А постоянное ощупывание мужским голодным взглядом, в результате чего создавалось впечатление, что ты раздета, голая среди этой серой солдатской массы. Я пишу это потому, что такое ощущение мне передавали некоторые девчонки. Конечно, не все мужики в девушке в солдатской шинели видели, и в первую, и во вторую очередь, только бабу. Я, например, к этой категории не относился. В моем понятии, девушки облагораживали наш солдатский быт. Как-то в присутствии их неудобно было матюгнуться или сказать какое-нибудь соленое словцо, хотелось казаться немножечко умнее и остроумнее, чем был на самом деле. Конечно, женщины требовали особого подхода к себе, хотя в основной массе были дисциплинированы и несли свою службу наравне с мужчинами. Но ведь основная масса среди них – это молоденькие девчонки, которым хотелось любви, ласки и нежности. И, несмотря на кровь, страдания и все ужасы войны, влюблялись, любили, хотя в первые годы войны это пресекалось, даже еще в 1943 году.

Что там говорить, зачастую любовь становилась причиной возникновения новой жизни. Но в этом случае женщину демобилизовывали и отправляли домой. А виновника сего происшествия су-

дили, как членовредителя, констатировав, что он вывел бойца из строя, и отправляли в штрафбат, если это был офицер, или в штрафную роту – если сержант или солдат. Но так продолжалось до 1944 года, когда поняли, что столько народа перебито, бабы в тылу без мужиков остались, и надо воспроизводить новое поколение. Вот тогда-то вышел Калининский указ об отмене алиментов, если ты не был зарегистрирован, о матерях-одиночках. И на любовь в Армии стали смотреть сквозь пальцы, уже не очень журя виновников вывода солдат из строя.

Сложно женщине было в армии и потому, что находились начальнички и командиры, которые, используя свою власть, свое служебное положение, прямо или косвенно, склоняли женщин, своих подчиненных, к сожительству. Но были среди этой женской армии и такие, которые своим поведением порочили всех женщин. Это их ярлык ППЖ (полевая походная жена) на гражданке пытались клеить всем девчонкам. Это их поведение, потерю женственности, грубость, пытались приписать всем женщинам в форме. Не все из них обрели счастье и семью. И многие, потеряв на фронте любимого, так и не могли потом устроить свою жизнь, в связи с высокой требовательностью, которую они предъявляли к людям.

Но, как я уже говорил, девушки были разные, и в этом плане я хотел бы рассказать одну историю, которая произошла на одной из батарей нашего полка. Комбат сблизился с девушкой, служившей на этой батарее. Я знал такие прецеденты, но, как правило, если девчонка была не глупой, то эта связь была по принципу: «дружба дружбой, а служба службой», то есть дружба и любовь не должны были мешать исполнению военного долга и не давать каких-либо привилегий девушке. Но были и такие, которые пытались использовать дружбу, любовь командира-начальника в своих целях. Вот и в этом случае, эта любовница комбата посчитала, что ей все дозволено, и начала командовать на батарее, не подчиняясь своему непосредственному командиру, который однажды не выдержал и доложил об этом комбату. Тот вызвал ее и в присутствии командира предложил ей выполнить его приказание, но девице, видимо, «вожжа попала под хвост», и вместо того, чтобы поддержать авторитет своего возлюбленного и сделать то, что от нее требовали, не противоречащее уставным по-

ложениям, послала и комбата куда-то далеко. А ведь устав требовал любой ценой выполнить приказание, а к тем, кто отказывался, могли быть применены сила и оружие. Комбат застрелил девчонку. Конечно, обстановка была не фронтовая, он превысил свою власть и был отправлен в штрафбат. Нагнал я страху. Но, разговор о женщине, женщине-солдате, я начал под влиянием рассказа о Кате.

Еще о Кате

Конечно, наша возникшая дружба не осталась незамеченной. Да и мы не скрывали ее. И я не случайно рассказал о том трагическом случае, потому что наши отношения не мешали службе. Катя часто приходила к нам, в наши апартаменты, когда мы не дежурили. Садилась на мой топчан, подшивала нам подворотнички, слушая, как я что-то читал ребятам, а они любили слушать, или пела вместе с нами, а то и просто так сидела, прижавшись ко мне в полумраке землянки, чуть освещаемой мерцаемым огоньком печурки.

Если мы раньше сами стирали свои гимнастерки и летом это делали довольно часто, в связи с тем, что от пушки, от работы они пачкались, то теперь над нами взяла шефство Катя. Конечно, в первую очередь, она это делала для меня, но как-то получилось, что в ее руки попадали гимнастерки и ребят. В общем, она стала нашей. И я должен сказать, что я ни от кого не слышал о ней или о нас каких-либо нелестных высказываний. Наверное, хватит уже о женщинах.

Обстановка на фронтах к лету 1944 года

Приближалось лето, мы перешли на летнюю форму одежды, сбросили надоевшее теплое белье и ватные брюки. Нас радовало наступление наших войск в Крыму. В апреле были освобождены Керчь, Симферополь, а девятого мая штурмующие войска ворвались в Севастополь, до конца войны оставался только год. Еще целый год!

В начале июня двинулись в наступление наши войска в Карелии, снабжение которых шло через Питер и нашу Октябрьскую дорогу. Были взяты Выборг и Петрозаводск. Развернулись активные действия в Белоруссии, а также – в западных областях Украины, ос-

вободили Минск, Вильнюс. Красная Армия выходила к границам нашего государства.

Комары

А мы продолжали нашу службу, но она сильно осложнилась тем, что лето выдалось на редкость дождливым. Не проходило и дня, чтобы не было проливного дождя, а то и ленинградского бусенса. Болота, как губка напитавшиеся водой, стали рассадником для комаров. Их были мириады. Комары и мошка облепляли руки, лезли в глаза, в уши. Мы чесались, ходили опухшие. И чтобы хоть немного отдохнуть от этих кровопийц, этого летящего зверья, мы пытались сделать накомарники. На проволочный обруч надевали марлю. И это сооружение водружали на голову. Однако, это плохо помогало. Но, если на воздухе иногда ветерок как-то отдувал этих «тигров», то в землянке от них невозможно было избавиться. Кончалась наша смена дежурства, мы закладывали в разожженную печку сырую хвою или траву и закрывали трубу. Землянка наполнялась дымом, который вылезал из нее в щели дверей и окон. И вот тогда мы заходили в нее. Дым ел глаза, раздирал глотку. А мы забирались на нары и закрывались с головой плащ-палатками. Но ведь все-таки это было лето и спали мы, не раздеваясь, поэтому пот заливал нас, раздражая и без того те места, которые болели и были расчесаны в местах укусов. Но проходило немного времени, и вдруг ты опять начинал слышать знакомый писк. Это «вражеский разведчик» огромной армии комаров, найдя какую-то щелку, залезал под плащ-палатку и успокаивался, присосавшись где-то. Но усталость и сон брали свое, и мы засыпали, несмотря на комарье, и просыпались с заплывшими от укусов глазами. Никогда, ни до того момента, ни после, мне не приходилось испытывать нечто подобное.

Семинар комсоргов. Мне прочат политическую карьеру

И вот как-то в один из таких летних дней меня вызвал комбат и говорит, что мне надлежит поехать на семинар комсомольских работни-

ков. По-моему, все-таки данный семинар проводил не полк, а наше соединение, то есть бригада. И происходило это или в Чудово, или в Малой Вишере – в каком-то крупном населенном пункте. Это было блаженство, там не было комаров. Семинар проходил дня три. Нас накачивали лекциями о комсомоле в армейских условиях, международной обстановке, событиях на фронтах, и в заключение состоялся обмен опытом работы. И вот выдернули меня поделиться мнениями, как я осуществляю свои функции комсорга батареи. Для меня это было совершенно неожиданно, но я рассказал о своей работе. И, хотя я считал, что не делаю чего-то необычного и весь-то мой опыт составляет всего несколько месяцев, все посчитали, что моя работа заслуживает внимания. Вечером мы были свободны и ходили на танцульки. Это был первый мой выход в свет в армейской жизни. Быстро пролетели эти дни, и я снова вернулся в наше комариное царство. Но, видимо, меня заметило высокое начальство на этом семинаре. И вот как-то пришел к нам на батарею замполит командира дивизиона и объявил мне, что в полку была разнарядка – дать кандидатуры одного или двух человек для учебы в офицерском политучилище, и что подали именно мою кандидатуру, и, возможно, это будет осенью. Но, даже если что-то сорвется, то есть предложение – забрать меня в штаб дивизиона и назначить комсоргом дивизиона. Это была уже штатная офицерская должность, но нередко ее занимали сержанты или старшины (которые обычно находились в ранге старшего). Он также сказал мне, чтобы я готовил себе замену, то есть командира орудия.

Учеба

Я уже отмечал, что в нашем орудийном расчете была полная заменяемость, то есть любой наш орудийный номер знал обязанности всех и мог заменить любого. Я во время дежурства гонял ребят, то и дело давая вводные, чтобы вышел из строя тот или другой номер. И, уже все без меня знали, кто его должен заменить. Потихоньку я натаскивал и одного из моих наводчиков, младшего сержанта Пугачева. У нас уже на многих орудиях, кроме командиров, были сержантами и орудийные номера.

Время шло, росло и мастерство ребят. Они, конечно, между собой малость ворчали и поругивали меня, что не давал им спать во время дежурств, но с другой стороны понимали, что ведь всякое могло быть. Сегодня мы сидим в относительно спокойной обстановке, а завтра могут кинуть в такую кашу, где некогда будет учиться, а, чтобы не растеряться в этой обстановке, действия каждого должны быть отработаны до автоматизма. Голова могла бояться, а руки должны делать то, чему их обучали. В общем, Мишка был уже совсем готов быть командиром орудия. И, если бы я ушел, он вполне мог меня заменить.

Кто сказал, что надо бросить песни на войне?

Я обещал, что скажу несколько слов о песне, хотя уже и писал об этом. Наверное, в чем-то повторюсь, ведь я пишу не в один присест, а вот уже целый год занимаюсь этим писательским делом. И хотя последовательность моих изложенных мыслей определена хронологией, я могу забыть, что об уже упоминал что-то, поэтому и повторяюсь. Не судите меня за это строго. Ну, а говоря о песнях в солдатской жизни, можно и повториться.

У Лебедева-Кумача были хорошие слова: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне». И песня, разумеется, имела большое значение в нашей фронтовой жизни. Она уносила, уводила нас от суровой действительности нашего бытия, напоминала о чем-то хорошем, с песней часто были связаны какие-то добрые воспоминания. И ведь песни-то были содержательные. Они о чем-то рассказывали, к чему-то призывали. Разве можно сравнить те довоенные и военные песни с современными, типа: «Синий туман – один обман». И так, раз пятнадцать, а то и двадцать. Конечно, в нашем репертуаре не было песен патриотических, вроде «Партия – наш рулевой», «Мы – коммунисты», «Ленин всегда с тобой». Но «Широка страна моя родная», «Москва майская», начинавшаяся тем, что «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля», мы пели с удовольствием. Пели «По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год», «Там, вдали за рекой», и про красных кавалеристов Буденного тоже пели. Встречались и с Каховкой, и «расставались, покидая тихий край», прощались за Нарвской заставой. Это все был до-

военный репертуар, цикл песен с задушевными словами и мелодиями, которые трогали за самое сердце. К ним присоединились и песни уже военного периода. О землянке я уже писал.

А «заветный камень» уносил к Черному морю, к Севастополю, которого из нас никто не видел, и который еще топтали сапоги немецких солдат. Появились песни «Темная ночь» и «Огонек» – эти песни были о доме, о любимых, которые находились далеко в тылу.

Хотя появление кота на моей орбите и бросило тень на образ Миры, но все-таки она была в моем сердце, и лирические песни возбуждали воспоминания каких-то отдельных штришков из прошлого. Пели, конечно, мы не каждый день и даже не столь часто. Как-то неожиданно возникало такое вот минорное настроение, которое от одного передавалось другому, и таким образом возникала песня: одна, потом другая. И пели не только в землянках. Вот там, на Волхове, прямо где-то в орудийном ровике, устраивались кто где мог. И тогда к боевому расчету пушки присоединялись девчонки со взвода управления, с других орудий, свободных от дежурства. Приходил и наш комбат, и его голос вливался в наш хор. Но Петр Степанович, наш командир взвода, по-моему, пел только старинные песни. В общем, о песнях можно много писать, но ведь это не трактат о фронтовой песне.

Бьем своих и чужих

Наверное, читателям уже надоело описание бомбежек, нашего заградительного огня, порой стрельбы в белый свет, как в копеечку. Даже иногда и по своим. Я уже говорил, что наши самолеты имели сигналы «я свой», которые выражались в комбинациях бортовых огней (белый, зеленый, красный), в ракетах. Эти сигналы менялись каждый день, а порой и на дню – несколько раз. А немцы имели наши самолеты, захваченные в свое время на аэродромах, и зачастую использовали их в своих целях для разведки, и вот так неожиданно могли разбомбить какой-нибудь очень важный объект, к которому подобраться на своих самолетах было непросто. Вот в этих случаях, если шел самолет с сигналом «я свой», не соответствующий установленному, мы были обязаны стрелять по нему. Вот и бывали такие прецеденты, когда где-то что-то не сра-

батывало, и начинали бить по своему самолету, пока не получали несколько «теплых» слов по телефону или рации от вышестоящего начальства. Но кому-то за это дело холку мылили. Так вот я не буду утомлять читателей, но скажу, что в июле или августе батарея сбила еще один самолет, на этот раз «Хенкель 111». Он упал далеко. И уже с батареи никто не ездил смотреть, что с ним стало. Как видите: с закрытых позиций стрелять мне не пришлось, как и стрелять по танкам и боевым порядкам немецкой пехоты. Поэтому и нет в моих описаниях душещипательных очерков. Ну, что же поделаешь, такова, видимо, была моя планида. Как не выбирают себе родителей, так и судьбу. Но в той обстановке, в какой я находился, служил честно и своим горбом чего-то добился, и, как я уже говорил, был замечен.

Был бы армии, он завтра ж офицер. Неожиданный подарок

Лето кончалось. Вспомнить о нем, кроме дождей и комаров, было не чем. Вопрос о моем переводе в штаб дивизиона был практически решен. О политическом училище уже замолчали. Возможно, что надобность отпала. Но вот в последних числах августа, а, может быть, уже в начале сентября, в полк пришла разнарядка – отправить двух младших командиров на краткосрочные фронтовые офицерские курсы, готовившие командиров огневых взводов. Причем, как было сказано в этом предписании, после окончания этих курсов новоявленные офицеры должны были прибыть для прохождения дальнейшей службы в ту часть, откуда убыли. Вот жребий пал на меня и Гришу Перебейноса, моего первого наставника.

Таким образом, не хочу хвалиться, но авторитет в полку у меня был, ведь сержантов в части было не менее полутора-двух сотен. В общем, вызвали нас в штаб полка, дали напутствие и скомандовали собираться. И вот тут произошло интересное событие. Я нигде не говорил, что всем военнослужащим во время войны полагалось денежное довольствие. Учитывая инфляцию рубля во время войны, это довольствие было мизерным. Ясно, что у сержанта – командира орудия, так называемая «зарплата», была выше, чем у красноармейца. Девать их было некуда и, как граждане Советского Союза, мы подписывались на госзаем, и пере-

давали эти займы, даже не получив облигаций, в фонд обороны. Но появилась так называемая денежная лотерея, билет которой стоил десять рублей. Нас подписали на нее, и у меня оказалось два или три билета. И вот, когда я зашел в полковую финансовую часть, чтобы оформить денежный аттестат, полагавшийся при убытии, я увидел у начфина таблицу выигрышей этой лотереи. Проверив мои билеты, я был нежданно обрадован: по одному из моих билетов я выиграл тысячу рублей. Деньги по тем временам невеликие, но они мне очень пригодились, ведь мы ехали в тыл. Предписание нам предлагало прибыть в Москву.

Грустно, грустно расставаться

На батарее уже все знали, что мы отбываем. В нашем распоряжении были только вечер и ночь. Утром после завтрака нас должны были отвезти в Чудово, где мы планировали сесть на Ленинградский поезд и отбыть в столицу. Командир взвода построил наш огневой взвод, объявил мне благодарность за службу, то же самое сделал и комбат. Дал нам напутствие – успешно окончить учебу и вернуться в часть, после чего объявил приказ о назначении командиром орудия моего преемника Пугачева. Зашли в землянку комбата. Георгий Григорьевич достал бутылку спирта, рыбные консервы, печенье, масло из своего доппайка. Нам принесли ужин. Мы выпили, посидели. Комбат и Петр Степанович достали свои фотографии, какие у них были, и, подписав, подарили мне. Я пришел в свои апартаменты, за все время первый раз, не считая контузии. В землянке была только Катя. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, и о чем-то говорили и говорили. В общем-то, мы расставались всего на несколько месяцев, но кто его знает, что нас ожидает. Катя не дежурила, ее подменили. Наверное, мы забылись и уснули только часа на два, уже под утро. Позавтракали. Подошел «Доджик». Нас провожала вся батарея. С кем-то держались за руки, кому-то махали, а Петр Степанович обнял нас и расцеловал. Доджик тронулся, и мы еще продолжительное время видели машущих нам вслед ребят.

Начинался новый этап в моей жизни. Я снова ехал в Москву спустя полтора года. Но это был уже другой человек, не тот школьник, наивный мальчик, а уже кое-что узнавший в жизни, огрубевший от ее превратностей, муж. Я хотел сказать слово «зрелый», но, на-

верное, все-таки, это было бы слишком смело. Зрелость – это понятие, включающее в себя и самостоятельность. А к этому мы не были приучены. Армия регламентировала всю нашу жизнь и давала все, не оставляя места для этой самой самостоятельности.

На поезде мы снова ехали мимо тех станций и тех мест, где были наши огневые позиции: Вишера, Лыкошино, Бологое и другие. Кое-где стоят пушки, продолжая охранять те объекты, которые в свое время, и мы охраняли. На некоторых разрушенных станциях уже шли восстановительные работы. Военнопленные немцы, а, может быть, и заключенные, разбирали завалы.

И вот мы Москве, на знакомом уже нам Ленинградском вокзале и Комсомольской площади. Я не помню, где мы ночевали, но, видимо, на вокзале. А утром уже были там, где нам предписывалось быть и где нам дали новый адрес. Курсы младших лейтенантов дислоцировались в районе станции Костерево, – это по Горьковской железной дороге за Владимиром, а, может быть, и не доезжая до него, километров 130–140 от Москвы. В то время это была просто железнодорожная станция. День мы проболтались в Москве. Даже сфотографировались в какой-то моментальной фотографии (к сожалению, этой фотографии не осталось), и к вечеру уехали.

Вот и эта станция – Костерево (но почему-то раньше я ее называл Костырево). Ей предшествовала станция со смешным названием «Петушки». Вообще, надо сказать, что в нашем, в свое время огромном государстве, было много населенных пунктов со смешными названиями. Обратились к военному коменданту, назвав ему номер полевой почты нашей части, и нам растолковали, как ее найти. А это оказалось не столь просто: вокруг этой маленькой станции было напихано всяких военных частей, «как вшей на ашнике». И все это, в основном, было зарыто в землю, то есть были целые поселения в землянках. Здесь же находились и полигоны. Позднее мы частенько видели залпы «катюш». И сами стреляли из пушек.

Наконец-то, наша часть, находилась не в землянках. Мы сдали документы, и нас направили в землянку – казарму. Огромная землянка с двухъярусными нарами. Она была не вся зарыта в землю, как наши, но все-таки частично сидела в земле. Получили постельное белье, подушки и матрасные наволочки. Нам показали, где взять солому, чтобы

набить их. Мы сделали матрасы, сверху постелили чистое белье. Народ все время прибывал. Как правило, это все были люди в возрасте, старослужащие, довоенного призыва. Но вот уже и вечер, а с ним и отбой.

Что такое счастье?

Было непривычным снять брюки, гимнастерку и лечь на чистую простыню, мягкую подушку и закрыться простыней и одеялом. Полтора года я не знал такого блаженства. Не только речь идет о простыни, но элементарно о том, чтобы спать без брюк. И вот я лежу на соломенном матраце, он еще не обмялся и не выглядел горбом, на чистом белье, и тело мое было промыто в бане. Натянул на себя простынку, вытянулся, лежу и улыбаюсь. Как немного надо человеку до полного счастья. Да, я был счастлив! Счастлив от чистой постели, счастлив, что могу, не просыпаясь, проспать целых шесть часов, когда тебя никто не будит на дежурство или на пост. Счастлив, что нет тревог. Счастлив, что тебя сегодня не будут бомбить, и тебе не надо глохнуть от орудийных выстрелов и разрывов бомб. Я был безмерно счастлив в этот момент!

Солдатские харчи

Утром подъема не было, надо было только к 9.00 прийти в столовую, которая также располагалась в землянке. Завтрак нам не показался обильным, но мы были еще сыты своими харчами, которыми, отправляя нас, снабдил наш старшина.

Я описывал уже наше питание в действующей армии. И тогда говорил, что после третьей категории запасных полков, фронтовая норма – первая категория, которая существенно отличалась. Конечно, каких-то разносолов у нас не было, но это была здоровая солдатская пища: щи, суп гороховый, каша гречневая, овсяная, перловая, пшенная, просо. Конечно, манной и рисовой нас не баловали. Из мяса была, в основном, тушенка, в зимнее время имелось и мясо. В рацион входили: сало – шпиг, сало – лярд. Зимой хлеба полагалось 700 г, летом – 800 г на человека. Компотов не было, горячий чай был всегда и сахарок, который выдавался на пять или десять дней. Я не назвал еще картошку, которая шла в супы и на пюре, а жареной, конечно, не было. Летом

в наше меню добавляли свежую крапиву. Говорят, что до войны она входила в меню лучших ресторанов. Конечно, никаких фруктов мы не знали. А во время зимнего наступления, когда мы шли с наступающими войсками, нашему старшине удалось ухватить кое-что в качестве трофеев из немецких продовольственных складов. И это шло плюсом к тому, чем нас снабжали. Рыбы не было. Возможно потому, что ее некому было ловить. В общем, тех харчей, которые у нас были, нам хватало, но было примерно так, как в том солдатском анекдоте.

Проверяющий генерал приехал в часть, зашел в столовую и спрашивает солдатиков:

– Ну как, ребятушки, харчей хватает?

Солдаты в ответ, нашпигованные своими командирами:

– Хватает, даже остается.

– А куда остатки деваете?

– Доедаем, Ваше благородие.

Курсы и их контингент

Через пару дней собрался полный комплект наших курсов. Это было двести человек здоровых мужиков. Все имели те или иные сержантские звания, были старшины, то есть все унтер-офицеры. Как я уже говорил, многие из них служили еще до войны. Были и такие, которые попали в Армию из запаса, но таких как я, молодых пацанов, было всего трое. Большинство курсантов имели должность командиров орудий малого и среднего калибра, были и командиры отделений взводов управлений, а некоторые – старшины батарей. В общем, когда построили все курсы, то было на кого посмотреть.

Полковник, начальник курсов, рассказал нам, что курсы рассчитаны на два-три месяца. Учитывая то, что большинство курсантов имели большой опыт практической работы, знали материальную часть, задача курсов – теоретически их подковать, дать необходимые знания по артиллерии, тактике, уставам, политике и другим дисциплинам, которые должен знать или хотя бы о которых иметь понятие каждый офицер. Он предупредил, что времени крайне мало, чтобы впихнуть в наши, отвыкшие от творческого мышления, мозги двухгодичную программу артиллерийского училища.

И начались наши занятия. Нас разбили на несколько взводов, командирами которых были офицеры, а помкомвзводов назначили из нашей братии. Надо сказать, что образование у основной массы не превышало семи классов, но были ребята, окончившие десятилетку или учившиеся в техникумах. Ведь до войны, перед ее началом, было постановление брать на срочную службу всех, безо всяких отсрочек. И даже те, кто поступал в техникумы и институты, по достижении ими восемнадцатилетнего возраста, шли служить в кадры.

Как мне написала мама: в 1943 году был приказ Наркома просвещения РСФСР Потемкина В.П. о том, чтобы всем учащимся десятых классов, кто должен был окончить школу в 1943 году и, не доучившись, ушел в армию, выдать свидетельства о десятилетнем образовании. Пусть человек проучился хотя бы одну четверть. И вот такое Свидетельство, тогда не было аттестатов зрелости, маме на меня выдали. Так что я имел полное право говорить, что у меня образование – десять классов. Спасибо Потемкину. Тем, кто остался жив, этот документ очень пригодился.

Наши науки

И началась наша служба, как в училище. Подъем, по-моему, был в 6.00. Затем физзарядка, утренний осмотр, перед которым надо было почистить сапоги «для себя и для старшины». Для старшины – чтобы блестели носки, для себя – чтобы блестели задники. Перед осмотром необходимо было пришить чистый белый подворотничок, но чаще это делали вечером, и надо было побриться. Ребята вовсю скоблили свою щетину. А я, скажу вам по секрету, еще не брился, хотя, откровенно говоря, уже хотелось.

Затем шли на завтрак, после чего начинались занятия. На уроках артиллерии нас пичкали формулами, где были синусы и косинусы, тангенсы и котангенсы. Давались расчеты стрельбы, траектории. В общем, было много математики. Для многих – это, конечно, филькина грамота. Для меня эти расчеты не представляли совсем никакой трудности. Ведь математику, в пределах десятилетки, я знал и любил. На занятиях по тактике решали задачи на макетах местности, на картах, которые разрисовывали стрелами наступательных операций.

Были занятия и по топографии, когда «поднимали» карты. Учили все уставы: дисциплинарный, строевой, внутренней службы и другие. Проводились и политзанятия. На сколько помнится, это была История ВКП(б) и, конечно, современная внутренняя и международная обстановка. Занимались и строевой подготовкой. Были и занятия по материальной части. В общем, занимались мы до обеда.

Потом обед, и снова занятия. Вечером пару часов отводилось для самоподготовки. Надо было что-то посмотреть да почитать, ведь на другой день преподаватели – офицеры делали опрос, и неудобно было выглядеть чуркой с глазами. На самоподготовке ко мне часто обращались старослужащие, и я помогал им разобраться. У меня и конспекты были в порядке, успевал записать, хотя основные мысли нам, как школярам, диктовали. В связи с этим у меня сложились хорошие отношения со старшими ребятами. Они относились ко мне с уважением.

После ужина – час личного времени, который предполагался для написания писем и прочих дел. Но для писем я еще прихватывал время самоподготовки. Наконец, вечерняя поверка в 23.00. Вечерняя прогулка и отбой. Вот такой примерный режим нашей жизни.

Бытие определяет сознание, в котором или девочки, или каша

В перерывах между лекциями, в личное время, мы собирались кучками, чтобы покурить, тогда шел «треп» за жизнь. Рассказывались не только случаи из службы, боевой деятельности, но разговор шел и о женщинах. Народ-то вокруг был достаточно взрослый. И, конечно, в такой большой компании «жеребцов» всегда находились желающие потравить по женскому вопросу. Вообще-то надо сказать, что тема разговора о взаимоотношении полов у мужчин занимает меньшее места, чем у женщин. Так вот, эта тема занимала умы наших курсантов, наверное, дней десять, а потом она совершенно исчезла. И дело было все в том, что наша кормежка оказалась значительно более худшей, чем была в частях. Это не была третья категория запасных полков, но, может быть, чуть лучше ее, и покончив с привезенными запасами, здоровые мужики, привыкшие плотно покушать, за-

скучали. И, как говорят, «бытие определяет сознание», в связи с чем тема разговоров приняла направление о том, кто и когда что ел. О деликатесах, послушав, не могли сдержать слюнки. Особенно я помню байки одного курсанта-москвича, который до войны служил официантом в ресторанах гостиницы «Москва». К сожалению, не помню его фамилию, хотя его лицо и фигура у меня и сейчас перед глазами.

И начались рапорты на имя начальника курсов с просьбой отчислить и направить снова в часть. Сначала наш полковник отшивал челобитчиков поодиночке, а однажды выстроил курсы, показал кучу рапортов, публично их порвал, произнес воспитательную речь о том, что Родине нужны офицеры, и раз вы попали сюда, то не чирикайте, а тот, кто будет заниматься бумагомаранием, то есть писать рапорта, будет наказан. Это несколько умерило пыл.

Но, надо сказать, что некоторые подавали рапорта не только из-за харчей. Прослужив в армии лет 6–7 и досыта нахлебавшись всего, понимали, что, одев офицерские погоны, будут и дальше тянуть эту лямку, пока их не сменят молодые, образованные офицеры, окончившие нормальные военные училища. А война-то заканчивалась. Но все-таки несколько человек отчислили из-за успеваемости, не способных постичь и усвоить тот материал, который нам давали. Отчислили и Гришу Перебейнос. Трудно ему приходилось, хотя я и старался ему помочь. И, видимо, он по душам поговорил с полковником, что тяжело, да и уже седьмой год «ломал службу», он должен был демобилизоваться в 1941 году. Простились мы с ним, это был мой наставник. Больше с ним я не встречался. В наш ли полк он вернулся или попал в какую-то другую часть, я не знаю. Но ребята каламбурили, что Перебейнос уехал, а на горизонте появился Поришкура. Действительно, у нас появился преподаватель – капитан Поришкура. Это был не кадровый военный, до войны он служил на транспорте, и как-то даже нам показывал именные часы, подаренные ему Лазарем Кагановичем.

Второй фронт и обстановка на фронте

А война катилась под откос. Летом 1944 года, наконец-то, появился долгожданный второй фронт: войска США и Англии начали высадку своих войск в Северной Франции, в районе Дюнкерка. Спустя

тридцать лет я был в Дюнкерке, в его порту, куда поступала железная руда со всего мира для металлургии Франции, но съездить на побережье, где шла высадка десантов, к сожалению, не удалось. У нас было мало времени. Хотя союзные войска и высадились, все-таки решающим фронтом во второй мировой оставался советско-германский. Он отвлекал ¾ всех немецких дивизий. А как мы «несли» наших союзников в связи с тем, что они тянули с открытием второго фронта, откупаясь продуктами, техникой, жалея своих солдат толкнуть в мясорубку войны. С иронией мы называли вторым фронтом американскую тушенку и колбасу из металлических банок. Но все-таки надо отдать должное, что колбаса, сало-шпиг, тушенка, сало-лярд были вкусными, и без американских продуктов нам пришлось бы довольно туго. Без оружия мы бы обошлись, а вот без продуктов – не знаю.

Уже много лет спустя я слышал рассказ известного писателя Романа Кима о том, как была сохранена в тайне подготовка к высадке союзнического десанта. Дело в том, что в Англии был известный генерал, фамилию его не помню, который командовал десантными войсками. И за ним вела тщательное наблюдение немецкая разведка. О месте его пребывания докладывали лично Гитлеру. Немцы считали, что там, где этот генерал, там и ждите высадку союзнического десанта. А этому генералу было не чуждо ничего земное, и он любил в каком-либо кабачке пропустить рюмочку-другую виски.

А в Англии в одном из провинциальных театров был артист, как две капли воды похожий на генерала. И вот английская разведка в преддверии открытия второго фронта провернула следующую операцию. Взяли артиста, одели его в генеральскую форму и отправили куда-то на северное побережье Африки, выделив солидную сумму денег из казны на пропой. Артист пару месяцев не вылезал из алжирских кабаков, о чем регулярно сообщали Гитлеру. В это время шла деятельная подготовка к высадке десанта. И вот в июне союзники появились во Франции. И, когда об этом узнал Гитлер, то он не придал этому факту значения, посчитав, что это отвлекающая операция, и войска в первые дни высадки десанта не были направлены на Север Франции. Для того чтобы сохранить приказы в тайне и не тратить время на их шифровку и дешифровку, в войска внедрили индейцев какого-то племени. И приказы по

рациям передавались на языке этого племени. Это интересный факт, вспомнил его так, для разрядки.

А на советско-германском фронте наши войска одерживали победу за победой, перешагнув нашу довоенную границу, вошли в Польшу, Чехословакию, Венгрию. Все это привело к тому, что Румыния, Болгария и Венгрия были выведены из войны на стороне Германии и объявили ей войну. Из войны вышла Финляндия. Красная Армия при активной поддержке народных патриотических сил, кроме Польши, освободила значительную часть Чехословакии, восточную часть Югославии и Северную Норвегию. Благодаря успехам советских войск на Балканах, немецкие оккупанты вынуждены были покинуть Грецию и Албанию. Основной формой боевых действий советских войск стало окружение крупных группировок противника, так называемые котлы, и вспоминают о них по названиям тех городов, где они были осуществлены – Витебск, Минск, Вильнюс, Кишинев и другие. Таким образом, мы стали бить немцев их же оружием, их тактикой.

Курсантский доп.паек

Мы же яростно грызли гранит военной науки. Но вот какая была несправедливость: курсантам военных училищ и форма давалась соответствующая, и кормили их довольно прилично, пожалуй, не хуже, чем на фронте. Разве только муштры было поболее. У нас же формой являлось то, кто в чем приехал. Ну, а кормили, я уже сказал как. Даже анекдот между нами солдатский ходил. Встретились два полковника – начальник нормального училища и наш. Первый из них сетует нашему:

– Право, не знаю, что делать! Никакие запреты не помогают,

Перезнакомились мои курсанты с девчонками, так и шастают в самоволку, на какие только ухищрения не идут. Посоветуй, что делать? А как у тебя?

– Я своих коблов не держу. Сами не ходят. А чтобы и твои не бегали, посади их на нашу норму питания.

Но голь-то на выдумки хитра. Я уже говорил, что вокруг Костерево была уйма различных воинских частей и объектов, и каждая из них имела свое подсобное хозяйство, благо рабочая сила бесплатная. Сажали в основном картошку и капусту – главные

продукты питания военного времени. Была осень. Наши орлы разведали про неубранное капустное поле. И как только начинало смеркаться, забрав вещевые мешки, снаряжалась экспедиция за капустой. Иногда элементарно крали, вспомнив детство и «страду» в огородах. А то и договаривались с солдатами, которые охраняли поля, отсыпав им жменю махорки. Народ-то ушлый пошел, а солдатская находчивость в армии поощрялась. Возвращались с добычей, и в казарме такой хрум начинался. Представьте себе две сотни пастей с крепкими зубами, молотящими сей продукт. Представили? То-то! Это называлось у нас «Курсантский доппаек».

Был еще один источник получения такого доппайка. В наряды на кухню и для прочих дел нас старались не отвлекать, чтобы не пропускали занятий. Но дневальство по казарме и караул были. Последнее все-таки, наверное, основную цель преследовало, чтобы, как говорят, вернуть нас в «лоно церкви», то есть с учебной целью напомнить устав караульной службы. Ведь в частях на фронте не было никаких караульных начальников, разводящих, ритуалов разводов караулов. Да, были часовые, но все это было проще, по-домашнему. А здесь осуществлялось все по науке, и развод, и караульные помещения, карнач, разводящий. И если одна смена на посту, другая бодрствует в караульном помещении, а третья отдыхает. Так вот, заступив в караул, и после того, как только темнело, бодрствующая смена отправлялась на промысел. Тащили мешки с картошкой и капусту. И готовили все это в различных видах на печке караульного помещения в вареном, тушеном и печеном виде. А если еще удавалось у повара раздобыть сала-лярд, то вообще была у нас лафа. Между прочим, не гнушались зайти в караульное помещение и офицеры – дежурные по части и отведать печеной горячей картошки. Я уже говорил, что солдатская находчивость в военное время поощрялась.

Снова Чернышевские казармы

Начались холода, на улице уже заниматься было нельзя. А я не говорил о том, что часть классов у нас проходила прямо на воздухе под тентами. В жаркие дни там было неплохо, тень и малость продувает. В землянках же было прохладно, надо было топить.

По-видимому, наше командование обратилось к вышестоящему руководству с просьбой решить проблему, ведь в таких условиях заниматься нельзя. А наши курсы, не в пример другим, были не постоянно действующими, а единовременными. Потому-то нас и определили в такие условия, поэтому и норма питания была не курсантской. Возьмем постоянно действующие курсы «Выстрел» – Высшие офицерские курсы. Скажете, разве можно сравнивать, ну, какие-то другие? Там все уже было притерто, апробировано.

В общем, однажды нас построили и дали команду собираться, так как отправляли в Москву. Погрузив кое-какой инвентарь на пришедшие машины, мы на электричке приехали в Москву. И куда бы вы думали? В те же Чернышевские казармы, знакомые мне «Черныши», где начиналась моя служба со знакомого уже инцидента в бане.

Наверное, также как в 1943 году, эти казармы были под завязку забиты солдатами, в основном новобранцами, в армию на защиту Родины шли уже призывники 1926 года рождения. Как-то у меня на сей раз это не запечатлелось в памяти. Может быть, потому, что это уже не было в новинку. А серая солдатская масса примелькалась в любом виде. Казарма наша находилась отдельно. Но иногда сталкивались с молоденькими солдатиками в еще необмятых новеньких гимнастерках, и было забавно смотреть, как они становились «во фрунт» при нашем появлении, или проходили мимо, печатая строевой шаг, принимая нас за своих унтер-офицеров – шакалов из запасных полков. И сразу вспоминалось, что полтора года назад, а, может быть, больше и ты был таким же неопытным воякой.

Спустя почти пятьдесят – встреча с юностью

Я совершу, как на машине времени, экскурс в будущее. Вообще-то это интересно. Ведь, окунувшись в прошлое, которое стало для меня на какое-то время настоящим, я вдруг перескочил почти на полвека вперед. Как-то в семидесятых годах, приехав в очередную командировку в Москву и имея свободное время, меня что-то властно потянуло пройти по знакомым местам.

И первое, что я нашел это, конечно, Даниловский рынок. Он тогда еще не был таким, как сейчас, и вполне напомнил мне рынок

военного времени, ту «палочку-выручалочку» для меня. Я ведь говорил, что благодаря неожиданному выигрышу, был «при деньгах», и иногда позволял себе вырваться на этот рынок и купить 300–400 граммов хлеба. Добираться до рынка было далеко, и я боялся, ведь нижним чинам, да и офицерам, заходить на рынок запрещалось, и вполне можно было попасть в лапы патруля. Наверное, в 1989–1990 годах рынок реконструировали, подведя его под крышу. Ну, уж если, начав изложение этого кусочка своей службы, переплетая настоящее (прошлое) с будущим (настоящим), то надо сказать, что следующим знакомым местом была Даниловская площадь. Она, конечно, неузнаваемо изменилась, но универмаг остался тот же. Правда, тогда на фоне сравнительно невысоких строений, он казался большим. В него мы частенько забегали купить нехитрые солдатские вещички. Например, там я приобрел бритвенные принадлежности, чувствуя, что это вскоре мне пригодится. Шаболовская радиомачта, став телевизионной, по-прежнему торчит. Где-то вблизи, как и раньше, стоит страшное заведение – крематорий. Но не было ранее кинотеатра «Правда», метро «Тульская». Весь этот микрорайон застроился высокими домами, между которых затерялась фабрика «Гознак», доставлявшая нам столько хлопот, о которых я еще расскажу. Исчезла площадка нашей огневой позиции, которая находилась как раз напротив Гознака на площадке, расчищенной от руин какого-то взорванного бомбой здания. Вблизи от этой нашей позиции появился Даниловский Монастырь. Я пишу «появился», потому что он действительно как птица феникс возник из хлама и развалин.

И, наконец, Чернышевские казармы. С каким-то особым трепетом я подошел к ним. Из проходной то и дело выходили или входили офицеры. Я постоял какое-то время, но не вошел, постеснялся попроситься. Ведь надо было объяснять, и очень не хотелось, чтобы тебе отказали. Спустя несколько лет мимо проходной мы прошли с Женей, но опять я не осмелился войти на территорию казармы. И, наконец, в 1991 году, в День Победы, после посещения Парка культуры имени Горького, меня снова потянуло к этим казармам. Я был при всех регалиях. На этот раз я поднялся по ступенькам и зашел на проходную КПП (контрольно-пропускного пункта).

Откозырнув, меня спросил находящийся там прапорщик, что мне угодно? И тогда я рассказал, что во время войны дважды был в этих казармах. И сейчас хотел бы пройти по их территории. Прапор позвонил куда-то, наверное, дежурному по части, изложил мою просьбу. И мне разрешили зайти на территорию части, дав в сопровождение солдата гренадерского роста. С каким-то трепетом я переступил порог проходной, и мы оказались на плацу. Я кратко поведал сопровождавшему меня солдату, чем здесь много лет назад занимался и что было в те времена. Солдат в ответ рассказал, что сейчас здесь находятся казармы части, которая занимается охраной Министерства Обороны, Генерального Штаба и других подобных объектов. Вот почему он и попадавшиеся нам навстречу солдаты были гвардейского роста в ладном, подогнанном обмундировании и с повседневными пехотными погонами.

Мы шли медленно. Я вспоминал и мысленно представлял, что на этом плацу было почти пятьдесят лет тому назад. Но каким-то маленьким он мне сейчас показался, хотя, кажется, и не был чем-то особо застроен. Такова жизнь. Все то, что в детстве и в молодые годы кажется выдающимся, большим, грандиозным, через много лет приобретает другие очертания и уже не кажется таким, как ранее. Мы шли, встречавшиеся нам на пути солдаты с любопытством взирали на меня, провожая глазами мою «кавалерию», и козыряли нам. И казармы тоже показались какими-то маленькими, и я с удивлением вспоминал, что в 1943 году в них находилось несколько тысяч солдат. Завернули за угол, и у двери входа в казарму, с этой стороны, я увидел барельеф человека и лепные слова, что казармы названы по имени солдата Чернышева. Это было для меня новым, так как я не знал о существовании этого барельефа. Не думаю, что это было сделано после войны. Наверное, просто находясь в свое время в Чернышах, я никогда не подходил к этому подъезду. В руках у меня были цветы, кем-то подаренные в Парке культуры. Я взял и положил их на полочку барельефа. Мне кажется, что это было оценено положительно теми, кто находился поблизости, и думаю, что было уроком для командования части. Такой день, восхвалявший славу нашего оружия, доблесть русского солдата, а на полочке ни одного цветочка. Мы повернулись, и пошли обратно. В казарму

зайти я постеснялся, хотя думаю, что мне разрешили бы. Солдат проводил меня до проходной, пожали друг другу руки, я поблагодарил его, а он меня – за мой рассказ. Вот так состоялась моя встреча с юностью, вернувшая меня на 47 лет назад.

Современный адрес Чернышевских казарм – Большая Серпуховка, 35, метро «Тульская». Казармы находятся наискосок от Даниловского универмага и Даниловского рынка, на стороне Чернышей – Монетный двор, Банк.

Учимся

Наверное, хватит лирических отступлений, и вернемся к действительности тех лет. Дай Бог памяти, что же у нас было на сей раз, кровати или по-прежнему, нары? Наверное, все-таки последнее. Но мне помнится, что мы уже не набивали наволочки соломой, значит, у нас были матрацы. Ну, а к постельному белью уже привыкли, и это не вызывало того блаженства, что в первые дни курсов.

Занятия продолжались. Фамилию одного преподавателя я вспомнил и уже назвал вам – Поришкура. А вот других, кроме Вдовина, уже не помню. Это был, по-моему, капитан и преподавал нам он самый трудный предмет – теорию артиллерии, самую сложную науку для наших, отвыкших мыслить мозгов. Меня он гонял больше других или, видя мою слишком юную физиономию, хотел больше вложить, так как я понимал предмет и быстро схватывал то, что в нас пытались впихнуть. В общем, учился я неплохо. Опять скажете, что хвастаю, но от этого никуда не денешься. Был молодой, со свежей памятью, хорошими основами знаний, заложенные хорошими учителями в школе, и имел желание учиться, которое всю жизнь мне сопутствовало.

Был еще один интересный товарищ – бывший штабс-капитан царской армии, он учил нас топографии. Классы находились тут же в казарме. Однако огневая позиция батареи, как я уже говорил, располагалась напротив фабрики Гознак. На этой фабрике периодически сжигали бумагу, причем в большом количестве. То ли это были старые деньги, которые привозили сюда, а, может быть, и брак от печатного станка, но пепел летел из трубы и садился на пушки нашей батареи. И нам приходилось их драить. О тревогах москвичи уже

позабыли. На этой батарее никто не сидел, солдатских расчетов, закрепленных за пушками, не было, поэтому ухаживать за ними приходилось нам. Ну, это было уже не столь трудное дело. Стрелять – не стреляли, выезжать – не выезжали, разве что потопчемся возле нее, как петухи, и все. Но вот пепел этот портил нам настроение, он попадал на смазанные части и с трудом снимался. А для того, чтобы пушка смотрелась, мы протирали всю ее жидкой смазкой, даже покрашенные части, тогда она начинала блестеть, как новенькая.

Занятий по огневой было не столь много. Повторяю, что все-таки нас больше пичкали теоретически. Но отрабатывали команды за командира взвода, за комбата. Командирский голос, в основном, у всех был отработан. И все наши курсанты умели не только материться, но и подавать необходимые команды. Кстати, о мате. Видимо, порой он был необходим, как и бурлакам, тянувшим баржу, особенно, когда надо было вытаскивать, застрявшие пушку и машину. Как-то оно вроде бы сподручней получалось, чем это делать молча, и солдатики веселей шевелились и рвали пупки, когда вместо команды запустишь несколько трехэтажных соленых словечек. Но я терпеть не мог слушать пересыпанную матом обычную речь. Это сразу выдавало ограниченность и узость мозгов того, кто спускал этих «собак» с цепи. У меня солдаты без дела не ругались.

На огневую позицию ходили строем и, конечно, с песней, обычно взводом. Вообще-то приятно было посмотреть со стороны, так как шли не заморыши, не пацаны и, даже, не московские солдаты с гарнизона, а здоровые парни с хорошей строевой выправкой, с лычками на погонах, шли унтера и пели.

Строевая песня

Запевалой у нас был Мирошниченко, этот сержант с довоенных времен, прошел Одессу, Севастополь, был награжден орденом Отечественной войны 1 степени, еще первого образца (с красной муаровой колодочкой). Был он с немного кривоватыми ногами и отличным голосом. Вот он и начинал запевать. Я всегда ходил в первой шеренге, конечно, из-за своего роста, а он, хоть и был невысокого роста, так же шел впереди. Что же мы пели?

Конечно, в первую очередь, артиллерийские песни. Мне нравилась, например, такая, извините, если перевру малость слова.

«Мы помним бои Сталинграда, где наши снаряды рвались,
И где сыновья комсомола за счастье Отчизны дрались.
Родной народ на бой зовет, трубит поход горнист,
За Родину, за Сталина, вперед, артиллерист!
Мы любим нашу Родину, и в каждый час
Готовы с честью выполнить любой приказ.
Мы знаем: в артиллерии, в Советской артиллерии,
В могучей артиллерии немало нас.
Ударят орудия громом. Снаряды прорвут облака.
По первому зову Наркома пойдут в наступленье войска»

Или

«Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
Из сотен тысяч батарей, за слезы наших матерей,
За нашу Родину, огонь, огонь!»

Пели Москву майскую. Старшина запевал: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля…», – выводя дальше слова о Москве. И тридцать могучих глоток подхватывали, шагая в такт: «Кипучая, могучая, никем непобедимая, страна моя, Москва моя, ты – самая любимая!».

Пели про тачанку, и также мощно подхватывали припев, причем находились такие, кто подсвистывал в это время. В ходу была «Дальневосточная», припев которой как будто впечатывался в шаг:

«Стоим на страже,
Всегда, всегда,
Но, если скажет
Страна труда.
Прицелом точным
Врагу в упор!
Дальневосточная,
Даешь отпор!
Краснознаменная,
Смелее в бой!»

Или песня о Советской Армии. Она пелась не в темпе, шаг замедлялся и становился каким-то более твердым что ли, создавая впечатление чуть уставшей колонны, которая идет вперед и только вперед, и повернуть назад ее уже невозможно:

«Несокрушимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе, любимая, родная армия,
Шлет наша Родина песню – привет,
Шлет наша Родина песню – привет!»

И, конечно, пели украинские песни: «Распрягайте, хлопцы, коней, та лягайте спочивать…». Про «Галю, которую увезли с собой». Волочаевские дни. Да, и многие другие. Старослужащие знали много строевых песен. А строевая песня всегда была на вооружении в Русской армии. Ведь еще суворовские гренадеры пели:

«Полно горе горевать,
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять».

Но иногда пели и озорные солдатские песни:

«Соловей, соловей, пташечка!
Канареечка жалобно поет,
Раз поет, два поет, три поет,
На четвертый петь перестает».

Часто ввертывая такое! Были и другие, очень фривольного содержания. Ну, кажется, я опять распелся…

Обстановка в Москве и ночные бдения

Что и как мы учили, я уже рассказывал. Однако в Москве распорядок наших занятий и бытия в корне изменился. И, конечно, причиной всему была обстановка в Москве, город уже не испытывал не только бомбежек, но и налетов. И жители столицы не уходили на ночь спать в метро, хотя Москва по-прежнему усиленно охранялась. После войны мне попались на глаза такие цифры, характеризовавшие защитников московского неба в 1941 году. Немцам противопоставлялись 602 боевых самолета, 1044 зенитных орудия

среднего и малого калибра, 336 счетверенных пулеметных установок, 618 зенитных прожекторов, 124 аэростата заграждения. Думаю, что и в конце 1944 года количество огневых средств и самолетов не уменьшилось, даже если и не увеличилось, так как полностью возможность налетов не устранилась. Не исчезла еще и светомаскировка, и, по-прежнему был энергетический голод. Расход электроэнергии лимитировался, это и определяло наш распорядок.

Наши занятия продолжались до семнадцати-восемнадцати часов, то есть весь световой день. После чего мы укладывались спать и почивали до 22 часов, как раз самое время пика расхода электроэнергии. У нас в казарме горели только ночники. Проснувшись, мы ужинали и начинали заниматься. В основном, это была самоподготовка.

Конец 1944 года был насыщен крупными победами наших войск, и в период с 18 до 23 часов бывали дни, когда столица по несколько раз салютовала Русскому солдату за взятые города. И поэтому, проснувшись, мы спрашивали дневальных: «Сколько было салютов»?

Часто мы знали, что в этот вечер будут салюты, так как видели, как с огневых позиций на площадки провозили 85мм зенитные пушки. Очень часто мы эти салюты наблюдали или из двери Чернышей, или с крыши нашей казармы. Зрелище было захватывающим, для моих глаз еще непривычным. Но, глядя на это зрелище, сердце наполнялось гордостью за нас, Родину, за тех, кто врывался в эти города.

О салютах и фейерверках

9 мая в 10 часов вечера в парке у Борисовских прудов собралась толпа народа. В темнеющем небе под радостный визг детворы расцветают яркие грозди салюта Победы. Родина праздничной иллюминации – Федеральный научно-производственный центр НИИ прикладной химии в Сергиевом Посаде.

Фейерверк имеет долгую историю. Человечество с давних пор восторгается причудливыми фантазиями пиротехников. Не была исключением и царская Россия. Однако в стране победившего социализма эти чудеса очень долго не были востребованы. С 1917 до 1943 годов небо над Москвой не расцветало. И лишь решение лидера страны Иосифа Сталина – отметить очередную победу со-

ветских войск, возродило салюты и фейерверки. Всю ночь на 6 августа единственный в стране цех по изготовлению ракетниц Краснозаводского патронного завода готовил праздничные заряды для 105-миллиметровых гаубиц. А к концу 1945 года было создано первое законченное изделие – салют-патрон.

В 1957 году новую задачу перед химиками поставил Никита Хрущев. Ни много ни мало, но надо было удивить весь мир, собравшийся в Москву на фестиваль молодежи и студентов. Тем не менее – все получилось. Впервые к пороховым таблеткам подмосковные изобретатели добавили порошки металлов, обеспечившие более яркое и долгое свечение. Мир, достаточно искушенный в праздниках и фейерверках, ахнул. И таких открытий за время существования российской пиротехнической лаборатории (одной из двух на весь мир) было множество.

Сегодня коллектив НИИ прикладной химии, возглавляемый академиком трех академий (космонавтики, ракетно-артиллерийской и изучения проблем национальной безопасности) Николаем Михайловичем Вареных, успешно продолжает заниматься разработкой, производством и утилизацией пиротехнической продукции военного и гражданского назначения. Спектр применения пиротехники весьма широк – от детской игрушки до космического корабля, многие системы которого приводятся в управление Сергиево-Посадскими устройствами.

Изделия, созданные в научно-производственном центре, находят широкое применение в частях МЧС, на морском флоте и пользуются большим спросом у населения. Среди новых разработок – экологически чистая технология уничтожения биологических объектов, высокоэффективные озоносохраняющие генераторы пожаротушения, автономные пиротехнические средства резки и сварки металлов и уникальное бесствольное оружие самообороны, которое, по мнению специалистов, является самым эффективным средством защиты из созданных к настоящему времени. Производятся средства активации осадков и борьбы с градом – пиротехники готовят нам «погоду на заказ», охранные системы, средства для борьбы с терроризмом, оружие для самообороны и многое другое. Но одним из определяющих традиционных направлений работы института остается созда-

ние фейерверков и пиротехнических игрушек. Практически все высотные и парковые фейерверки, выпускаемые в России, разработаны учеными из Подмосковья. Среди них академики и члены-корреспонденты ряда российских и зарубежных академий, доктора и кандидаты наук. Более ста сотрудников удостоены званий лауреатов Государственных премий СССР в России, награждены правительственными наградами. Жива, жива еще наука в государстве российском. И уникальное предприятие, уже прославившее страну, еще не раз удивит мир результатами работы мастеров холодного огня.

Ну вот, опять отвлекся. И так мы, как совы, занимались всю ночь. И иногда получалось, как у Пушкина: «Стоя наешься, сидя наспишься». «Наешься», к сожалению, не получалось, а вот «сидя наспишься» – так этого сколько хочешь. Вы, наверное, уже поняли, что вся военная жизнь зарегламентирована уставами. И раз полагается по уставу вечерняя поверка или вечерняя прогулка, они должны быть. В пять часов мы выстраивались, и нас «проверяли», а потом, с сонными глазами, мы совершали «вечернюю» прогулку. И, как обычно при этом, полагалась песня. Как мы орали изо всех сил, проходя мимо офицерского общежития (там же жил и наш полковник), стараясь разбудить хоть кого-нибудь, чтобы раз и навсегда отменить эту несуразность. Вернувшись, ложились спать на пару часов. И так было каждый день.

Ночная Москва

Как и в Костерево, в Чернышах мы ходили в караул, но у нас был только один пост на нашей огневой позиции, хотя постов в Чернышевских казармах было много. Но здесь соблюдали все – каждую букву устава. Развод караула проходил торжественно, с оркестром. Караульное помещение было большое, да и народа там было порядочно. Пост наш был интересный, находился не на территории казармы, не у каких-то складов, а прямо в Москве, где размещались наши пушки. И вот этот пост позволял нам наблюдать жизнь Москвы на московских улицах. Оживленный вечером от снующего туда и сюда народа, город постепенно затихал. Шли люди со смены, их можно было определить по одежде, по усталой походке. Изредка пробегали парочки, порой это были «шерочка с машерочкой», ви-

димо, возвращались из театра или с последних сеансов кино. И, наконец, все затихало.

Где-то с двух часов ночи на пару часов город совсем замирал: ни машин, ни людей.

Но вот тишина нарушалась шумом машины, это проскочил хлебный фургон. Появлялись одиночные фигуры, спешащие на работу, старушки с котомками, идущие постоять в очереди. И, наконец, улицы наполнялись людьми и машинами. Уже была зима, порой шел снег. Но ночью город все еще погружался в темноту, хотя от свежевыпавшего снега становилось гораздо светлее.

Московские развлечения

Пару раз организованно в воскресенье, когда не было занятий, а чаще всего занимались мы без выходных, нас выводили в город. Помню: мы были в Театре Красной Армии, ныне Советской Армии. Какой спектакль мы смотрели, не помню. В другой раз мы были в Планетарии. Вот это я отчетливо помню: и звездное небо Планетария, и лекцию о небесных светилах, но, наверное, самым ярким впечатлением был показанный рассвет над Москвой. Когда небо постепенно светлело, звезды теряли свою яркость и появлялась узенькая полоска зари на горизонте, в свете которой отчетливо проявлялись контуры зданий, контуры Москвы. И это зрелище сопровождалось мелодией Мусоргского «Рассвет над Москвой». Мелодия все нарастала и затем, в минуту апофеоза, вспыхивало солнце. Больше я ни разу не был в Московском планетарии и не знаю, показывают или нет сейчас это зрелище? Планетарий долгие годы был закрыт на ремонт.

Кто хоть раз побывал в Большом планетарии на Садовом кольце, сохранил впечатление от его посещения на всю жизнь. Многие городские жители именно здесь в первый раз встречаются с настоящей красотой звездного неба. Наш планетарий был идеальным местом для знакомства с наукой о небе, с новыми результатами изучения необъятной Вселенной. Созданный в 1929 году по инициативе московских астрономов на муниципальные средства планетарий долгие годы был одним из лучших в Европе.

До начала 90-ых годов он оставался в числе крупнейших и наиболее уважаемых учреждений этого типа, хотя теперь на нашей планете таких «звездных театров» уже около трех тысяч. Однако с 1994 года Звездный зал планетария был закрыт для любознательных. Многолетняя судебная баталия за право собственности над этим учреждением, неопределенность его юридического статуса привели к тому, что вот уже семь лет Москва является едва ли не единственной столицей мира, которая не имеет действующего городского планетария.

Быть может, в новых экономических условиях такая «забава», как планетарий, попросту нежизнеспособна? Возможно, планетарий, оснащенный уникальной и поэтому очень дорогой техникой, уже не может быть доступным для каждого школьника? Что же происходит с московским планетарием? На первый взгляд, ничего плохого. Его собираются реконструировать. Казалось бы, можно порадоваться – скоро столица вновь получит современный научно-образовательный центр, способный привлечь к науке о небе миллионы людей. Хочется верить, что так оно и будет. Но пока что многое настораживает.

Пару раз с кем-то из ребят мы выходили в город. Были на Красной площади. Мавзолей уже был открыт, убраны мешки и маскировка. Неужели я ошибаюсь, меня уверяют, что Красная площадь в 1943–1944 годах была закрыта для прохода? Кто его знает, может быть, и действительно так. Столько раз был в Москве, и более поздние впечатления наложились на ранние. Но то, что был на Калининском в Военторге – это факт. И когда учился, и когда окончил учебу, надо было купить иголки, нитки, крючки, пуговицы, петлички, погоны и прочий солдатский припас.

Но одна из этих вылазок окончилась печально. Как я уже говорил, один из наших курсантов работал до войны в ресторане «Москва». Его иногда в субботу отпускали домой к семье. И как-то раз он пригласил меня и еще одного курсанта – старшину к себе в гости. И мы должны были приехать к нему в воскресенье часов в двенадцать. Подробно рассказав, как добраться: на метро, на трамвае, – предупредил, однако, что с большей гарантией это можно сделать на трамвае, так как меньше будет на пути патрулей.

С утра, начистившись и подшив свежие подворотнички, получив увольнительные, мы очутились за воротами казармы. Был легкий морозец и, не вняв предупреждению, мы сунулись в метро. Какая это была станция, точно не знаю. У входа стоял какой-то младший сержант. Он козырнул нам, но народу было много, мы торопились, и как-то не совсем по-уставному отмахнувшись, прошли мимо. И тут из-за колонны навстречу нам вывернули офицер и с ним два или три патрульных солдата. Для затравки офицер нам сделал замечание, почему мы не приветствуем равных по званию? Ответ был, конечно, стандартным: «Виноваты, не заметили, торопились!».

Да, отвыкли мы от такого казарменного чиноподчинения. Не то, что у нас было не принято отдавать «честь», как это ранее называлось. Конечно, мы приветствовали старших по званию и равных, но не доводили это до культа. Офицер проверил наши увольнительные, не смог придраться и к нашему внешнему виду. Но, отдав наши документы сержанту-патрульному, приказал доставить нас в районную комендатуру. Мы не пытались доказывать, что офицер не прав, памятуя, что «тот прав, у кого больше прав». Ведь он мог накрутить все и «пойди, докажи, что ты не верблюд», время-то было военное. И поплелись мы, как шавки на поводке, впереди шел сержант, а за ним – мы. А тот, сукин сын, офицеришка, остался в метро продолжать ловлю солдатиков, которые, как блохи, запрыгивали в метро с мороза.

Спустя годы, бывая в Москве зимой, я часто наблюдал такую же картину непоколебимых патрулей в метро и задержанных ими растерянных солдатиков. Так и хотелось им сказать: куда вы, дурачки, претесь, зачем в метро? Метода осталась та же. Но продолжу повествование.

Мы пришли к трамвайной остановке. Подошел трамвай, сержант указал нам, чтобы садились. Проехали несколько остановок, и вышли. Мы бы, конечно, могли накостылять этому сержанту, забрать наши Красноармейские книжки, увольнительные и скрыться, но пожалели парня. Засадили бы его из-за нас на губу. Пришли с ним в комендатуру. Набралось нас там, таких гавриков, человек двадцать. Появился старшина из комендантского взвода, раздал всем деревянные лопаты, и мы начали убирать от снега двор комендатуры. Работали четыре-пять часов. Затем во двор вышел полковник, возможно, что сам комендант.

Построил нас, объявил всем благодарность за службу, раздал документы и велел отправляться восвояси. Вот так находили себе дармовую рабочую силу коменданты, и не только Москвы, давая задание патрулям задержать необходимое для работы количество солдат. И это выполнялось, как в свое время выполнялись задания в КГБ.

День был испорчен, в гости идти было уже поздно, и мы отправились восвояси. Чтобы уж закончить рассказ о наших развлечениях, должен отметить, что нас ими не баловали, но кино в казарме несколько раз узкопленкой показывали.

Еще о письмах

Я уже рассказывал о письмах – этих красноармейских треугольниках, досмотренных и в значительной степени вымаранных военной цензурой. Между прочим, в восьмидесятых годах, чтобы отметить ветеранов войны Уралмеханобра, я предложил поздравления написать в виде Красноармейского треугольника, в котором было все – и добрые пожелания, и строчки, вымаранные черной тушью, и треугольный штамп вместо марки, на котором стояло «Красноармейское письмо» и, наконец, штамп, которого не могло миновать ни одно письмо – «проверено военной цензурой». Мне кажется, ветераны были довольны такому неординарному поздравлению.

Писем ждали все, даже те, кому неоткуда было их получать. И, когда появлялся на батарее почтальон, это был солдат из взвода управления или кто-то из тех, кто находился в тылах дивизиона или полка и прихватил с собой письма, его окружали тесным кольцом. А он, как Дед Мороз или фокусник, доставал из мешка эти треугольники и зачитывал адресата. И все присутствующие с завистью провожали это письмо, передаваемое счастливому получателю. И я помню, с какой затаенной ревностью следила Катя за теми письмами, которые получал я.

Но я уже говорил, что иногда письма приносили горе и безрадостные вести. Тяжелой жизнью жил тыл. На курсах я чаще писал письма – больше было времени. Я это делал иногда на самоподготовке. Ну, а раз больше пишешь, то ясна и реакция, ответная на это. Из дома писали, что живут они по сравнению с 1941–1942 годами лучше. Огород

сейчас находится у дома. Картошку собрали, и овощи кое-какие есть. Перепадает и американское, полученное по Ленд-Лизу (lend-lease). Вова летом работал в лесу на заготовке дров для школы. Мама писала, что гордится мной и тем, что я с честью исполняю свой воинский долг, одобряла мое вступление в партию. И я чувствовал ее радость в связи с тем, что я несколько месяцев буду в тылу, где не рвутся бомбы и не стреляют. Ведь я не писал домой о всех перипетиях моей жизни.

Писала мне и мой классный руководитель – Геня Давидовна Ящина, сообщала обо всех школьных новостях, о ребятах, на которых пришли родителям похоронки. Вот так она написала мне о Грише Михельсоне, который был убит в первые часы своего появления на передовой. Узнал и о других ребятах. Писала и Женя Руева. Девчонки уже окончили первый курс медицинского института. Прислала Женя свою фотографию, она повзрослела и похорошела.

Но, конечно, больше всех писем было от Миры. Она стала мне довольно часто писать. Сообщала о своих институтских новостях, о том, что они дежурят в госпиталях. Писала о театрах, ведь в Свердловске сконцентрировались прекрасные артистические силы из Москвы, Ленинграда и других мест. В письмах все больше и больше было лирики. А, приезжая на каникулы, Мира заходила к нам домой. А мама, сама выросшая без родителей, как-то прониклась к ней, да и информацию обо мне дополнительную получала. Ну, а Мира, также выросшая без материнской ласки и, чувствуя доброе отношение к себе, платила таким же отношением маме и Вовке. Останавливалась у нас дома на несколько дней, прежде чем уехать на 24-ый километр, где находился ее детский дом.

Писали и мои друзья.

Новый год 1945-ый и обстановка в стране

Наступил Новый 1945 год, он был радостным, так как все чувствовали, что война заканчивается. Боевые действия перешли с территории нашей страны за рубеж. Уже почти вся Прибалтика была освобождена от гитлеровцев. У немцев оставался небольшой кусок Латвии на севере. Литва практически уже вся находилась в наших руках. Была освобождена значительная часть Польши. Красная Ар-

мия вышла к Висле. И, прямо скажем, была недалеко от стен Варшавы. Были взяты: Будапешт, Бухарест, София, Белград. Вместе с советским народом окончания войны ждали и народы Европы. И просто приходится сейчас удивляться, как все сейчас подается в совершенно другом свете. Русских называют захватчиками и оккупантами, а ведь называли братьями и освободителями, со слезами на глазах и с цветами встречая входящих в населенные пункты и города русских солдат.

Военная экономика нашей страны превзошла экономику Германии и ее сателлитов. Резко увеличился выпуск всех видов вооружения, количество которого достигло баснословных цифр. Я приведу некоторые из них, конечно не по памяти, а пользуясь кое-какими прочитанными материалами. К началу 1945 года в Красной Армии находилось 15,5 тысяч самолетов, почти 13 тысяч танков и самоходных орудий. На фронтах войны было около 500 стрелковых и мотострелковых дивизий, 35 танковых и механизированных корпусов, 94 артиллерийско-минометных дивизий, 149 артиллерийско-минометных бригад, 155 авиадивизий. В вооруженных силах находилось 11,5 миллионов воинов. В действующей армии было 6,5 миллионов человек.

Вот такая обстановка складывалась к Новому году. Наверное, народ в тылу жил немного уже лучше, чем в первые годы войны. Во-первых, люди уже как-то приспособились, на предприятиях появились подсобные хозяйства, которые обеспечивали общепит. Те, кто ранее не брал в руки лопату, сажали картошку – второй хлеб. Даже не только в маленьких городишках, но и в больших, около домов раскапывались скверы и кусочки земли, и на них что-то высаживалось. В Москве появились коммерческие магазины и рестораны. Конечно, все там стоило баснословно дорого, но те, кто имел деньги, мог купить все. Бутылка водки, насколько мне помнится, стоила 330 рублей, французская булочка стоила 50 рублей. Офицерскому составу, который находился в Москве, вместе с полагающейся зарплатой выдавались талоны на 50% скидку в коммерческие заведения, то есть можно было отдать талон и вместо 50 рублей за булку заплатить 25 рублей.

Как не напрягаю свою память, но почему-то не могу вспомнить, где и как я встречал Новый 1945 год. Наверное, это происходило в казарме, а раз не запомнилось, то, значит, все прошло довольно буднично.

Учебные стрельбы

Наступил январь 1945-го. Приближалось окончание нашей учебы. Уже заговорили об экзаменах, которыми начали пугать нас преподаватели, видя, как постепенно снижается наше учебное рвение. Сразу же после Нового года мы всем курсом отправились в Костерево на учебные стрельбы. Приехали поздно вечером. Расположились в каком-то холодном помещении. И вот тогда-то я пожалел, что нет той экипировки, что была год назад – валенки, ватные брюки и полушубок. Утром отправились на полигон. В начале своего повествования о Костереве я уже говорил, что там был полигон, на котором проводили свои стрельбы артиллеристы, танкисты, самоходчики и гвардейские минометчики, те, кто имел дело с «Катюшами». Вот сейчас вспомнил, что, наверное, надо бы сказать, чем все закончилось у нас с Катюшей. Да, ничем. Как говорят: «с глаз долой, из сердца вон». Об этом мне рассказал, спустя уже много лет, мой однополчанин Новопашин, которого я встретил в Свердловске (если не забуду, то расскажу об этой встрече). Катя малость погрустила, а потом утешилась с моим преемником – младшим сержантом Пугачевым. Вот так и закончился мой первый солдатский роман.

Но вернемся на полигон. Пришли на огневую позицию, на которой в ровиках стояли 37 мм пушки, а где-то в поле были установлены деревянные макеты танка, машин, огневых точек. Отработав наводку по ним, нам разрешили выпустить десятка три снарядов. Стреляли одиночными, меняясь местами. Особенно никто не горел желанием пострелять. Пробили бронебойными снарядами несколько дырок в макетах, и на этом кончились наши стрельбы. Намерзлись, как бобики, и только в Москве отогрелись в казарме.

Мы – офицеры

В январе мы закончили свою учебу. Экзаменов, как таковых, не было. Формально поспрашивали нас. А, в общем-то, преподаватели знали, кто чего стоит. Мы – офицеры, пусть младшие, но офицеры. И это звание, которое ранее было больше ругательным, увязывающимся с золотопогонной белой гвардией, теперь уже прочно вошло

в наш лексикон и, не в пример теперешнему времени (я говорю о начале 90-ых годов) пользовалось большим уважением не только в армии, но и среди народа.

И вот поступила команда – получать обмундирование. Я помню, как в 1943-ем году я видел в эшелонах, отправляющихся на фронт, только что выпущенных из училища младших лейтенантов. В солдатском обмундировании, в обмотках и ботинках, с не успевшими еще отрасти волосами. И только офицерские погоны отличали их от солдат- новобранцев. Возможно, что в частях их постепенно одевали. И я думал, что, если мне предложат аналогичный гардероб, я откажусь и не отдам свои еще не старые сапоги и длинную кавалерийскую шинель, которая меня полностью устраивала и к тому же – нравилась мне. Но мы были удивлены и приятно обрадованы: по условиям военного времени нас отлично экипировали, выдав новое теплое байковое белье. Гимнастерка и брюки-галифе были из тонкой английской шерсти, сапоги новые, длинные зеленые английские шинели и очень неплохие цигейковые офицерские шапки, портупея с ремнем тоже новенькая – хрустящая и блестящая, погоны, петлички полевые и золотые повседневные. Наверное, нам дали два или три часа, чтобы привести себя в порядок. Что-то ушивали, пришивали, подгоняли под свои фигуры. Плечи и грудь у меня были достаточно широкими, поэтому гимнастерка и шинель сидели на мне ладно. Но вот шея, если обратиться к украинскому лексикону, была «как бычьий хвист». И в том вороте болталась, как в хомуте. Но, в общем, я все подогнал.

Когда явились на общее построение, то ребят было не узнать. Конечно, их крупным фигурам и мужественным лицам шло это офицерское обмундирование, портупеи, золото погон, одна звездочка на них выглядела случайной (две, три смотрелись бы лучше). Ну, а я казался очень юным для этой формы. Сержантские погоны больше подходили моему возрасту. Но, что там говорить, мне нравилось.

Нас построили. Я впервые видел сразу столько офицеров. Появился какой-то генерал. Наш полковник доложил, что курсы построены для производства в офицерское звание. Зачитали приказ, в котором поименно перечислили всех, о присвоении званий младших лейтенантов. Выступил генерал, поздравил всех с этим событием, пожелал успехов в дальнейшей службе, сказал, что некото-

рым из нас предстоит служба за рубежом, рассказал о ее сложности и необходимости высоко держать марку советского офицера. И мне помнится, что он обратил внимание на женщин-иностранок, предостерегая о связях с ними, особенно уповал на коварство полек и побежденных, но не разоружившихся, немках.

Мы сдали наши Красноармейские книжки и получили офицерские удостоверения личности, которые отныне являлись нашими паспортами, нашими основными документами. Одновременно получили наше первое офицерское денежное довольствие. В те времена офицерам платили только за занимаемую должность. А за звание не платили. В гвардейских частях зарплата была выше, как в действующей армии. Значительно больше платили тем, кто находился за рубежом. Ну, на этом я еще остановлюсь. Пока что мы получили зарплату как Ваньки взводные, рублей пятьсот – это крохи, если посмотреть на коммерческие цены. А так как мы находились в Москве, то нам вручили и талоны на 50% скидки в коммерческих магазинах и ресторанах, о чем я уже упоминал.

Выпускной банкет

Пришла пора расставаться. Мы сдружились за эти три месяца. Я не очень быстро схожусь с людьми, но коллектив меня не отталкивает от себя. Обычно бывает, когда встречается большая группа людей, образуются группы, которые объединяет что-то общее. Так и на курсах получилось, что образовалось несколько групп, которые собирались в перерывах, в свободное время покурить, потравить, и я примыкал к одной из них. И чем-то наша компания отличалась от других, хотя мы все были на равных. И как-то само собой получилось, что мы захотели отметить наше содружество. Ведь мы уже были предоставлены сами себе. Над нами уже не было курсантского начальства. И мы могли приходить и уходить из казармы, когда хотели, и вот-вот должны были разлететься кто куда.

Кто-то предложил абонировать ресторан Белорусского вокзала. И вот наша компания в пятнадцать человек, как новые гривенники, двинула туда. Мы пригласили с собой кого-то из преподавателей и командира нашего взвода. Вот и площадь Белорусского вокзала, и сам вокзал. Я был впервые в этом уголке Москвы. Мы завали-

лись в ресторан. Все было впервые: и ресторан, и предупредительность швейцара, снимавшего шинель, и то, что за это надо было дать «на чай». Ресторан в то время имел общий зал и отдельные кабинки, стоявшие по нескольку в ряд. Я не знаю, может быть, у нас был сделан заранее заказ, но мы заняли одну из таких кабинок. Там стоял длинный стол, составленный из нескольких. Но мы все уместились, хотя нас собралось порядка двадцати человек. Были белые скатерти, приборы, пользоваться которыми мы совершенно отвыкли, а, может, даже и не умели. Все было необычно: и официантки, и праздничный настрой, создаваемый интерьером ресторана, ярким светом, белизной скатертей. Что мы заказывали, не помню. Конечно, водка, пиво и белые булки – все это врезалось в память. Но, наверное, этим не ограничились, чем-то ведь выпивку закусывали, если пустили в расход все свои лимитные карточки, таким образом, от первой зарплаты осталось одно воспоминание. Впервые я был настолько пьян, что абсолютно ничего не помню.

Очнулся я утром в нашей казарме, где лежал на нарах, одетый и укрытый шинелью. Как мы выходили из ресторана, как меня доставили в казарму ребята – этого я совсем не помню. Сколько мы выпили, я не знаю, но предполагаю, что много. Хотя мне достаточно было и совсем немного, потому что я никогда столько не пил, мой потолок не превышал 200–250 г, а потом мой организм был значительно ослаблен нашими курсантскими харчами.

Получили назначения и проездные документы. Наверное, помните, что мы должны были вернуться в части, направившие нас на учебу. Вот и мне вручили документы и направление до Вильнюса, где предположительно должен был находиться мой полк.

Снова в путь

Сборы были недолгими: кинул смену белья, полотенце да пару чистых портянок в вещмешок или, как его еще в те времена называли, «сидор». Туда же – котелок с крышкой довоенного образца, который я привез еще с батареи, вещь крайне необходимая и незаменимая. Сварить ли чего, принести воды, кипяток и где-то что-то ухватить, где дают. Но, в общем, что-то набралось. Конспекты, которые не выбросил и считал, что мне они могут пригодиться для занятий с солдатами, несколько

уставов. Но у меня еще был небольшой чемоданчик, который подобрал где-то среди разрушенных домов. И еще забыл сказать, что после окончания нам выдали полевые сумки. Конечно, это было не кожаное довоенное изделие, а пошитое из какого-то заменителя, но формой и размером соответствующее тем довоенным офицерским сумкам. Надо сказать, что вещь эта крайне необходимая, и находилась всегда при мне, ведь все по карманам не распихаешь. А в полевую сумку можно было много кое-чего положить. Да, что там говорить, после войны все годы учебы эта сумка была со мной, и в ней находились: карандаши, ручки, учебники и конспекты нашей «гоп.компании». И называли мы уже эту сумку не полевой, а «зе бег» (the beg). Ну, а отправляясь в путь, я собрал в нее все самое необходимое, что могло пригодиться в дороге. И одним из таких предметов, конечно, была ложка. Офицеру уже было неудобно этот «подающий механизм» таскать за голенищем сапога. Была у меня и небольшая финочка с наборной из плексиглаза рукояткой, которую мне презентовал наш орудийный мастер батареи Шикалин.

Еду в Вильнюс

Распрощался с ребятами. Мы все разъезжались в разные стороны. Почему-то у меня попутчиков не оказалось. С какого вокзала я уезжал, не помню. Но это могло быть с Белорусского, через Минск, или с Рижского, а, возможно, что и с Ленинградского вокзала. Билет, помнится, не покупал, хотя какие-то проездные документы у меня были.

Вот и вокзал. Поезд пассажирский. Но народ в основном военный. Штурмующий вагоны. Я в вагон попал далеко не первым. Это был обычный старый общий или плацкартный вагон. Места уже все заняты, и даже вторые и третьи полки тоже. Мне удается протолкнуться в середину вагона, в купе, где сидела группа летчиков: полковник, майор, капитан, лейтенант и сержант, – и я расположился рядом с ними. Вагон все наполнялся и наполнялся, и люди уже стояли в проходах.

Был вечер. Поезд тронулся. Я уже описывал взаимоотношения и субординацию у летчиков. Вот здесь как раз и наблюдал эту картину воочию, когда полковник называл своих коллег по имени, в том числе и сержанта. А они его величали «Иваном Ивановичем». Летчики все вместе садились за трапезу и пропускали по 100 г. То есть я

хотел подтвердить, что взаимоотношения в этих родах войск были совершенно другими, чем в пехоте и других сухопутных частях.

Приближалась ночь. Люди, отхватившие себе верхние полки, поудобнее устраивались на ночлег, на нижних полках это было сделать сложнее, но летчики как-то улеглись. А я сидел с края, и мой удел был – храпануть, только сидя. И тут мне пришла мысль, что если заняты все три этажа, то «подвал-то» свободен, место под первой полкой, на которой мы сидели. Вагоны-то были другие, не те, что сейчас, когда нижняя полка опирается на ящик или, как говорят на морском диалекте, рундук. А в старых вагонах полка опиралась на ножки. И взяв пару газет, я пополз под полку, сопровождаемый шутками, смехом, предложениями. Подложив мешок под голову, завернувшись в шинель, я таким образом уснул. Можно было вытянуть ноги, устроиться поудобнее, и было не столь жарко. Поезд шел, где-то останавливался, и тогда я чувствовал волну холодного воздуха. Но, в общем, было терпимо. Если, как я уже рассказывал, мне приходилось спать и на дровах, и в телячьих вагонах, то здесь был просто плацкарт.

Утром, проснувшись, я вылез, а люди, простоявшие всю ночь на ногах в проходах, уже не встретили меня смехом, а поглядывали с завистью. Оказывается, моему примеру последовал кое-кто еще, потому что я видел вылезавших из-под лавок. А поезд шел по территории, где еще недавно шли бои. И их следы были повсюду. Однако взгляд на этом уже не останавливался, как это было в 1943 году, когда мы ехали по Октябрьской дороге к Ленинграду. Летчики беспрерывно рассказывали анекдоты. И хохот с нашего купе был слышен на весь вагон. Какой-то промежуток времени была даже определена тематика рассказываемых анекдотов – «Поезд идет», то есть надо было рассказывать анекдоты, связанные только с транспортом, с путешествиями. И скоро в этот треп втянулись и все другие люди, находящиеся в этом купе. В Вильнюс приехали утром, наше путешествие продолжалось около полутора суток.

В Вильнюсе.
Что лучше 1-ый или 3-ий Белорусский?

Вильнюс встретил вокзалом с разбитыми стеклами окон. Стекол не было и в близлежащих около станции домах. Дело в том, как

нам рассказали, что где-то несколько дней тому назад в Вильнюсе, в результате диверсии, был взорван эшелон с боеприпасами. Я разыскал штаб соединения. Мой 553-ий полк был где-то в Восточной Пруссии, куда только что вошли с боями наши войска. Полк находился в движении, найти его было совсем не просто, и мне сказали, что в моем полку обойдутся и без меня, а мне надлежит направиться в распоряжение Первого Белорусского фронта, в одно из его соединений, которое ориентировочно должно было базироваться в Праге – предместье Варшавы или в Варшаве, которую только что освободили войска 1-го Белорусского фронта. Конечно, если бы я стал настаивать, что хочу в свою родную часть, в которой начал служить с момента ее образования, то, наверное, мог бы добиться, чтобы меня отправили именно туда. Но я все взвесил. То, что меня знали в полку, имело как положительные, так и отрицательные стороны. Положительные – это то, что знали, а отрицательной стороной было то, что меня могли посадить на комсомольскую работу, куда, как известно, меня и прочили. Но политическая карьера, откровенно говоря, меня не устраивала. И одной из причин были нюансы моей биографии. А, кроме того, мне казалось, что боевой офицер котировался выше политического. Я даже на курсах постарался сдать свой комсомольский билет, хотя знал, что это не помешало бы снова кинуть меня на комсомольскую работу. Мне больше импонировало быть на батарее, хотя там и было беспокойнее, труднее и ответственнее.

Я вышел в коридор, и тут ко мне подошли два офицера – старший и младший лейтенанты. Они сказали, что слышали о моем предписании отбыть к Варшаве, и что они следуют туда же. Мы познакомились и договорились ехать все вместе.

Первый белорусский фронт

Первый Белорусский фронт образован решением Ставки ВГК 17.02.1944г. Фронт осуществил ряд операций: освободил Минск, Брест, Сеулец, Люблин. Войска вышли на реку Висла. Данный фронт провел Люблин–Брестскую операцию. В августе-декабре 1944 года вел активные действия по расширению плацдарма на реке Висла.

В январе-феврале 1945 года 1-ый Белорусский фронт провел Варшавско-Познаньскую операцию, в ходе которой были освобождены города Польши и взята Варшава.

Вот в этот момент я и попал на 1-ый Белорусский фронт. С ноября 1944 года и по июнь 1945 года Фронтом командовал Георгий Константинович Жуков.

Мои случайные попутчики

Мои попутчики, как оказалось, были в госпитале. Старший лейтенант – летчик, даже помню его фамилию, самая русская была – Иванов. А младший лейтенант – пехотинец. Они лежали в одной палате, там и познакомились. Летчик знал, что его часть должна была базироваться где-то в Литве или в районе 3-го Белорусского фронта. И вот после госпиталя они и рванули в Литву. В Литве летчик часть свою не обнаружил, и они заехали в Восточную Пруссию. В Восточной Пруссии, в тех приграничных областях, которые только что были освобождены, также не оказалось этой летной части. И они вернулись в Вильнюс. Но предварительно вместе с воинскими частями проехали несколько немецких населенных пунктов. И вот, что они мне поведали. Деревни оказались брошенные немцами. Прусаки, боясь возмездия русских, уходили из деревень, бросая свои дома и скот. Мои будущие попутчики заходили в эти брошенные дома и, конечно, могли бы прихватить с собой сколько угодно всяких вещей и «тряпья». Ведь известно, что прусаки жили даже очень неплохо. Но зачем солдатам «тряпье», когда не знаешь, сколько еще надо топать, чтобы найти свое пристанище, и поступили, наверное, благоразумно, набив полный чемодан салом, колбасами, окороками из подвалов немецких бауэров. А, приехав в Вильнюс, старший лейтенант узнал, что оказывается его часть базируется на 1-ом Белорусском фронте. Вот и вся их одиссея, и тот факт, почему мы оказались вместе.

Еще два слова о Вильнюсе

Мы прошли по улицам Вильнюса, когда-то он назывался Вильно, это старейший прибалтийский город, когда-то он был столицей

Литовского княжества. Но после гражданской войны Вильнюс присоединили к Польше и, видимо, поляки настолько возлюбили этот город, что похоронили диктатора Польши Пилсудского в Варшаве, а сердце его – в Вильнюсе. Эту историю нам рассказали. Я впервые видел средневековый город с высокими готическими крышами, маленькими узенькими улочками, костелы. Город практически был не разрушен, война его пощадила, как и всю Прибалтику.

Вперед на Варшаву

Пришли на вокзал. Наш поезд должен был отправляться часов в пять вечера. И нам предстояло доехать 160км до Гродно, откуда рукой подать до границы с Польшей. Затем наш путь проходил по землям Речи-Посполитой (Rzeczpospolita) через Белосток и другие польские города. Всего от Вильнюса до Варшавы было где-то 400 км. В то время, как от Москвы до Вильнюса было порядка 1000 км и, как я уже говорил, ехали мы полутора суток.

Поезд тронулся. На вокзале в продпункте по аттестату я получил хлеб, сало-шпик, какие-то концентраты и сахар, и когда поехали, то предложил перекусить, выложив свои запасы. Я ведь не знал, чем обладали мои попутчики. И когда они раскрыли свой волшебный чемодан, у меня чуть глаза на лоб не вылезли. Наверное, я никогда в жизни не видел такого изобилия, таких красивых продуктов. Это был просто натюрморт. Лежали толстые куски сала, палки колбас, ломти окороков. Одуряющий аромат шел от этого богатства. Ребята улыбнулись и сказали, что с моими харчами протянешь ноги, поэтому они берут меня на довольствие. Вот так скрепился наш союз. Характеризуя своих попутчиков, я забыл сказать, что при нашем общении мы много узнали друге о друге, и в своем рассказе о себе старший лейтенант Иванов оговорился, что его представляли к званию Героя, но что-то не сработало. И вот весной, еще шла война, в списке Героев Советского Союза, напечатанных в газете, я встретил фамилию летчика Иванова, но я забыл его имя, и не мог утверждать, что это был он, мой попутчик.

После двухчасового нашего путешествия поезд остановился на какой-то маленькой станции, и нас предупредили, что поезд дальше

не пойдет. Мы вышли и пошли к военному коменданту. Такое начальство имелось на всех станциях, но не на полустанках. И он нам сказал, что впереди пути были разбомблены, и до утра, пока их не восстановят, поезда не пойдут. Он посоветовал нам пойти в деревню, которая находилась рядом со станцией, найти там солтуса – старосту, и он должен нас устроит на ночь на постой. А утром надо зайти к нему, и он нас устроит на первый поезд, отправляющийся с этой станции.

Было уже поздно, немного светились редкие огоньки на станции. И стоило только отойти от вокзала, как мы погрузились в кромешную тьму. Но дорога привела нас к деревеньке. Постучавшись в первую избу, мы спросили, где живет солтус. Нас не поняли, и только слово «солтус» открыло двери. Нам что-то объясняли, но теперь уже мы ничего не понимали, и только указующий перст все разъяснил. Зашли в дом солдата. Он говорил по-русски. Мы объяснили, что нас направил к нему комендант на одну ночь. Солтус предложил переночевать у него и рассказал, что обстановка вокруг не очень благоприятная, что в деревнях хозяйничают банды националистов, но в населенных пунктах, расположенных вблизи железнодорожных станций, они появляться побаиваются. Достала хозяйка из печи вареную картошку, которую мы уже давно не пробовали. Мы достали сало, и тогда хозяин расщедрился, и на столе появилась бутылка самогона. Поужинав, расположились на полу, в этой же комнате. Хозяйка предоставила нам какие-то подстилочки и что-то под голову. Намотавшись за день, мы сразу же уснули. А рано утром, погрев брюхо горячим чайком, отправились на станцию.

Днем дорога снова заработала. Комендант посадил нас в первый эшелон, уходящий с этой станции, и началось: доехав до следующей станции, мы узнавали, какой состав идет первым, и пересели на него. Пассажирские поезда, по-моему, не ходили. И мы ехали на военных эшелонах, на тормозных площадках наливных составов, которые старались вытолкнуть в первую очередь со станции. Ехали в санитарном поезде, который шел за ранеными, а, балагуря с девчонками-санитарками, можно было ехать долго и очень долго, но, к сожалению, где-то он встал на прикол.

На какой-то станции нам сказали, что немцы разбомбили какой-то эшелон вблизи этой станции, и, наверное, движение остано-

вится на сутки-двое, а со станции, которая находится в восьми-десяти километров, поезда идут. И мы решили идти пешком до этой станции. Набралась нас компания человек в десять, таких же путешественников, жаждущих скорее попасть в свои части. Конечно, одни мы не рискнули бы идти, зная обстановку. Ведь у нас, кроме моей финки и ножа–косаря у моих партнеров, взятого в какой-то немецкой кухне, никакого оружия не было. А тут к нам примкнули офицеры и солдаты с пистолетами и автоматами. И мы двинулись по шпалам, нам приходилось тащить, хотя малость и полегчавший наш гастроном, поэтому, пройдя три километра, взяв все самое необходимое из своего чемоданчика и переложив в свой вещевой мешок, я закинул его в кусты.

Добрались до места, и снова мы на чем-то поехали. Я сейчас даже не берусь сосчитать, сколько мы поменяли составов. Подъезжая к большим станциям, на вокзалах было непривычно слышать польскую речь, но некоторые слова мы понимали, из рекламирующих свою продукцию польских купцов: «Лимонада зимний! Као гаранций! Запалки! Папиросы махорковый! Бимбер панове!» («Лимонад холодный! Кофе горячий! Спички! Папиросы из махорки (крепкие)! Самогон, господа!). И все это многократно скандировалось. Валюта принималась всякая, кроме немецкой, а злотый равнялся рублю. И вот за сорок пять лет как далеко он от него ушел, в сотни раз превысив тот номинал. И обидевшись, наш полновесный рубль, стоивший даже дороже доллара, пустился вскачь, надеясь догнать злотый. Не исключено, что догонит. Мы, конечно, ничего не покупали. Злотых у нас не было, да и наших денег тоже. А покушать было что, на продпунктах получали по продаттестатам хлеб или сухари, а иногда удавалось перехватить что-то и горяченькое. Кипяток же был везде, недаром среди иностранцев ходил анекдот: «Спрашивает иностранец у русского: скажите, почему у вас все станции называются Кипяток!». Я уже рассказывал, что тот, кто рассказывает повторно анекдот, тому – прокол. И, действительно, кипяток был на всех маломальских станциях, а реклама его порой была больше названия самой станции. Вот так мы и ехали, вернее, как черепаха, ползли от станции к станции.

Начиная этот очерк, я недаром обратил ваше внимание на расстояние от Вильнюса до Варшавы, не превышающее 400 км. Так вот,

мы покрыли его за десять-двенадцать дней, а, может быть, и за две недели. Уже точно не помню. И пришел конец нашему пути.

И снова расставание

Не доезжая до Варшавы, мы где-то вылезли, доехав до предместья Варшавы-Праги на каких-то военных машинах и расстались. Дальше наши пути разошлись. Жаль было расставаться. Но с какими бы людьми меня сводили и разводили военные дороги, сколько родственных и близких душ прошли мимо и не оставили следа. Вот так и с этими ребятами разбежались, чтобы больше не встретиться. Я был благодарен им за то, что не только подкормили меня в пути, но еще подкинули мне кое-что из своего «гастронома».

Обстановка в Польше

Наверное, надо немного сказать о Варшаве, два слова об истории и о той Варшаве, которая предстала перед моими глазами. Варшава – это столица Польши, в XV–XVI веках – столица Мазовецкого княжества, а затем – Королевства Польского. Транспортный узел, порт на реке Висла. Польское королевство в начале X1X века отошло к России и входило в состав Российской империи вплоть до 1918 года, когда Польша стала самостоятельным государством. В сентябре 1939 года немецкие войска вошли в Польшу и в Варшаву, а восточные районы Польши (Западная Украина, Западная Белоруссия) отошли к Советскому Союзу. Польское правительство бежало в Англию, и во время войны фигурировало под названием Лондонского правительства. А, когда наши войска зашли на территорию Польши, в июле 1944 года, был создан Комитет национального освобождения, который и начал осуществлять все функции государственной власти на освобожденной территории. Таким образом, фактически в Польше оказалось два правительства. Одно, находящееся в Лондоне, проанглийское, а другое двигалось с нашей армией – до освобождения Варшавы, местом своей дислокации избрало Люблин. И его, в целях сокращения, может быть, неофициально, назвали Люблинское правительство. Ясно, что оно было

просоветское. В период немецкой оккупации освободительное движение, развернувшееся в Польше, пошло по двум путям. Польская рабочая партия, преемница ранее существовавшей Коммунистической партии Польши, создала так называемую Гвардию (армию) Людовую. А усилиями Лондонского правительства была создана Армия Крайова (АК). В состав ее входили военнослужащие польской армии, которые избежали плена немцами и Союза, обеспеченные люди. В Армии Людовой было больше трудящегося населения. Я подробно рассказываю об этом, так как все это сыграло определенную роль в жизни Польши и тех, кто там был во время войны и в первые годы после окончания Отечественной войны.

Сейчас в Роскомархиве заговорила «особая папка» с документами о Варшавском восстании. Среди них – докладная записка начальника Главного политического управления Красной Армии генерал-полковника Щербакова на имя И.В. Сталина: «При сем направляю информацию о положении в Варшаве и Праге, полученную от члена Военного Совета 1-го Белорусского фронта товарища Телегина». «Важно» – помечено в верхнем левом углу. Дата стоит – 5 октября 1944 года. А вот и само донесение: «Наш офицер «Олег», находившийся в Варшаве, рассказывает следующее: «Восстание планировалось и готовилось долгое время. Из Англии доставлялись боеприпасы и вооружение, которые располагались в тайных складах. Руководящая роль принадлежала Армии Крайовой, остальные организации, в том числе и демократические, не были в курсе».

По показаниям лиц, вышедших из Варшавы, подтверждается, что восстанием руководили специально присланные из Лондона представители эмигрантского правительства, в том числе несколько министров, находившихся в Польше. Из Лондона специально прибыл заместитель премьер-министра Миколайчика (фамилию его установить не удалось). В качестве официального руководителя восстания выступал генерал Бур. Когда определилась неудача восстания, руководство Армии Крайовой начало уходить в подполье, создавая тайные склады оружия и оформляя подпольные организации. В частности, была вновь создана подпольная организация Армии Крайовой под названием «Польский корпус безопасности» (ПКБ), перед которой была поставлена задача – в случае занятия Красной Армией

и Войском Польским Варшавы – проводить террор в отношении офицерского состава польской армии и национального комитета.

«ПКБ» проводил облавы на русских военнопленных, бежавших от немцев, стремясь захватить заложников для последующего обмена с Красной Армией. Вырезано или расстреляно было украинское население, оставшееся в городе, а также – остатки евреев, которых не успели уничтожить немцы. Представители Армии Крайовой пытались расстрелять находившегося у них майора Волкова, причем один офицер заявил: «Вы нас расстреливали в Катыни, теперь мы вас будем расстреливать». О том, что стоило получить сведения, сплавленные в емкие строки донесения, может рассказать только сам «Олег». Тогда, выбросившись ночью на парашюте, Колос упал на развалины дома. Повстанцы нашли его – израненного, контуженного, но живого. Радист же, Дмитрий Стенько, трагически погиб при высадке, запутавшись в стропах парашюта, он упал на оголенные прутья балкона.

Десять дней находился в Варшаве советский разведчик. Встречался с командованием Армии Людовой и Армии Крайовой, сражался вместе с польскими патриотами на баррикадах, но главное – собирал разведданные и отправлял их в центр. А сам пытался понять, почему же так вдруг вспыхнуло это героическое и трагическое восстание? Ведь силы были неравными с самого начала – к 1 августа повстанцы Бура имели всего 47 пулеметов, около 2600 винтовок, 1,2 тонны взрывчатки. В то время в городе находилось около 15000 солдат сухопутных сил вермахта, 13000 – из частей ВВС, 4000 полицейских, 4000 эсэсовцев. Армия Людова, ничего не знавшая о восстании, присоединилась к нему в последний момент.

Так вот, в 1944 году, как я уже говорил, Советская Армия вступила в Польшу и, быстро продвигаясь, вышла на Вислу, захватив предместье Варшавы – Прагу. В этом месте Висла была довольно широка, но Варшава хорошо просматривалась. Мосты же через Вислу были взорваны. Чувствуя, что вот-вот Красная Армия войдет в Варшаву, и тогда Люблинское правительство обоснуется в столице Польши, где не будет уже места Лондонскому правительству. И вот в этой ситуации была приведена в действие Армия Краевая, которая в начале августа начала вооруженное восстание, целью которого было освободить Варшаву, и тогда бы в ней вперед люблинцев оказались

лондонцы, считавшие себя законным правительством. Восстание не было согласовано с командованием Красной Армии, и поэтому не было поддержано ею в полную силу. Через два месяца, в начале октября, восстание было подавлено. В ходе его погибло свыше 200 тысяч поляков. Когда началось восстание, немецкие самолеты бомбили районы Варшавы, захваченные восставшими, обстреливали из орудий, а после подавления началось планомерное разрушение Варшавы. В те годы потихоньку говорили, что командование Красной Армии специально задержало наступление на Варшаву, чтобы не дать попасть в нее Лондонскому правительству вперед Люблинского. Но не берусь утверждать, что это именно так.

Варшава

Прага была не разрушена. Я прошел ее всю. Она представляла собой ярмарку или толкучку. Везде стояли бесчисленные ларечки, киоски, магазинчики и шпалерами – уличные торговцы. Глаза разбегались, продавалось все – продукты питания, различные вина, сигареты, парфюмерия, одежда, часы, бижутерия, антиквариат. Глядя на это торжище, казалось, что вся Польша не работала, а только торговала. Подобное сейчас можно видеть и на улицах Москвы, где также торгуют все и вся, и, кажется, что все только торгуют и никто не работает, чтобы создать эти блага.

Как я узнал в комендатуре, мне надо было попасть в Варшаву в Форт Бема, а, чтобы найти его, ориентиром было Варшавское гетто. Один мост был восстановлен через Вислу, у остальных – искореженные фермы свисали в воду. Если Прага жила уже мирной жизнью и, как видите, во всю торговала, то Варшава еще не оправилась от всех испытаний фронтового города, приговоренного Гитлером к полному уничтожению. Но, такие польские города как Лодзь и Краков были спасены Красной Армией, а Варшава, красивейший европейский город, была превращена в руины. Я шел по старому городу, по знаменитой Маршалковской улице. Все было завалено кирпичом. Над улицей нависали наклонившиеся стены старинных зданий, готовые рухнуть в любую минуту от одного только дуновения ветерка. Некоторые здания были как бы в разрезе: стены нет,

и взору была представлена квартира с мебелью, со своим интимом, который вдруг решил выставить на обозрение какой-то злой волшебник. В воздухе носился запах разрушения, известки, цемента и чего-то еще, чем пахнут развалины, и запах гари. Потому что где-то что-то еще продолжало гореть, ибо никто не тушил тлеющих пожаров этого разрушенного мертвого города, покинутого жителями. Прошло ведь не более одной недели, как Красная Армия и соединения Первой польской армии вошли в Варшаву. Но уже попадались и варшавяне, вернувшиеся на свои пепелища и что-то разыскивающие в этих руинах. Я не берусь сейчас судить, где находился Форт Бема, где мне надлежало быть, но, наверное, где-то на окраине, о чем говорило слово «Форт» и Варшавское гетто.

Но вот, наконец, и оно, обнесенное высокой каменной стеной. Сюда были согнаны варшавские евреи и, не выдержав той обстановки, они восстали в 1943 году. Конечно, восстание было жестоко подавлено фашистами. Возле гетто было еврейское кладбище. Я впервые видел такое, от наших православных оно отличалось тем, что совершенно не было никаких деревьев, кустиков, только стояли вертикальные каменные надгробья.

Мне пришлось еще дважды побывать в Варшаве. Один раз это было в сентябре-октябре того же 1945 года, когда уже Варшава входила в мирную жизнь. И шла расчистка завалов, насколько мне помнится, был пущен трамвай, но что больше всего запомнилось – это велорикши. Впереди или сзади велосипеда была прикреплена коляска, на которой что-то перевозилось. Город уже был наполнен людьми. Даже работали рестораны, где я впервые наблюдал кусочек загнивающего капитализма, каких-то кутивших бизнесменов, правда, их тогда так не называли, проституток и угодливых официантов. Помню, что меня тогда поразила картина, когда у толстого пьяного поляка на коленях сидела красотка, и он обнимал ее. Для нас, нашей морали, все это было непривычно и даже дико.

И второй раз я лицезрел Варшаву ровно через двадцать лет, зимой 1965 года. Мы возвращались из Чехословакии в Союз после окончания там работы. Поезд прибыл рано утром на вокзал Варшава – Гданьск, и наш вагон должны были прицепить к поезду Берлин – Москва. Но поезд опоздал, что несвойственно было европейским железнодорож-

ным правилам. Но факт был налицо. Наш вагон загнали в какой-то тупичок и объявили, что его прицепят к какому-то поезду только вечером. В вагоне остаются проводники, а мы можем гулять по Варшаве. Отметка в паспортах польских пограничников у нас была, но чего совершенно не было, так это ни одного польского гроша.

Вот она польская земля. Вокзал оказался не столь далеко от центра, и мы шли пешком. Где-то на пути нам попался современный памятник Дзержинскому. А вот и центр, который формировался около построенного русскими и подаренного полякам Дворца культуры и науки имени Сталина. У нас уже не осталось к этому времени ни одного памятника Сталину, имя его уже было вытравлено из всех городов и улиц. А на фронтоне этого дворца красовалось «Сталин». Мы зашли в вестибюль дворца. Оказалось, что наряду с театром, зрительными залами, там были и другие заведения. Напротив дворца шло интенсивное строительство каких-то высоких зданий, весь этот центральный комплекс был еще в стадии строительства. Мы прошли и по другим улицам «старого място» – старого города. Конечно, нигде не было никаких завалов, все было расчищено, но следы разрушений еще были видны. Возможно, это были специально оставленные кусочки города, чтобы показать, что испытала Варшава. Были, например, здания, где к одной из стен не было пристроев, и были видны следы снарядов, некогда клевавших эту стену. Поразило нас обилие импортных продуктов в магазинах Варшавы, красиво оформленные французскими и английскими товарами витрины.

Мы ехали из Чехословакии, она в то время также не страдала отсутствием товаров, но в Варшаве нас поразил именно импорт. Все стоило крайне дорого. К вечеру вернулись на вокзал, а на другой день уже были в Бресте – дома.

Назначение

Ну вот, наверное, хватит Варшавы и пора переходить к дальнейшему повествованию. В Форте Бема оказался штаб соединения, куда я был направлен. Ознакомились с моими документами и определили меня в 1857 Малокалиберный зенитно-артиллерийский полк (МЗАП).

От Варшавы до Тцры

Часть третья

УРАЛМЕХАНОБР

Приказано быть в Люблине

Как я уже отметил в предыдущем разделе своего описания, я получил назначение в 1857 малокалиберный зенитно-артиллерийский полк (1857 МЗАП), который дислоцировался к моменту моего прибытия, в Люблине, куда мне и надлежало отправиться. Получив документы, вышел из здания штаба и начал справляться, как мне добраться до Люблина. Мне подсказали, что в настоящее время это проще сделать не по железной дороге, а на машине с какой-нибудь оказией. И тут же показали куда толкнуться. Как я узнал: вечером в Люблин должны были ехать военнослужащие Войска польского. К назначенному времени я подошел к их резиденции, стоял Студебеккер, закрытый тентом, около которого толпилась группа солдат, и, как я понял по знакам различия, офицеров. Проходя по Праге, Варшаве и в пути, я уже видел польских солдат и офицеров, но не разбирался в их знаках отличия. Конечно, солдат можно было отличить по гладкому полю их погон. Необычными казались их фуражки-конфедератки с орлом вместо кокарды. Солдатские шинели с рядом пуговиц, чего в ту пору не было в нашей армии. Офицерская форма отличалась большей пышностью, чем наша. А, в общем, шляхты всегда отличались своим гонором и форсом. Потом-то я узнал, что солдат по-польски – «жовниж», унтер – «плетуновый», младшие офицеры – «подпоручник», «поручник» и «капитан». Старшие офицеры носили такие же звания, как и в нашей армии – подполковник и полковник.

Я подошел к полякам и попросил разрешения отправиться вместе с ними. И вот мы в пути. От Варшавы до Люблина было около 150–170 км. Что-то в разговоре поляков я понимал, иногда и они обращались ко мне на ломаном русском языке. Надо сказать, что в Польше все-таки многие знали русский, ведь многие годы Польша входила в состав Российской империи. Из разговоров я узнал, что они едут в Люблин, где формируется их часть, входящая в состав Второй польской армии. Дорога была отличной, но в Люблин мы приехали довольно поздно. Проехали слабо освещенный город и, оказавшись на окраине, остановились у какого-то одноэтажного здания барачного типа, к которому примыкала территория, оце-

пленная колючей проволокой, со сторожевыми вышками, за ними просматривались контуры каких-то строений.

Один из офицеров, обращаясь ко мне, сказал, что они прибыли в свою часть, а мне, чтобы получить адрес своей части, надо обратиться к коменданту города. Однако, сейчас уже поздно, и они предложили мне переночевать у них, а завтра можно начать поиски своего полка. Мне, конечно, ничего не оставалось, как согласиться с этим предложением, ибо где мне в незнакомом городе было найти коменданта. Прошли в здание, возле которого остановились. Это оказалось что-то вроде КПП (контрольно-пропускного пункта) или караульного помещения. Отвели мне место на нарах, и, перекусив, чем Бог послал, я завалился спать, так как за день находился, набродился, да и впечатлений было много. Так состоялось мое знакомство еще с одной столицей государства.

Земляк в Майданеке

Проснулся утром, и оказалось, что я находился в Майданеке. Да, не удивляйтесь, в том самом Майданеке, знаменитом концлагере, лагере смерти, созданном немцами в 1941 году для уничтожения евреев, поляков и прочих славян. Таких лагерей смерти у немцев было немало, но вот огромных, поставивших всю свою деятельность на индустриальные рельсы, на поток, было не так-то уж и много. И Майданек, пожалуй, был первым, с которым познакомились наши солдаты. Освенцим, Заксенхаузен уже были потом. И я помню еще, находясь на курсах, я читал о выводах комиссии, расследовавших деятельность фашистских извергов. Там же публиковались фотографии огромнейших захоронений погибших и замученных людей.

Я зашел на территорию Майданека. Огромная территория была застроена одноэтажными бараками, которые располагались в строгом порядке, образуя улицы. Между ними проходили дорожки, посыпанные песком. Снега было мало, и желтизна этих дорожек отчетливо выделялась. Насколько я помню, бараки были покрашены в зеленый цвет. Вся территория была окружена в несколько кольев проволочными ограждениями, заполненными спиралью Бруно,

также колючей проволокой и сторожевыми вышками, на которых, видимо, находились охранники с пулеметами.

Я шел, и навстречу мне попадались польские солдаты, приветствовавшие меня, и вдруг я услышал приветствие: «Здорово, артиллерист», – прозвучавшее на самом чистейшем русском языке с родным мне говорком, немножечко на «о». Передо мной стоял польский офицер, определивший по пушечкам на моих погонах, к какому роду войск я отношусь. Оказалось, что это такой же поляк, как я француз. Разговорились и выяснили, что это даже мой земляк из Нижнего Тагила. А в польскую армию попал, потому что послали. Немного позже я поведаю, как шло формирование Войска польского. Я рассказал, как я попал в эти края, как познакомился с фабрикой смерти. Поручик согласился быть моим гидом.

Мы подошли к действующему крематорию, где сжигались трупы. Недалеко от него строился новый. Здание и невысокая труба были все в лесах. Показал мне железнодорожные пути, которые размещались на территории лагеря. Таким образом, через них завозились смертники целыми эшелонами. Из-за немецкой педантичности в лагере ничего не пропадало: одежда, волосы – все использовалось. Показал он мне и барак, набитый обувью. А пепел крематория шел на удобрение полей. И когда я уже шел в город, проходил мимо поля, усеянного корнями, кочерыжками от особого вида капусты, имевшей красно-фиолетовый цвет, создалось впечатление, что эта капуста выращена на земле, удобренной кровью сотен тысяч погибших людей. И вот сейчас, когда я вижу в продаже эту капусту, она ассоциируется у меня с той, из Майданека. Всего было уничтожено в этом лагере 1,5 миллиона человек. Говорят, что бежать из него никому не удавалось. Я не буду подробно расписывать, что мне рассказал мой земляк. Об этом уже достаточно много писалось.

Польская армия

А теперь несколько слов о польской армии, коль скоро я соприкоснулся с ней. Дело в том, что после событий 1939 года, когда произошел раздел Польши между Германией и СССР, многие поляки переехали или их перевезли на Урал и в Сибирь. Даже в нашей деревне

Талица, где я работал летом, были польские семьи. Видимо, интернированы были не только гражданские, но и военные люди. Вообще, все то, что касается поляков, покрыто тайной. Я говорю о тех десяти тысячах польских офицеров, расстрелянных в 1941 году в Катыньском лесу. Эта версия была подтверждена специальной комиссией, работавшей в 1944 году. А раз это был 1941 год, то в выводах комиссии виновниками этого зверства названы немцы. Однако в конце восьмидесятых годов возникла новая версия, что это было сделано органами НКВД. Когда-нибудь истина восторжествует.

Но речь идет о Войске польском. Началась война, и Сталин издал указ об амнистии польских военнослужащих, интернированных в 1939 году, и тогда польский генерал Андерс начал формировать польскую армию, которая была сформирована. Но среди ее контингента оказалось много людей, озлобленных пережитым в наших лагерях, ненавидящих русских. И когда зимой 1941–1942 годов дело дошло до отправки армии на фронт, польская армия Андерса отказалась это делать. И тогда всех, кто не хотел воевать на советско-германском фронте во главе с их генералом Андерсом, через Иран выдворили из Союза. Эта армия воевала впоследствии в Африке вместе с английскими войсками против армии Ромеля, а затем польский корпус был и в Италии. Вот тогда-то, если мне не изменяет память, начали формировать Первую польскую армию где-то на Урале. В нее вошли солдаты армии Андерса, граждане польской национальности призывного возраста, проживавшие в СССР, но львиная доля была русских. У них забирали комсомольские и партийные билеты, сдавали на хранение в ГлавПУРККА. Ребят одевали в польскую форму, и они становились солдатами Войска польского.

Ходил даже в те времена такой анекдот. В польской армии был ксендз, и в армейский распорядок входили утренняя и вечерняя молитвы. Так вот, присутствуя на такой молитве, польские солдаты преклоняют колено и снимают свои конфедератки. Все, кроме одного, только что прибывшего в часть, сделали именно так. А этот новенький стоит. На него шикают, а он отвечает: «Я же коммунист, и не верю в Бога». Тогда подходит к нему ксендз и на чистейшем русском языке шепчет ему: «Снимай шапку, становись на колени,

а то на партийной комиссии разберем». Был такой орган – парткомиссия в Красной Армии. Вот в этом анекдоте и представлена та ситуация, которая характеризовала Польскую армию.

Вторая польская армия, с формированием которой я столкнулся в Майданеке, создавалась уже несколько по другому принципу. Красная Армия к тому времени освободила Западную Украину и Западную Белоруссию, на территории которых жило много поляков, и их, призвав в армию, направляли в польские части. Но и там были русские, особенно в частях ракетной техники – катюши.

Люблин

Познакомившись с Майданеком, распрощался с любезными хозяевами – польскими офицерами и направился в город. Люблин – один из старинных польских средневековых городов, первые упоминания о котором были датированы десятым веком. Город сыграл определенную роль в образовании Польши, являлся центром Люблинского воеводства. Люблин расположен на реке Бысшица. Но, наверное, она такая же, как пермская Молянка, которую в половодье курица перебредет. Речку, откровенно говоря, я не помню, и видел ее только на карте. Я шел по городу. Он был цел, то есть видимых разрушений не было видно. Поражала необычная для моих глаз архитектура, в которой преобладала готика. Она была в костелах, зданиях. Как мне хотелось посмотреть костел и его убранство внутри, ведь я знал из произведений Виктора Гюго, Дюма о роскоши католической церкви, но наша заорганизованность не позволила мне это сделать. И, откровенно говоря, я познакомился с католическими храмами только спустя двадцать лет уже в Чехословакии.

Так же, как и в Варшавской Праге, поражало обилие всяких магазинчиков, киосков и прочих торговых точек. Откуда что бралось? Ведь вся Европа была охвачена пожарищем войны, опоясана фронтами, а рынок кишел явно контрабандными товарами, привезенными из Франции, Англии, Германии. Возможно, что все это было припрятано до поры до времени. А вот сейчас, когда для Люблина война уже осталась позади, все это вылезло наружу вместе с купцами и торгашами. И весь этот рынок гудел, кричал, рекламируя

свои товары. Я повторяю: казалось, что вся Польша торгует, и это апофеоз коммерции. Между прочим, вот эти первые впечатления о стране у меня остались на всю жизнь. Может, это вызвано тем, что я не был в больших промышленных городах этой страны. Но мое мнение о поляках, как о нации торгашей, осталось и укоренилось. Когда мне пришлось заниматься в пятидесятых годах с польскими специалистами из Новой Гуты, приезжавшими на стажировку в Бакал, то попутно они занимались куплей-продажей и не разуверили меня в моем устоявшемся мнении.

Я, наконец-то, нашел комендатуру. Насколько мне помнится, она находилась на улице Шопена. Наверное, мне запомнилось это в связи с именем известного польского композитора, музыка которого мне нравилась, особенно его вальсы. Доложил дежурному офицеру и вручил ему свое предписание. Мне были даны координаты дислокации штаба полка. Это было где-то на окраине Люблина.

В полку и на батарее

Был уже вечер, когда я добрался до штаба полка, ведь пришлось топать пешком через весь город. Все штабные помещения находились в землянках. Меня привели к командиру полка. Зашел в землянку и доложил, что младший лейтенант Смородинников прибыл для дальнейшего прохождения службы. Передо мной был подполковник, не более тридцати лет от роду. Как я потом узнал, фамилия его была Орлов. С ним была молоденькая и очень симпатичная девица – сержант. Уж я не знаю, какую роль она играла, или телефонистки, или кого-то еще. Командир полка расспросил меня, кто я и откуда. Я коротко рассказал о себе, что прошел всю службу от солдата до сержанта – командира орудия, где был, и после окончания курсов должен был вернуться в свою часть, но не получилось. Мне показалось, что после моего рассказа мнение командира о моей особе повернулось в мою сторону, так как, начиная знакомство со мной он, видимо, думал, что перед ним офицерик, только что окончивший училище и еще не хлебнувший фронтовой жизни.

Он тут же позвонил командиру дивизиона, а переговорив с ним, объявил мне, что я назначаюсь командиром огневого взвода 3-ей

батареи, 1-го дивизиона 100-пушечного зенитно-артиллерийского полка № 1857. Полк особый. Батареи не четырехорудийные, как обычно принято в нашей армии, а шестиорудийные, и в каждом огневом взводе – три орудия 37-миллиметровых. Итак, я снова вернулся к нашим отечественным пушкам. Пожелав мне успехов в дальнейшей службе, он вызвал какого-то сержанта и приказал ему доставить меня на батарею. Мы бредем в темноте, спотыкаясь о какие-то колдобины, и вот, наконец-то, перед нами возникают силуэты задранных в небо пушек, и ни одного огонька. Нас окликнули. Стандартно-уставной оклик часового: «Стой! Кто идет!». Останавливаемся. «Дежурного на выход!» – следует дальнейший окрик. К нам кто-то подходит. Сержант, козыряя, докладывает: «От командира полка к комбату». Нас ведут. На ощупь опускаемся в землянку, открываем дверь. За ней висит плащ-палатка, откидываю ее и вижу, что в землянке, освещенной привычным мне светильником из гильзы, находится старший лейтенант. Я доложил о прибытии, а командир батареи, это был именно он, ответил мне, что он уже знает, ему позвонили. В землянке было тепло.

Комбат – старший лейтенант Ковыршин – предложил мне раздеться. Я снял шинель, он ввел меня в курс дела, сказал и о том, что я должен командовать вторым огневым взводом, которому он меня представит завтра. Расспросил о моей службе и остался доволен тем, что я прошел ее от солдата до командира орудия, был комсоргом и уже понюхал пороху. А потом вдруг спохватился, что «соловья баснями не кормят», а я, как волк, был голоден. В землянку вошел офицер, как оказалось, это был командир первого огневого взвода младший лейтенант Балабанов Анатолий Семенович. Его взвод находился на дежурстве, а, следовательно, он был дежурным офицером на батарее. Комбат познакомил меня с ним и поручил ему накормить и устроить меня. И сказал, чтобы сегодня дали мне ночь на отдых, ну а завтра я вступлю в должность.

Забрав свой «сидор», мы вышли от комбата и вскоре оказались в другой землянке, где жил мой коллега. Интерьер ее был довольно прост: стояли двое нар у стен, между ними был сколоченный из досок стол и посередине землянки – чугунная печка. Толя, теперь я так буду его называть, указал мне на мои нары. Я бросил на них

свой мешок, и мы отправились на кухню. Ужин уже, конечно, закончился, но повар и его помощники были еще на местах. Меня всем представили. А когда повар узнал, что я почти полмесяца был на сухом пайке, засуетился и начал меня угощать, чем Бог послал. Толя был тут же, гонял чаи, слушал мою одиссею, а я, рассказывая, «нажимал» на то, что мне подкидывал повар. Учитывая, что в старину, беря работника, хозяин сажал его за стол и кормил, и, если работник хорошо ел, то брал его на работу. Думаю, что в тот момент, глядя, как я уписываю свой ужин, меня, наверное, без звука наняли бы на работу в батарею.

Наконец дома

Накормив, меня отвели под белы рученьки почивать. Спал я крепко. Не слышал, когда пришел с дежурства Толя и тоже завалился спать, в землянке было тепло и уютно. Я почувствовал себя дома. Не надо было рыскать по станции, искать эшелон, который должен отправиться первым, прыгать на тормозные площадки или проситься, чтобы тебя взял какой-то следующий, идущий к фронту эшелон, на станции искать воду или кипяток, а спать где-то, прикорнув, или сидя, опираясь на свои руки. А сейчас я был дома, на батарее. Как она меня встретит, впишусь ли я в ее коллектив? Ведь мне предстояло здесь выступить в новом качестве, найти контакт не только с моими солдатами, сержантами, но и офицерами. Первые встречи обнадеживали.

Утром комбат построил батарею и представил меня личному составу. После чего я отвел взвод к своим орудиям, рассказал о себе, познакомился с командирами орудий. Четвертым командовал младший сержант Суслов, пятым – сержант Коробков, а шестым – сержант со знаменитой фамилией «Ермак». И был он, как и его однофамилец, казаком из Ростова. Солдаты и сержанты – все были молодыми ребятами, с 1925–1926 годов рождения. Не было того интернационала, что в моем бывшем орудии, но были русские, украинцы и белорусы, как с наших, так и западных областей, а еще молдаване. Некоторые из них хлебнули оккупации. Учитывая этот факт, и что при немцах школы не работали, образованием высоким

они не страдали, и выше седьмого класса среди моего нового взвода профессоров не оказалось. Ну, раз уж назвал фамилии командиров орудий, то назову фамилии солдат – орудийных номеров, след от которых остался в памяти моей.

Взвод и его взводный

4-ое орудие: младший сержант Головнев, красноармеец Логвинов, ефрейтор Зоткин, красноармеец Печкуров, красноармеец Башкиров, младший сержант Гончарук.

5-ое орудие: младший сержант Лавка, красноармеец Мачульский, красноармеец Рузин, младший сержант Бернякович, красноармеец Мелентьев, красноармеец Жежеря.

6-ое орудие: красноармеец Воронков, красноармеец Свердлов, красноармеец Самуйлов, красноармеец Унтилов, красноармеец Моисеев.

Вот перечислил фамилии, и некоторые из ребят сейчас прямо как перед глазами стоят. Все они были разные: некоторые смышленые, скорые до учебы, другие умельцы, в руках которых, несмотря на юный возраст, топор просто плясал, были и услужливые, а некоторые строптивые, к которым лучше всего было обратиться не с приказом, а с просьбой, и тогда они разбивались в доску и все выполняли. Были и, так называемые, «сачки», которые старались проехаться на чужом горбу. Но таких приводили в чувство сами ребята расчета, чтобы за них не приходилось вкалывать кому-то другому. В этом плане зенитная артиллерия, пожалуй, в какой-то мере походила на малый военный корабль, наряду с пушкой, которой надо было заниматься, порой и тащить ее на себе, было еще и другое хозяйство – машина, снаряды и блиндаж – укрытие – землянка, которые приходилось строить каждому расчету для себя, а в расчете было только шестнадцать рук. И когда вот заводились такие, не склонные к работе люди, это сразу чувствовалось.

В большом коллективе «сачок» не так накладен, как в маленьком, поэтому там они приживаются и неплохо себя чувствуют, к ним привыкают и позволяют делать то, что не позволяют другим. Один из этих ребят впоследствии стал моим ординарцем. По долж-

ности и по штату такой человек мне был не положен, но кое-какие работы надо было выполнять: убрать в землянке, за чем-то сходить, что-то принести, а потом и сопроводить. Ведь был приказ – по одному из расположения части не выходить, к этому я еще вернусь.

Так вот, моим верным Санчо Панса был Мелентьев, подносчик пятого орудия. Он меня и сопровождал со своим автоматом. Конечно, он не был денщиком в прежнем понимании, не стаскивал с меня сапог и не стирал мое белье. Вот так и началась моя служба командиром взвода или, как в то время называли – «Иван взводный», «Ванька-взводный».

«Ванька взводный – малюсенький винтик
В исполинской махине войны,
Все тянулись к нему за защитой.
Для бойцов Ванька-взводный был Бог.
Бог в пилоточке, на ухо сбитой,
В сапогах, отслуживших свой срок.
Ванька-взводный! – малюсенький болтик,
Самый важный в махине войны».

Ю. Друнина

Коллеги

Я уже сказал несколько слов о нашем комбате Ковыршине. Звали его Петр, а отчества его не помню, а, может быть, даже и не знал никогда. О Толе также поведал, но был на батарее еще один офицер – командир взвода управления – младший лейтенант Ивко Александр Иванович – Саша. Все они были старше меня, оканчивали стандартные училища.

Толя Балабанов был щеголем, форма на нем сидела как влитая, по-моему, ему нравилась военная служба, и, думаю, что он остался в армии. Сашка Ивко был слоном, здоровым, широколицым, по-моему, чуть выше меня и чем-то напоминал мне известного киноартиста Бориса Андреева. Добровольно он пошел в армию, поступил в летное училище, по-моему, в штурманское, учился где-то на Кавказе, чуть ли не в Грозном. Окончил его, в порядке практики летал на бомбежку осетинских или чеченских аулов.

Немцы рвались на Кавказ, и среди кавказцев было немало таких, которые с молоком матери впитали ненависть к русским, и выступили против Красной Армии. Ведь недаром Сталин после освобождения Кавказа в одночасье выселил целые национальности с насиженных мест. Основания для этого были. Это сейчас всех из них считают ангелами во плоти. Конечно, наверное, надо было разбираться и не ко всем огульно цеплять ярлык – «враг народа». Так вот, Сашка рассказывал, как они это делали. Но машин боевых в те времена не хватало, и их из летных училищ во время войны выпускали сержантами и только уже в части им присваивали офицерские звания, отправляли переучиваться в артиллерийское училище. Вот так Александр Ивко стал офицером-артиллеристом. Я думаю, что после войны он демобилизовался и, наверное, стал каким-то дельцом. У него была такая предпринимательская жилка. Я пытался разыскивать его в Куйбышеве, откуда он уходил в армию, но не нашел.

Так вот получилось, что мы, трое младших лейтенантов, сошлись, подружились, а наш комбат не всегда снисходил к нам, он был человеком несколько замкнутым. Наверное, по ходу действия, я еще коснусь темы своих сослуживцев. Ведь все-таки мы бок о бок провели семь-восемь месяцев.

Обстановка в Польше и А.К.

Прежде чем начать рассказ о дальнейшем прохождении моей службы в новом полку и в новом качестве, я остановлюсь немного на обстановке на фронтах и, конечно, опять начну с тех моментов, которые были связаны с Польшей. Ведь то, о чем я пишу, я знал в те, теперь уже далекие времена, и, может быть, только что-то напомнил себе, когда начал писать. Вот эти воспоминания.

Итак, еще о Польше. К концу войны польский народ находился под пятой фашизма уже около пяти лет. Ее западные и северные области гитлеровцы присоединили к Германии, а центральные и восточные превратились в Генерал-губернаторство. Немцами проводилось массовое и планомерное уничтожение поляков. За эти годы на тот свет было отправлено почти пять с половиной

миллионов жителей этой страны. Однако этот террор и такая обстановка не могли остановить борьбу патриотических сил с оккупантами.

Я уже говорил о создании в Польше Армии Людовой и Армии Крайовой. Так вот, если Армия Людова поддерживала военные действия Красной Армии и активизировала свою деятельность при вступлении ее в Польшу, то Армия Крайова, подчиненная Лондонскому эмигрантскому правительству, прекратила свою борьбу с немцами при вступлении Красной Армии в Польшу, направила свое оружие против освободителей, включая польскую армию и новое правительство Польши, образованное, как я уже отмечал, летом 1944 года. Хотя Советское правительство и Наркомат СССР заявили, что они не преследуют цели присоединения к СССР каких-либо польских земель и изменения польского общественного строя, но эмиссары Лондонского правительства и Армия Крайова вели клеветническую пропаганду против Красной Армии. И реакция активизировалась.

На освобожденной территории проводились диверсии, взрывались железнодорожные пути, совершались вооруженные нападения на русских и польских солдат, снимали часовых. Вот почему был строжайший запрет для военнослужащих – находиться одному вне пределов расположения части. Вот почему в период вот этих последних месяцев войны и когда она уже закончилась, важные стратегические пункты: железная дорога, мосты, станции – усиленно охранялись, и не только пограничниками, еще частями внутренних войск, артиллерийскими и танковыми подразделениями. И я могу с уверенностью сказать, что ни в одной стране, куда вступила нога советского солдата, даже в поверженной Германии, не погибло столько наших солдат, сколько в Польше, причем уже в мирное время. И вот сейчас находятся борзописцы в нашей стране и за рубежом, оправдывающие действия аковцев, бандеровцев, власовцев и превозносящие их в до национальных героев. Я еще вернусь к Армии Крайовой, к аковцам, как мы их называли.

Когда Красная Армия вступила на территорию Польши, поляки испытывали смешанные чувства. Они были благодарны за освобождение страны от немцев, но с учетом опыта 1939 года боялись, что

Сталин не даст им возможности жить так, как они хотят. Опасения оправдались. Поэтому многие подпольные организации в Польше не хотели сдавать оружие, а некоторые даже пытались сопротивляться, прежде всего отряды Армии Крайовы, которая хотела восстановить довоенные границы Польши и вернуть эмигрировавшее правительство в Варшаву.

Я уже неоднократно упоминал о двух армиях, которые были в Польше: «Армия Людова» (АЛ) и «Армия Крайова» (АК). «Армия Людова» была произведением нашим и польского правительства, созданного у нас, а «АК» – это детище Лондонского правительства, созданное на территории Польши. Во время войны она «пощипывала» немцев, а как вошла в Польшу, то начала наносить серьезные «укусы» нашей армии и, как бандеровцы на Украине, органам самоуправления на местах.

Учитывая, что поляки не очень-то долюбливали русских, АК становилась грозной силой. И даже когда кончилась война с Германией, с Польшей она продолжалась и субсидировалась Лондонским правительством Миколайчика.

Крымская конференция

С 4 по 11 февраля 1945 года в Ялте (Крым) проходила знаменитая конференция, в работе которой приняли участие главы правительств СССР, США и Англии – И.В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль и министры иностранных дел, а также другие члены, включая военных и дипломатических советников и экспертов. На конференции подвели итог действий на фронтах, наметили и определили ход дальнейших военных действий, координацию сил, раздел Германии на зоны, решили вопрос о репарациях с Германией, о вступлении Советского Союза через два-три месяца в войну с Японией и передачей СССР после победы: Порт Артура, КВЖД, Сахалина, Курил. К сожалению, из всего этого остались только Сахалин и Курилы. Да и то, надолго ли?

Я не мог не остановиться на этой конференции еще и потому, что на ней решался вопрос о будущих границах Польши. В отношении восточных границ особых споров не было, она устанавли-

валась по линии Керзона, предложенной Антантой в 1919 году. А вот предложение советской делегации – установить западную границу по Одеру и Западной Нейсе, встретило отпор со стороны Англии и США. Вопрос не решили, но согласились, что границы Польши на Западе будут расширены. Спорным был вопрос и о правительстве, то есть Лондонское или Временное польское (Люблинское). Сталин тогда показал ту вредную и опасную деятельность, какую проводили агенты Лондонского правительства в тылу Красной Армии.

И уж отвлекусь. В 1990 году мы были в Ливадийском дворце, где проходила конференция и жили Сталин и Рузвельт. Черчилль жил в Воронцовском дворце, вид которого ему больше напоминал Англию. Вот перед нами: белый зал, круглый стол, за которым сидели главы правительств. Возможно, что здесь же проходил заключительный банкет, где, по преданию, Черчилль, употреблявший ежедневно только коньячок, попробовав крымский мускат «Красного камня», предложил выпить за него стоя. Да, мускат этот заслуживал того. Ранее во дворец не пускали, в нем находился санаторий. И вот благодарность Польши за все то, что для нее сделал Советский Союз.

Германия и обстановка на фронтах в начале 45-го

Несмотря на снижение боевой и моральной мощи Германии, шаг за шагом сдающей свои территориальные позиции, она все еще оставалась опасным противником, не деморализованным и имевшим достаточно сил для продолжения войны. В январе 1945 года в ее вооруженных силах находилось 7,5 миллионов человек, из них 5,3 миллиона – в действующей армии. В составе вермахта было 299 дивизий, в том числе 33 танковых. Конечно, основные силы были на советско-германском фронте, где было 185 дивизий, насчитывающих 3,1 миллиона человек, 28,5 тысяч орудий и минометов, почти 4 тысячи танков и 2 тысячи самолетов. Техническая вооруженность немецкой армии так же оставалась высокой. Нас, например, предупредили, что у немцев появились реактивные самолеты, и, если

раньше ФАУ – реактивными снарядами немцы обстреливали только Англию, то с февраля они начали ими обстрел объектов советско-германского фронта и стратегических точек нашего тыла. Появились фауст-патроны, новейшие тяжелые танки. В Германии шла тотальная мобилизация.

Англо-американские войска вплотную подошли в начале 1945 года к западным границам Германии, кое-где перешагнув их. Кроме того, они находились в Северной Италии. На Восточном фронте наши войска уже были в Восточной Пруссии. После взятия Варшавы, войска 1-го Белорусского и примыкающих к нему 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов развивали дальнейшее наступление, освобождая польские города, и вступили на территорию Германии. Лозунг: «Добьем зверя в его собственной берлоге», – начал осуществляться.

Однако, немцы были еще сильны и, учитывая разрыв между 1-ым и 2-ым Белорусскими фронтами, создали группу армии «Висла», базирующуюся на территории Восточной Померании. Эта группа в значительной мере угрожала потрепанным в ходе январского наступления дивизиям 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Эти соединения понесли не только большие людские потери, но отставшие тылы не могли обеспечить войска боеприпасами, горючим и другими материальными средствами. Учтя данную ситуацию, немцы нанесли контрудар по войскам 1-го Белорусского фронта, даже несколько потеснив его правое крыло. Однако войска маршала Жукова Г.К., а командовал 1-ым Белорусским он, Георгий Константинович, отразили эти удары и в марте перешли в наступление. Весь февраль и март шли бои на территории Польши. Только 30 марта был взят Гданьск, и Красная Армия завершила освобождение Польши. Шестьсот тысяч жизней советских воинов – вот сколько стоила свобода поляков.

Первый Белорусский фронт

По фронтовым дорогам Польши

Я пишу эти строки, связанные с событиями на фронтах в начале 1945-го года, об этом можно прочитать и в книгах по истории От-

ечественной войны, я пишу для того, чтобы можно было представить обстановку в Польше, в которую я окунулся. Мне не пришлось быть в Восточной Померании, где развернулись основные боевые действия 1-го Белорусского фронта в этот период, но наш полк вместе с другими, прикрывал коммуникации, относясь к этому фронту. Обстановка осложнялась тем, что наша авиация находилась вдали от фронта и не имела возможности перебазироваться на полевые аэродромы, раскисшие от дождей. Немцы же летали с берлинских аэродромов, оборудованных бетонными полосами. В этих условиях возрастала необходимость противовоздушной обороны. И вот, спустя несколько дней после моего прибытия в часть, нам дали команду «отбой-поход!», и началась опять наша кочевая жизнь.

Зима кончилась, наступила весна – последняя весна войны. Это уже знали и чувствовали все. Она не подбиралась, как обычно, исподволь, с поздними заморозками, а порой и со снежными зарядами, как у нас на Урале, а в один прекрасный день растолкала зиму звоном капели, журчанием ручейков, выдавив почки на деревьях, прикрыв зеленью поля и подвесив к ясному голубому небу яркое, уже хорошо пригревающее солнце.

Наши пути шли по отличным дорогам. Ведь мы были в Европе, и не только по бетонным и асфальтированным, но, мне помнится, что где-то мы ехали по дубовой дороге, сделанной из торцов дубовых бревен, но не всегда наш путь был столь гладок. Приходилось толкать и пушки, и машины по раскисшим от влаги проселкам и полям. Землянок не строили. Рыли только ровики для пушек и ниши для снарядов, а жили в польских домах или брошенных усадьбах. Охраняли полевые аэродромы, какие-то населенные пункты, обычно устраиваясь на их окраинах. Я не буду утомлять читателей, рассказывая о всех перипетиях нашей кочевой жизни в это время, о бдениях на орудиях, об отражении воздушных налетов, о стрельбе. Откровенно говоря, мне уже и не хочется об этом писать.

Но, вот в конце марта или в начале апреля мы двинулись не на запад, куда все время нас вели пути-дороги, а на восток, и мы оказались в Демблине.

Демблин

Демблин – небольшой польский городок с населением, судя по условным обозначениям на карте, не более, даже менее тридцати тысяч человек, но в стратегическом плане это был крайне важный объект. Во-первых, потому что через него шла одна из трех железных дорог из Союза на Варшаву (вторая – через Гродно-Белосток и третья – через Брест). Во-вторых, это был железнодорожный узел. Приходящая сюда дорога из Люблина и, соответственно, из Союза разветвлялась здесь на две: одна шла на Варшаву, а другая – на Краков, то есть обеспечивала юг Польши. В-третьих, это была одна из уязвимых железнодорожных точек в связи с тем, что здесь сливались две реки – самая большая в Польше Висла и Вепш, мосты через которые были разрушены и восстановлены, как времянки. Разбомбив их, можно было бы в значительной степени затруднить снабжение ряда фронтов: в первую очередь, 1-го и 2-го Белорусских и Украинских. И, наконец, в крепости Демблин была перегрузочная станция, где производилась перегрузка с немецкой колеи на нашу русскую. Известно, что русская железнодорожная колея на несколько сантиметров шире колеи, принятой в европейских государствах.

Так вот, по мере наступления наших частей, железнодорожные пути в Польше расшивались под наш стандарт. Но в связи с тем, что уже перешли за Вислу, а от Демблина колея шла узкая, ее так и не расширили. А уже спустя какое-то время после окончания войны, наоборот, по всей Польше вернулись к европейскому стандарту. И обычно, когда поезда прибывали из-за границы на наши пограничные станции Чоп или Брест, вагоны поднимали домкратами, выкатывали из-под них колесные пары одной колеи и закатывали другой. И поезд мог катить то ли в Европу, то ли в Союз.

В связи вот с такой обстановкой, в преддверии последнего штурма фашистского логова – Берлина, наш стопушечный полк и поставили охранять вот этот железнодорожный узел, мосты и прилегающие к ним объекты. Надо сказать, что это была немалая сила. В переводе на наш четырехорудийный стандарт – это было 25 батарей.

Мы в фортеции живем, хлеб едим и …

К сожалению, я не нашел в нашей Малой энциклопедии что-то о Демблине. Но, видимо, это был также один из старинных польских городов, об этом свидетельствовала старинная крепость, которая находилась прямо на слиянии рек. Думаю, что она была неприступной. Я не знаю расположение и дислокацию всех дивизионов нашего полка. А как расположилась наша батарея, я примерно хотел бы показать.

Таким образом, как это видно из подобия схемы, наша батарея встала на самом ответственном участке этого объекта, то есть у самого моста. Мой взвод расположился на дамбе, отсыпанной у самой реки, которая служила предохраняющим элементом для защиты железнодорожной насыпи и путей в случае паводка и разлива реки. Дамба была довольно узкой. На ней только-только помещалось орудие. Конечно, у каждого из них была землянка для расчета. Между двумя орудиями была моя землянка, выйдя из которой можно было прямо нырнуть в Вислу. Дамба одним своим концом упиралась в железнодорожную насыпь, а другой, заканчивающийся землянкой и одним из орудий, переходил в заливной луг. Вот этот луг на продолжительном расстоянии был опутан кольями с колючей проволокой и заминирован. Все это было сделано немцами, придававшими большое значение охране этого моста, когда он был еще не взорван.

Таким образом, мой взвод оказывался в очень благоприятных условиях в плане охраны его огневой позиции от возможного нападения бандами, аковцами и прочей нечисти. С одной стороны – Висла, с другой – минное поле, а со стороны моста к нам невозможно было попасть, не миновав его наземную охрану. Перевалив довольно высокую железнодорожную насыпь, можно попасть в расположение огневой позиции 1-го взвода, там же находились: взвод управления, кухня, старшина с его каптеркой, пункт связи, землянка комбата и землянка, в которой жили командиры огневого взвода и взвода управления. Я пишу довольно подробно о дислокации нашей батареи, потому что нам пришлось несколько месяцев находиться на этом месте. И, надо сказать, что это было, наверное, самое благодатное время, если его считать после 9-го мая.

Я уже говорил, что в крепости Демблин осуществлялась перегрузка грузов с одной колеи на другую, и производили эту рабо-

ту военнопленные немцы. В крепости у них был и лагерь. И его не надо было строить, во время войны там так же был концлагерь, но для поляков. Вот когда мы затолкали орудия наши на определенные им места для того, чтобы нам быстрее обосноваться, ведь время не терпело, а жилья поблизости не было, нам дали немцев из лагеря, и вместе с солдатами мы в считанные дни, построили землянки и, надо сказать, что неплохие, с некоторым даже размахом. Впервые я мог наблюдать, как вкалывали представители высшей расы, а мои солдатики сидели на бруствере и покуривали, охраняя пленных.

Сводки Совинформбюро

А война катилась под откос. Наши связисты каждый день по рации слушали сводки или, как они тогда назывались, «Оперативные сводки Совинформбюро». Прослушав, старались записать, чтобы потом мы смогли довести их содержимое до солдат наших взводов. И, вот, когда я пишу об этом, мне вспомнилось другое время и те же сводки Совинформбюро.

Приближался какой-то из юбилеев Победы Советского Союза над фашистской Германией. И мне пришла мысль – воскресить в памяти ветеранов оперативные сводки. Ведь с этого начинался день и в тылу, и на фронте, и даже в оккупированных немцами районах. И я договорился с Публичной библиотекой Белинского в Свердловске снять копии с подшивок газет 1945 года. И мы сфотографировали все сводки, начиная с 1-го апреля по 15-е мая 1945 года, которым закончилась деятельность Совинформбюро. Вывесили в институте большую карту Германии и Европейской части СССР, и Михаил Кондратьевич Шабалин, будучи в то время начальником штаба ГО института, каждое утро до начала работы вывешивал очередную сводку Совинформбюро, соответствующую тому или иному дню, и отмечал положение на фронтах также на тот же день, на который вывешивалась сводка. И так каждый день до 16-го мая. Об этом нововведении узнали в городе, к нам приходили, а в «Известиях» появилась по этому поводу заметка, где нас хвалили. Каждый день около карты и сводки толпился народ. Ветеранам это напомнило те незабываемые дни конца войны, а молодежь с интересом читала незнакомые им доселе сообщения.

Вот и при воспоминании тех дней и изложении их на бумаге, видимо, я воспользуюсь этими сводками, сохранившимися у меня. Я пишу эти строки 1-го апреля 1992 года. Так, что же сообщала оперативная сводка за 1.04.1945 года (конечно, сокращенно): «Войска 1-го Украинского фронта после длительной осады завершили ликвидацию окруженного гарнизона противника и овладели городом и крепостью Глогау – мощным узлом обороны на левом берегу Одера (то есть форсировали Одер). Взято в плен 8 тысяч немецких солдат и офицеров. Войска 2-го Украинского фронта овладели городами Трнова и другими, прикрывающими подступы к Братиславе, а также заняли более 150 других населенных пунктов. Войска 3-го Украинского фронта овладели городом Шопрон на подступах к Вене, а на территории Венгрии заняли более 100 населенных пунктов. В боях за 31 марта войска фронта взяли в плен более 26 тысяч солдат и офицеров противника и большие трофеи на других участках фронта – поиски разведчиков, а в ряде пунктов – бои местного значения. За 31 марта на всех фронтах подбито и уничтожено 46 немецких танков и самоходных орудий. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было сбито 26 самолетов противника».

Сводка за 4-е апреля сообщала, что войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили освобождение всей территории Венгрии. 8-го апреля сообщалось об окружении Кенигсберга, а 13-го апреля – о взятии Вены.

Служим

А через нашу станцию и мост один за другим шли эшелоны с танками, орудиями, катюшами, которые порой уже не зачехляли брезентом, как ранее, когда это считалось оружием большой секретности, и спешили еще хлебнуть войны, а, может быть, и окропить немецкую землю своей кровью красноармейцы и офицеры, сопровождавшие эту технику.

А мы сидели, дневали и ночевали на своих пушках. Во время дежурств я гонял своих солдат, отрабатывая с ними до автоматизма свои специальности, не жалея ни их, ни себя. Видимо, до меня с ними так не занимались, по крайней мере, зная свою специаль-

ность в довольно узких рамках, они не занимались взаимозаменяемостью. Хотя война и кончалась, но ведь мы не знали, что нам может принести сегодняшняя ночь или завтрашний день? Какие еще испытания?

И я придерживался суворовской поговорки: «Тяжело в учении, легко в бою». А чтобы они, мои солдаты, не считали это моей прихотью, я как-то продемонстрировал, как можно практически выполнить всю работу того или иного орудийного номера, начиная со снаряжения обоими подносчиками, кончая заряжающим, по устранению тех или иных неисправностей. И вроде бы у меня все это получилось, и тогда я сказал, что в моем орудийном расчете все без исключения делали так и даже лучше. И в результате этого азарта соперничества между тремя орудийными расчетами нашего взвода уже на меня втихаря не шипели.

Претворяя в жизнь второй суворовский постулат: «Прежде чем повелевать, сам умей подчиняться», – я требовал беспрекословного выполнения приказаний. Но, думаю, что мой авторитет не страдал от того, что когда давал непродуманное приказание и чувствовал невозможность его выполнения или нелепость команды, то не упирался лбом, а отменял его, пытаясь объяснить причину. Правда, такие случаи были редкими. И, отдавая приказание, я пытался поставить себя на место того, кому приказывал.

В общем, у меня сложились нормальные взаимоотношения с моими командирами орудий и солдатами. Наверное, этому способствовала простота обращения, но в служебном плане – определенная субординация, забота об их быте, неподдельный интерес к их жизни на гражданке и их родителям. Видимо, работа комсорга мне дала какой-то опыт. И надо сказать, что хотя у нас сейчас и несут партию общественные организации, а работа в них учила работе с людьми, без чего нельзя было обходиться в хозяйственной деятельности в те времена, когда хозяйственный руководитель должен был быть не только специалистом своего дела, но и воспитателем вверенного ему коллектива. Это сейчас чистоган заменил все. Сделал – получи. Ну и солдаты мои видели, что я могу работать, когда тащили пушки, не стоял в стороне, когда их спускали с насыпи – подставлял свое плечо.

Дорога к сердцу солдата

Третий суворовский постулат говорил, что путь к душе солдата лежит через желудок, перефразируя, можно сказать, что «голодное брюхо ко всему доброму и хорошему глухо». Питание у нас было неплохим – 1-ая фронтовая категория, да еще солдатики разнюхали, что из Германии, вернее, из трофейных складов, везут кое-что съестное. Банки плавленого сыра, искусственный мед и спирт. И все это в крепости. И вот начали оттуда кое-что тягать, кроме спирта. Так что это вносило какое-то разнообразие в наш рацион. Но, пожалуй, главной базой поставки дополнительных харчей явилась Висла. Находясь чуть ли не в реке, а наша дамба напоминала военный корабль, приткнувшийся к берегу, грех было не воспользоваться ее дарами. И мы иногда начали глушить рыбу. Ребята нашли лодку, подремонтировали ее. И под вечер мои сержанты, Ермак-то вырос на Дону, совершали экспедицию. Швырнут пару толовых шашек, а этого добра было у нас навалом, как и бикфордова шнура всякого, и такого, который горел 1 см/сек, и детонирующего, мгновенного действия. Ну вот, пару толовых шашек – и ведро-два рыбки. Смотришь, и ушицу сварганят наши повара. Одним словом, как у Твардовского.

«Лучше нет простой здоровой
Прочной пищи фронтовой,
И любой вояка старый
Скажет попросту о ней.
Лишь была б она с наваром,
Да была бы с пылу, с жару,
Подобрей, погорячей.
Чтоб она тебя согрела,
Ободрила, в кровь пошла,
Чтоб душа твоя и тело
Поднялися вместе смело
На хорошие дела».

Теркина мы любили. Отдельные части из этой поэмы публиковали в газетах и, конечно, многократно все прочитывалось.

А я получал причитавшийся мне офицерский доппаек: печенье, масло, консервы, – и устраивал иногда коллективное чаепитие со своими сержантами.

Салютуем фрицам

Фронт каждый день отодвигался от нас все дальше и дальше, но в начале апреля он был километрах в двухстах от нас. И, конечно, это был не март, когда он был рядом, и минуты требовались немецким самолетам неожиданно выскочить чуть ли не с набором высоты. Однако дня не проходило, чтобы у нас не объявлялась тревога, и мы часами были в «Положении №1». Иногда слышались глухие разрывы: где-то что-то бомбили. Мы все время ждали ФАУ. К самолетам уже привыкли. Знали, что там люди. И какой бы бесстрашный человек не был в самолете, лететь через сплошные разрывы снарядов при заградительном огне, не всякий осмелился бы, разве что камикадзе. Это, слава Богу, было проверено. А вот как ФАУ? Этот попрет, и остановить его можно только прямым попаданием. Но и нам довелось еще вволю пострелять, только с ФАУ, «к сожалению» (в кавычках), познакомиться не пришлось. Днем немцы не летали. Возможно, что их перехватывали наши ястребки, которые поднимались уже с польских аэродромов. А ночью прилетали, но помогали только глушить рыбу. Правда, собирать нам, к сожалению, ее не приходилось. «Салют» в это время был отменный. Насмотревшись их в Москве, я мог сравнивать.

В Берлин со скоростью 175 м/час

Оперативная сводка Совинформбюро за 21 апреля отмечала, что наши войска завязали бои в пригородах Берлина. Долог был путь от пригородов Москвы до пригорода Берлина – 3 года и 4 месяца. А знаете ли вы, какое расстояние от Москвы до Берлина? И не так-то уж много, примерно 1685км по прямой. А сколько до него шли, сосчитали? Примерно 1215 дней, таким образом, получается всего 1,4 км/сутки или 170 метров в час при восьмичасовом рабочем дне.

Я думаю, что из тех единиц в миллионной армии, штурмовавшей Берлин, кто действительно дошел от Москвы до Берлина, любой согласился бы проползти за эти годы это расстояние по-пластунски. А 25 апреля войска 1-го Белорусского фронта севернее Потсдама соединились с войсками 1-го Украинского фронта, завершив таким образом полное окружение Берлина, а ведя уличные бои в нем, заняли городские районы Трептов и Бриц. А что же делали в это время наши союзники?

В Италии вместе с партизанами теснили немцев, и те капитулировали. 25 апреля был в горах пойман Муссолини и казнен. Успешно шло продвижение союзных войск и в Германии. Во многих случаях немецкие войска оказывали незначительное сопротивление, предпочитая сдаваться им, нежели Красной Армии.

Пасха

В конце апреля была католическая пасха. У нас, в нашей семье, было не принято отмечать церковные праздники, тем более пасху. Но Сашка Ивко – парень пронырливый, делец, познакомился с поляками, жившими вблизи станции, и они пригласили его на пасху. Надо сказать, что он был менее связан с делами на батарее. У нас было и людей больше, и техники, а командир взвода управления и людей имел меньше, и они могли обходиться без него. Я еще расскажу о нем. А сейчас о пасхе. Так вот, получив приглашение, он прихватил и меня. Взвод мой не дежурил, и комбат отпустил нас. Был солнечный теплый день, в шинели даже было жарко. Между прочим, сколько я помню, на пасху почти всегда бывает отличная погода. Наверное, на моей бытности было, может быть, две-три пасхи с плохой погодой. Католическая пасха бывает на несколько дней раньше православной. И вот мы отправились. Прошли по мосту, и где-то вблизи станции находился дом. Хозяйка его – молодая пани, у которой муж где-то затерялся на войне. Пришли еще две пани или паненки и молодой парень. Кстати о паненках.

Когда я впервые услышал слово «паненка», то подумал, что это то же самое, что наше «девчонка», а пани – это «девушка». И к какой-то девушке я обратился «пани» и получил презрительный и уничтожа-

ющий взгляд. Оказалось, что «паненка» – это девушка, а «пани» – это женщина.

Не помню, как звали хозяйку. Может быть Зося, пани Зося, а, может быть, и как-то по-другому. И вот, впервые за всю мою армейскую службу, я сел за стол, накрытый белой скатертью, на которой появилась бутылка с мутноватой жидкостью, и вместо эмалированных и жестяных кружек – рюмки. Сашка сел с пани Зосей на правах хозяина. В общем-то я знал, что это была не первая их встреча. Ну, а меня посадили с какой-то паненкой. Компания через пень колоду понимала друг друга и могла чуть-чуть объясняться, правда, до первой рюмки, потом провозгласив «от хол эра ясна», дело пошло веселее. А в бутылке оказался самогон из бурака (свеклы), а по-польски – бимбер. Как и у нас его гнать запрещали, то есть официально была разрешена водка – монополька, однако бимбер гнали. Вещь была крайне противная, а если пить теплую, то, наверное, лучше выбрать рвотное. Неоднократно мне потом приходилось пить это снадобье, о котором поляки говорили: «Пейте бимбер, господа, бимбер лучше, чем вода», – но я мог спокойно выпить только раз, будь это рюмка или стакан, а потом стоило поднести только ко рту, как возникал рвотный эффект.

Выпили, закусили салом, яичницей, было что-то еще, но яичница запомнилась, так как уже несколько лет не пробовал сего кушанья. Но, видимо, я надежд Сашки и пани не оправдал, больше я в этом доме не был. Но бимбер, как я уже говорил, пил. На продажу поляки в бимбер добавляли карбид. Да, карбид кальция, который используют для получения ацетилена, или махорку. Выпив такого снадобья, человек дурел, но создавалась видимость крепости.

Знамя над Рейхстагом

30 апреля начался штурм Рейхстага, и одним из атакующих подразделений был батальон капитана Неустроева – уральца. Немцы оказывали яростное сопротивление, но преодолевая его, на крыше Рейхстага было водружено Знамя Победы. Гитлер покончил с собой, забрав на тот свет и свою жену Еву Браун. Берлин капитулировал. В ходе этой операции советские войска разгромили 70 пехотных, 12 танковых и 11 моторизованных дивизий. 480 тысяч немецко-фа-

шистских солдат и офицеров было взято в плен. Нелегко нам досталась эта победа. Около 300 тысяч потеряла убитыми и ранеными Красная Армия, а также – огромное количество техники. Москва салютовала героям из 324 орудий.

Но война еще продолжалась. Шли бои на севере Германии, в Карпатах. Тысячи немецких солдат и офицеров складывали оружие. Восьмого мая были взяты Дрезден и ряд городов в Австрии и Чехословакии.

Конец войне

Мы каждый день с минуты на минуту ждали полной капитуляции. 8 мая после обеда я поднялся на насыпь к пограничникам. А мост охраняли наши пограничники и польские солдаты. Пограничники носили форму Красной Армии, а польские солдаты, соответственно, – свою. Но среди этих «поляков», наверное, половина была русских. И вот, как-то один из этих «поляков» мне сказал, что, если нападут аковцы, он бросает конфедератку с «мокрой курицей», так мы называли ихнего орла, напяливает пилотку, которая у него в кармане, и идет к нам. Так вот, встретились с часовым пограничником и поляком, и они мне сказали, что английское радио сообщило, что подписан акт о капитуляции Германии. Мы утром слушали наше радио по рации, была оперативная сводка Совинформбюро, но никакой речи о капитуляции в ней не было. И я, привыкший верить своему радио, своей печати, конечно, не поверил в это сообщение. Однако, уже потом из печати я узнал, что, действительно, немцы подписали акт о капитуляции в г.Реймсе еще 7 мая, но перед Англией и США. Узнав об этом, Сталин заявил, что это предварительный акт. Вынесший главную тяжесть войны Советский Союз считает, что акт должен был быть подписан перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед союзниками. И акт должен быть подписан в Берлине. Вот, видимо, эту информацию о предварительном подписании акта и передало английское радио.

А события развертывались следующим образом. 8 мая в Берлин начали прибывать журналисты. На берлинский аэродром Темпельгоф прибыли представители союзников. Они были встречены генералом Соколовским, комендантом Берлина генерал-полковни-

ком Берзариным. Сюда же, под охраной английских офицеров, прибыл представитель поверженного рейха генерал-фельдмаршал Кейтель со свитой.

В 24.00. в бывшую столовую немецкого военно-инженерного училища в Карлхорсте, в восточной части Берлина, вошли представители Верховного Главнокомандования всех союзников, которые в 0 часов 43 минуты 9 мая и подписали акт о безоговорочной капитуляции. От Советского Союза его подписал Г.К. Жуков, который в своих воспоминаниях и описал, как все это происходило.

На этом закончилась Великая Отечественная война с фашистской Германией, длившаяся 3 года и 11 месяцев.

Ночью 9-го Мая

Но мы всего этого не знали. И, как обычно, наши расчеты дежурили на орудиях, согласно установленному графику. Наш взвод должен был заступать ночью, и поэтому мы с вечера легли спать. И вдруг ночью, часа в 2, раздался сигнал тревоги. Как обычно, в считанные секунды, выскочили из землянок и заняли свои места на орудиях. Где-то со стороны города творилось что-то неописуемое. Шла стрельба, но не из орудий, как при налетах авиации, а из автоматов, пулеметов. Стреляли не только вверх, но пулеметные трассы шли через нас, того и гляди, что кого-нибудь срежут. В воздух летели ракеты. В начале создалось такое впечатление, что это налет бандитских формирований. И сразу же, не дожидаясь команды комбата, я дал команду – приготовиться к стрельбе по наземным целям осколочными снарядами. Стволы пушек опустились на брустверт. Но все-таки что-то в этой стрельбе говорило о том, что это был не бой. Прошло, наверное, полчаса, и стрельба прекратилась, только изредка небо прорезали ракеты. Прозвучала команда «отбой тревоге», но нам уже надо было заступать на дежурство.

Было девятое мая 1945 года, День Победы!

Наш тост «За Родину! За Сталина!»

Часов в 6 утра на батарею пришел замполит командира дивизиона капитан Корнюхов. В связи с тем, что мой взвод был на дежур-

стве, дежурным на батарее был я. Он мне сказал, чтобы я «сыграл» тревогу и дал команду на общее построение. Я был обязан подчиниться, объявил тревогу и доложил комбату о построении. Оставив часового на огневой позиции взвода, я привел взвод на огневую позицию 1-го взвода. Комбат построил батарею, доложил капитану. А он произнес речь, объявил о подписании акта о капитуляции и поздравил всех с окончанием войны. Распустив строй, мы зашли в землянку комбата, старшина принес спирт, и наш первый тост был за Победу, потом молча помянули погибших, и следующий тост был «За Родину! За Сталина!».

Победа, победа, победа!
Гремели в то утро слова,
Победа, победа, победа!
Кружилась от них голова.
Мы знали, что будет победа,
Но только не знали когда.

Ю.Б. Левитан

Часов в 8-10 утра слушали, как Левитан читал Акт о военной капитуляции германских вооруженных сил, Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 Мая Праздником Победы. Кстати, в 80-ом году, готовя торжественное собрание и вечер, посвященный 35-летию Победы, я обратился с письмом к Юрию Борисовичу Левитану с просьбой прислать пленку с чтением им по радио Указа о празднике Победы. Левитан ответил нам следующее: «Уважаемые товарищи! Смородинников, Шабалин! К моему сожалению, мы не можем выполнить Вашу просьбу. Всесоюзное радио иногда, только в исключительных случаях, для музеев, кинофильмов делает копии документов Великой Отечественной войны. Не обижайтесь. Сердечно поздравляю Вас, сотрудников института с Великим праздником – 35-летием Победы. Успехов Вам, творческих свершений и многих радостей! С уважением, Ю. Левитан. 24.03.80.». Вскоре Левитан умер.

Завтрак задержали: хотелось что-то приготовить повкуснее. Старшина раскололся и выдал весь свой спиртовой запас. В общем-то, для него в этом плане больших проблем не было. Спирт

доставали в крепости, куда шли цистерны из оккупированных районов Германии. Выпили и дали салют из всех орудий батареи, за который, правда, потом получили втык от командира дивизиона.

Самая короткая сводка Совинформбюро

Германия капитулировала, но война ведь еще продолжалась, еще гибли наши солдаты. Еще в оперативных сводках Совинформбюро за 10, 11, 12, 13, 14 мая наряду с сообщениями о трофеях, говорилось о занятых населенных пунктах в Чехословакии, о взятии островов на Балтике. Еще очищались территории Австрии от разрозненных групп немецких солдат. А мы еще по-прежнему дежурили на пушках.

15 мая была самая короткая сводка Советского Информбюро. Она гласила: «Прием пленных немецких солдат и офицеров на всех фронтах закончен». Советское Информбюро прекратило свое существование. И мы поверили, что война действительно закончилась.

Переходим на мирные рельсы

Да, война окончилась. Мы больше уже не ждали налетов немецких бомбардировщиков, не прислушивались, напрягаясь и стараясь уловить знакомое завывание Юнкерсов, Дорнье, Хенкелей, Мессеров. Но нас не торопились снимать с наших объектов. Мы продолжали их охранять. Только теперь стволы наших орудий смотрели не вверх, и ориентиры для стрельбы были на другом берегу Вислы. А возможными объектами – аковцы или бандеровцы. Конечно, и распорядок у нас изменился. Кончились ночные дежурства. На ночь выставлялись усиленные караулы. Один из офицеров был дежурным по батарее, отвечал за охрану, поддерживал связь с дивизионом, с полком, с наземной охраной. Обычно с дежурным офицером дежурил кто-то еще из сержантов. Проверив посты, можно было посидеть в землянке связи, потрепаться с офицерами других батарей, с которыми успел уже познакомиться, узнать последние новости. Начался нормальный распорядок с подъемами, отбоями,

физзарядкой, занятиями по материальной части, политзанятиями, строевой подготовкой. Зачастили к нам всякие поверяющие из дивизиона, из полка. Уже требовали конспект, например, по проведению политзанятий. Стали больше следить за внешним видом солдат, напоминая, что мы находимся за границей. Появилась возможность бывать в городе, на станции, в частях на других батареях.

Взялись и за офицеров. Вдруг как-то всех офицеров, кроме дежурных по батареям, вызвали в штаб полка. Заместитель по строевой комполка построил всех офицеров. Вышел командир полка и начал проверять – у кого наличие носового чистого платка, у других – насколько хорошо почищены сапоги, подстрижены ли ногти. И я помню, как он какому-то офицеру, у которого, видимо, на ногтях была «траурная» кромка, выдал пушкинское: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Видимо, с той поры у меня появилась привычка следить за ногтями. Было, наверное, неудобно тем офицерам, которые вынимали из кармана далеко не первой свежести носовые платки. Ну, оружие личное, конечно, было у всех в порядке. Его также проверяли. И вот такие смотры стали привычными. Наряду со строевой подготовкой проводились политзанятия, которые давали инструктивный материал для занятий с солдатами.

Получали мы денежное довольствие, полагающееся по должности, его можно было класть на сберкнижку или, выписав денежный аттестат, отправить жене или матери. Я послал его маме, и она с гордостью получала деньги по аттестату и клала их на сберкнижку. Эти деньги помогли мне потом в первые годы учебы. Но сверх оклада должностного, или 50%, или даже 100%, уже точно не помню, за границей денежные средства выдавались в валюте, мы получали злоты.

Офицеры дивизиона

Как-то мы сфотографировались, офицеры дивизиона. К сожалению, это были не все, кто-то ведь должен был быть на батареях. Но фотография сохранилась. И я все-таки перечислю тех, кто на ней изображен.

Командир дивизиона – старший лейтенант Стукалин, его замы – старший лейтенант Чхеидзе, старший лейтенант Еременко, замполит Корнюхов, комсорг дивизиона – сержант Кроль. Офицеры батареи: лейтенант Булатников, младший лейтенант Кутолкин – с ним младший лейтенант Корнеев, лейтенант Иванов, младший лейтенант Балабанов, младший лейтенант Лукьянов, старший лейтенант Мельников, младший лейтенант Слюсаренко, старший лейтенант Ковыршин, лейтенант Ращевский и я. С одним из них, Виктором Кутолкиным, жизнь нас свела еще и дальше, и мы продолжительное время были вместе, а с другими я больше уже никогда не встретился.

Девушки и Екатерина Секонд

В нашей батарее было несколько девушек. Я об этом еще не говорил. Когда я появился на батарее, то чувствовал, что меня разглядывают и обращают на меня внимание. Но заботы, свалившиеся на мою голову, поглощали полностью.

И вот как-то ночью, в марте, когда мы курсировали по Польше после дежурства, я зашел в тот дом, где спали солдаты. Конечно, все лежали вповалку. Я снял портупею с пистолетом и смотрел, куда бы мне приткнуться. И вдруг увидел глаза, смотрящие на меня, и услышал шепот: «Товарищ младший лейтенант, ложитесь рядом!». И видя, что я колеблюсь, пытаясь все-таки найти, куда бы лечь, насмешливый девичий голос прошептал: «Да не бойтесь Вы. Я Вас не съем». Я снял шинель и телогрейку, которая была под шинелью. Положил пистолет в головах, телогрейкой укутал ноги девушки, так как ее шинель сползла с них. Лег, что оказалось сделать не так-то просто, ибо пространство между девушкой и лежащим рядом бойцом было явно уже по размеру односпальной кровати. Накинул свою шинель на нее и на себя. Получил «спасибо» за укутанные ножки. А это было проверено, когда укутаешь ноги телогрейкой, сразу становилось теплее не только ногам. Она, а это была сержант Катя Рехтина, взяла в свои теплые руки мои и прошептала: «Ледышки!». И я как-то сразу согрелся. Видимо, кто-то еще приткнулся в эту кучу-малу, а, может быть, богатырски раз-

вернулся, но нас прижало тесно друг к другу, и мои руки уже не находили себе места, и я обнял Катю рукой, а она ее не сбросила. Было тепло и уютно, и я вскоре уснул, как провалился. Проснулся рано утром, Кати рядом не было, но было уже светло. И вдруг появилась она, веселая и со смехом сказала мне, что она одела под шинель мою телогрейку, потому что не хотела меня будить, чтобы из-под головы доставать свою. Мы поменялись, и я ощутил в моей телогрейке ее тепло.

Больше как-то мы с ней не соприкасались столь тесно, как в ту ночь. Но уже в Демблине дежурил ночью мой взвод, и я поднялся в нашу маленькую землянку связи. Там дежурила Катя. Мы с ней разговорились. Оказалось, что она с Алтая, из Кемерово. Работала на хлебозаводе, в 1942 году вышла замуж, но мужа буквально через неделю взяли в Армию, и он вскоре погиб, она получила похоронку и тогда попросилась на фронт. Подучившись на связиста, попала в часть, была награждена, а в этой части, как и я, находилась недавно. Ну, а я, естественно, рассказал о себе. Беседа наша носила какой-то доверительный характер. Я чувствовал, что нравлюсь ей. А я в свою очередь любовался ее фигуркой, в ладных, хотя и кирзовых сапожках, голенища которых соблазнительно обтягивали плотные икры красивых ног.

Девушки и паненки

Весна брала свое, да и война закончилась. Я смотрю: вскоре всех наших девушек расхватали. К комбату зачастила Аня Гордеева – младший сержант, москвичка. Невысокого росточка, очень миленькая, со светлыми волосами, а комбат был жгучим брюнетом с черными цыганскими глазами. С Аней у меня сложились хорошие отношения, она нравилась мне, и я называл ее «сестренкой», а она соответственно называла меня «братишкой». У Толи Балабанова появилась Машенька, но она была в штабе дивизиона и частенько приходила к нам. А Сашка Ивко продолжал укреплять интернациональные связи, похаживая к полячке Зосе. Правда, мы его уговаривали не делать этого, потому что местные могли рога ему обломать, муж мог найтись, да и не очень благосклонно наше

начальство относилось к связям с населением, и «СМЕРШ» мог заинтересоваться этим случаем взаимной симпатии. Но Сашка плевал на все. Вообще, надо сказать, что выходя в город, мы чаще видели польских женщин. И надо отдать должное, что среди них много было даже очень недурных собой особ. Красивые лица, точеные фигурки с красивыми ногами, но эти ножки, прямо скажем, уродовала обувь. Ей бы туфли на высоком каблуке, а тут – что-то вроде танкеток на деревянной подошве, от которых шел стукоток, как от траков танка. Однако наши девчонки все равно с завистью провожали этих паненок, одетых в легкие летние платья. Юлия Друнина писала:

«Нет, в гимнастерках,
Не в капронах
И не на танцах, а в бою,
В снегах, войною опаленных,
Ты юность встретила свою».

Но и из гимнастерок пытались что-то сделать женственное, подшивая их, и юбки делали покороче, и тогда ножка, хоть и в грубом кирзовом сапоге, но плотно облегающем ее, уже смотрелась по-другому. А, если еще сделать модную по тем временам прическу, примерно как у Марии Рёкк из «Девушки моей мечты», да кокетливо надеть беретик, да, в нарушение уставной формы, в карманчик гимнастерки на груди положить выглядывающий платочек, то и наши девчонки становились «девушками моей, его мечты». В общем, все, кто мог и кто нашел в кого, влюбились. И, конечно, из начальства уже никто не сетовал на это. Девчонок вот-вот могли демобилизовать.

Катюша

Я даже не знаю, очень ли мне нравилась Катя. Она не была красивой, но ведь молодая девчонка, если не уродина, то уже красавица. Фигура у нее была неплохая, но, наверное, склонная к полноте, немного, пожалуй, широковатое лицо, высокая полная грудь. В общем, девчонка в норме. На батарее оказался патефон, его где-то прятал старшина. Да и демонстрировать его было с нашими пе-

реездами негде. И вот он его вытащил в день Победы, 9 Мая. Это был солнечный теплый день. Я уже писал о нем, и вечером мы организовали танцы. Все были уже в приличном подпитии. Но какое настроение у всех, сколько радости, задора, оптимизма! Я думаю, что если бы все это сложить, то одной нашей батареи хватило бы осчастливить теперешние хмурые лица целого города. Земля уже подсохла. И хотя я был подшофе, танцевал с Катей и все-таки мог передвигать ногами. Но, как и все девчонки, она была нарасхват. Танцевал с кем-то из своих солдат, такие танцы у поляков назывались «забавой», все закончилась только в 24 часа. Но мы еще долго сидели с ней у моей землянки, накинув на плечи мою шинель, слушая плеск набегавшей волны, любуясь лунной дорожкой на Висле. И этот вечер окончательно сблизил нас. В общем, у меня Екатерина секонд (вторая). Везет на Катек. Сейчас внучка моя – милый, рыженький комочек – тоже Катенька.

Погода установилась отличная, все цвело и благоухало. Недалеко от нашей позиции была какая-то брошенная усадьба, вокруг которой фруктовые сады, покрытые бело-розовой кипенью – цвели яблони и вишни. Мы частенько ходили туда гулять.

Мы – заводы, американцы – патенты

Это был курорт. Питались мы очень даже неплохо. Нашему рациону помогала крепость. Мы пользовались кое-какими продуктами, которые теперь уже везли из Германии. Была это мука и крупа. Надо сказать, что пошли эшелоны с техникой. Везли демонтированные заводы. Вот ведь как: мы везли в Союз старые немецкие станки, а американцы – патенты и ученых. У нас ведь о патентах-то многие и слыхом не слыхивали. И этим демонтажем заводов мы помогли скорее не себе, а немцам, так как на месте наших старых предприятий мы строили новые со старой технологией и устаревшей немецкой техникой, а немцы, получив займы у Америки и Англии, восстанавливали свои заводы на новой основе. Для демонтажа немецких заводов отправляли советских инженеров, специалистов, одевая на них погоны.

Рыбалка

Помогала нашему питанию и Висла, мы продолжали заниматься браконьерским ловом, угощая ушицей или жареной рыбкой приходящих к нам в гости офицеров из дивизиона и других батарей. Однажды эта «рыбалка» чуть не вышла нам боком. Где-то мы подобрали мину от немецкого «ванюши». В противовес нашей «катюше», нашей, а не моей. Немцы в конце войны применяли шестиствольные минометы, которые солдаты прозвали «ванюша». Мина была довольно тяжелая. Приспособив к ней большой эбонитовый детонатор, я поехал сам с кем-то на рыбалку. Но одно дело глушить толовой шашкой, зажег шнур, бросил шашку и отъезжать не надо. Сила взрыва не такая уж большая. А тут зажгли и давай перевалливать мину через борт, лодка зачерпнула воды и чуть не перевернулась, а шнур-то горит. Лихорадочно гребем, чтобы отъехать как можно дальше. Взрыв выкинул столб воды метров на десять, а, может быть, и больше. Думали: соберем рыбки, но увы, наверное, побило ее много, и она вся затонула. Больше таких массовых взрывов не производили.

Армейский курорт

Вода прогрелась, и мы купались. Но ведь трусов у нас не было, а плавок – тем более. В армии на вооружении были только кальсоны. Катя сшила мне трусы, конечно вручную, швейной же машинки не было. И в летний день я мог даже позагорать. Как я уже говорил, что к нам зачастили всякого рода проверяющие но чтобы попасть на батарею, надо было пройти по мосту. И ребята-пограничники, при появлении такого проверяющего звонили нам, и мы всегда были готовы во всеоружии встретить любую проверку.

Утро у меня начиналось с физзарядки, потом я купался. День проходил в занятиях с солдатами. Вечером устраивали танцы. Старались только, чтобы солдаты поменьше покидали расположение батареи. Этому меня научил и мой собственный опыт.

Война закончилась, но стреляют и по нам

Занятия офицерского состава в масштабе полка продолжались. И мы обычно втроем, оставив кого-то на батарее, отправлялись в штаб полка. Так получилось и на сей раз. Но в связи с тем, что мы отправлялись втроем, взяли с собой еще сопровождающих. Так как занятия начинались во второй половине дня, окончились они довольно поздно. И когда мы уже собирались уходить, меня задержал заместитель командира полка по политчасти – майор Скопич. Интересный был мужик, белорус. Он обычно начинал нас воспитывать такой тирадой: «Офицеры ничего не делають! Сплять! С солдатами не занимаются! Над собой не работають!». И как только звучала эта фраза, то сразу раздавался дружный смех, так как «работать над собой» на нашем жаргоне называлось «придавить минут на 300 свое ложе». Задержал меня на какое-то время майор, а Толя и Сашка ушли, думая, что я с кем-то ушел из дивизионных офицеров. А на батарею надо было из полка идти через расположение дивизиона. Стемнело. По обе стороны дороги сплошной стеной стояли деревья. Наслушавшись всяких рассказов о нападении аковцев и о зверствах, которые они чинили над захваченными военнослужащими Красной и Польской армий, я вынул пистолет из кобуры, загнал патрон в патронник и сунул пистолет в боковой карман шинели. Я шел по обочине дороги, изредка прислушиваясь к звукам, доносящимся с дороги и из леса.

Вдруг впереди раздалась автоматная очередь – это стреляли по мне. Пули просвистели прямо над головой. Меня, как ветром, сдуло с дороги. Я нырнул в кювет, как это делал когда-то, ныряя в пруд. И тут же выхватил из кармана свой ТТ, разрядил всю обойму в том направлении, откуда стреляли, и только тогда очухался, так как все, что делал до этого, было подсознательно, интуитивно. Первой мыслью было отползти от того места, откуда стрелял, что моментально и сделал, отполз вперед метра на два-три. Ладно, кювет был сухой и даже поросший травкой. Вторая мысль была – перезарядить пистолет, потому что он был разряжен. Тихонько достал из кобуры вторую и последнюю обойму и загнал ее. Раздалась еще очередь. Пули шлепались где-то в стену кювета. Я больше не стрелял. Рассу-

док подсказывал, что это у меня последняя надежда. Еще немного прополз, прислушиваясь, но было тихо, и вдруг услышал приближающийся топот шагов, который нарастал. Чувствовалось, что по дороге бежало несколько человек. Постепенно я стал различать силуэты солдат. Тогда я поднялся. Штаб дивизиона был близко. Услышав стрельбу, по тревоге подняли дежурное подразделение. Прочесав около дороги лес, конечно, никого мы не обнаружили.

И на этот раз оказался я счастливым. Мой Бог, как говорят, кому уготовлено быть повешенным, не утонет. Этот случай со мной в какой-то мере явился предупреждением для нас – по одному мы больше не ходили, но он способствовал и другому эпизоду, когда знакомые ребята-пограничники узнали об этом инциденте, они мне подарили маленький бельгийский браунинг. Этого барахла, то есть всякого немецкого оружия, в крепости было много. Трофейное оружие увозили на переплавку. Его разукомплектовывали, но, покопавшись, можно было собрать вальтеры, парабеллумы и браунинги. Этот был дамским, маленьким. Его можно было положить в карман гимнастерки или задний карман галифе, а чтобы он не обрисовывался, прикрыть записной книжкой. Конечно, это был не ТТ или парабеллум, но на близком расстоянии нападающего можно было продырявить.

Спирт, как и водка, бывает хороший и очень… плохой

Раз уж я коснулся крепости, я еще расскажу кое о чем, что было связано с крепостью.

В крепость приходили цистерны со спиртом. Правда, на них было написано «Яд». Но спирт везли этиловый и метиловый. Нам подсказывали, где взять этиловый, и он был у нас, но мы не злоупотребляли этим. Правда, однажды произошел такой казус.

Это было летом, стояла жара, и я заскочил в землянку к ребятам (Толе и Сашке). На столе стоял графин, я налил содержимое в кружку и, сгорая от жажды, одним махом сделал глоток. Дыхание перехватило, глаза вылезли из орбит, и я, как рыба, вытащенная на берег, стоял с открытым ртом. Ребята сначала схватились за жи-

воты, но потом, по-моему, испугались, начали колотить по спине, подсунули котелок с холодным чаем. Я отошел. Теперь уже понятно, что в графине был спирт. Но, как видите, я остался жив. Но не всегда истории со спиртным из Германии заканчивалось так благополучно. Дело в том, что непосредственно охраняя мост и крепость, и приобретя друзей среди пограничников и польских солдат охраны, мы имели вход в крепость и пользовались этим.

А другие-то бойцы не имели такой привилегии. И вот какой случай произошел в одной из наших батарей. Кто-то пронюхал, что на станцию пришел состав из Германии и цистернами со спиртом. А их можно было отличить, так как по размерам они были меньше. Была организована экспедиция, в которую вошли: командир взвода – младший лейтенант, два сержанта и старшина. Кто-то из них забрался на цистерну, откинул крышку, зачерпнул кружкой содержимое, попробовал и издал клич: «Ребята, это ликер!». Начерпали в емкости, пришли на батарею и врезали. Но ликер-то оказался, как его называли летчики: «Ликер шасси». Я не знаю, как его пила авиация, но артиллеристам явно не повезло – трое из них отправились к праотцам. Это был антифриз – жидкость для охлаждения двигателей.

Из крепости же ребята приволокли мне напольные часы с боем и перину. Часы пришлось презентовать заместителю командира дивизиона, а перина осталась. А ведь поляки, да и многие люди за рубежом, не только спят на перинах, но и вместо привычного для нас одеяла, одеваются периной. И я уже спал не одетый.

В городе. Бдительность, всегда ли она нужна?

Лето было в разгаре, и в противоположность прошлогоднему (1944 год) на Волхове, было солнечным, ласковым, с изредка перепадавшими грозовыми дождями. Мы иногда выходили в город, чтобы поглазеть на открывшиеся магазины, в которых можно было все купить. Поражали продуктовые, где висели колбасы, окорока, но, удивительно, что не было нашего черного ржаного хлеба. Наряду с пшеничным был пеклеванный. Мне говорили, что он из ржи, но тонкого помола, и был он белый пышный. Однажды мы попали

даже на какое-то гуляние. Народ крутился, танцевал. Порой молодые ребята, как это бывало и у нас, начинали разборку, что-то и кого-то не поделив.

Модной одеждой были военные брюки, галифе или бриджи защитного цвета, хромовые сапоги – бутылки. Если у наших хромовых сапог голенище было мягкое, и даже некоторые гражданские носили сапоги гармошкой, то у поляков, как и у немцев, голенища были твердые и стояли. Поверх обыкновенной рубашки мы одевали гражданский пиджак. Были и польские военные, демобилизованные, в форме, но без погонов, и разряженные, как фазаны, польские офицеры ходили с аксельбантами, в конфедератках, расшитых шнурами. Насколько тогда наша форма простенько смотрелась. Нас было трое. И вдруг к нам подошел один гражданский парень и заговорщически сообщил, что вот тот пан, и указал на него: «моет пистоль». Взяв его под наблюдение, мы нашли патруль польский и сказали, чтобы ребята проверили документы у того пана. Ведь на гулянии, как и на «забавах», частенько оказывались аковцы, вылезая из лесов. Патруль прихватил его. Мы стояли рядом, готовые оказать помощь. Но как ругался тот поляк в адрес патрульных. Тут звучало излюбленное польское «Пся крев! Холера ясная! Курва его мать!». Видя, что мы наблюдаем, расправившись с патрулем, показав им какие-то бумаги, он подошел к нам и сказал, что он из Госбеспеки (наше КГБ), и вел за кем-то здесь наблюдение, а патруль расшифровал его. Возможно, что и нас прикупили, подсказав и показав его. Но у нас не было полномочий проверять документы, поэтому и передали его патрулю.

Ругаются ли поляки?

Раз уж я завел разговор о ругани, то должен сказать, что ее можно было часто слышать, правда не столь изысканную, как у нас. Они ругались: «Матка Боска, Ченстоховска, Езде Мария, Пся крев!». Часто поминалась и «дупе» – задница, и «фурманка» – телега. Но, когда надо было «отделать под орех», поляки переходили на русский мат, и на этом соло или диалог заканчивался. Расхожей и заученной фразой у поляков, не знающих русского, был ответ:

«Ниц нема, пшиска Герман забрав! Трохи было, русский жёвниж взяв» (Нет ничего, все немец забрал! Немного оставалось, русский солдат взял».

Даже у нас такой анекдот был: обращается русский солдат к полячке и спрашивает, где уборная? И получает ответ, приведенный выше.

Потсдамская конференция

В конце июля состоялась встреча глав правительств трех держав в Потсдаме, так называемая Потсдамская конференция. Конечно, мы не знали, что готовится такая конференция, но был приказ – усилить охрану, вплоть до того, что одно орудие должно было круглосуточно дежурить. Но Сталин, вернее его поезд, по нашей дороге в Берлин не проехал. Видимо, ехал через Брест. Мы наблюдали за ходом конференции. Опять остро разгорелась борьба по вопросу границ Польши на западе. По советскому предложению она прошла по Одеру, Нейсе. Часть Пруссии отходила к Польше, она получала выход на Балтику.

Участники конференции согласились и с тем, что с передаваемых Польше немецких земель население будет перемещено в Германию. Поляки отыгрались за унижение, за концлагеря, которые раскинулись по Польше. Рассказывали, что поляки приходили в деревню и чуть ли не за воротник вытряхивали немцев с их насиженных мест, давая взять только то, что можно унести. Немцы – дисциплинированная нация и, потерпев поражение, считали, что они должны отвечать, поэтому с покорностью это все воспринимали. Но, я думаю, что придет время, и немцы напомнят полякам об этих землях. Однако в Польше не будет «оккупантов», как величали русских, и защитить поляков будет некому, и снова проливать русскую кровь за дядю, дураков не найдется. И тогда уже немцы будут выкидывать «пшеков» на их исконные земли на Востоке.

Германия оккупировала многие государства, и должна была компенсировать ущерб, причиненный союзникам. Но, как мы вскоре увидим: народ поверженной страны будет жить лучше победите-

лей, и побежденные, в ущерб себе, будут создавать все условия немцам. А пройдет 45 лет, великий русский народ – народ-победитель будет принимать нищенскую милостыню у побежденного, чего, наверное, никогда не знала история всемирной цивилизации.

Потсдам возвестил также о том, что у американцев появилась атомная бомба. И, как сказал Трумэн, у него появилась дубина для русских парней. Обратно Сталин ехал так же – не по нашей дороге. Интересно, что снимать Потсдамскую конференцию из советских киношников разрешили только С.А. Герасимову. Об этом он как-то рассказывал мне при очередном приезде в Свердловск, и о том, как гонял всех начальник охраны Сталина, генерал Власик.

Наши прогулки

Вишневый сад, где мы бывали весной, покрылся спелыми вишнями, и мы с Катей частенько бывали там, лакомясь ягодами, или шли стрелять из браунинга и ТТ в насыпь железной дороги, расположенной около сада. И там как-то я увидел поляка, который косил траву. У меня появилось желание – покосить. Подошел к нему и попросил одолжить косу. Поляк был удивлен. Ведь в их понятии, «пан поручик» – это белая кость, и вдруг коса. Отдав Кате портупею с пистолетом, я начал махать косой. И, кажется, у меня получалось неплохо. Пан сидел и только цокал языком. Наверное, малость вырос я и в глазах у своей спутницы.

Бывали мы с ней и на станции. Просто было интересно пройти по перрону. Это напоминало мне Каменск, где люди ходили просто прогуляться к поезду на Синарскую Первую. Иногда мы там слушали радио. Я, как сейчас, помню одну передачу, оставившую след в моей памяти. Это была передача о Горьком и Шаляпине, об их дружбе. О том, что как-то, будучи в гостях у одного купца – мецената в Нижнем Новгороде, Шаляпин захотел петь, а инструмента у него не было. И тотчас же рояль был куплен и привезен, и Шаляпин запел. А когда кто-то взглянул в окно, то оказалось, что вся улица запружена людьми, слушающими этот импровизированный концерт.

Мимо нас идут разные поезда

А на Восток один за другим шли эшелоны. Везли, как было сказано, заводы, станки, немецкую военную технику в мартены, продукты. Но, пошли и войска. Образовался статус наших войск. В Германии части и соединения Красной Армии называли «оккупационными войсками», и командовал ими в 1945 году Г.К. Жуков. Находящиеся в Польше наши войска вошли в Северную группировку войск, во главе которой стоял Рокоссовский, который сам попал на фронт из концлагеря, не чуждался на своих фронтах штрафников, штрафных батальонов и рот. В штрафбатах были только разжалованные офицеры, в ротах – солдаты, сержанты и уголовники из тюрем. И для всех штрафников была одна цель – смыть вину своей кровью, как-то даже стали их называть «рокоссовцами».

Так вот, на Восток пошли эшелоны, поехали первые демобилизованные. Эти поезда шли, украшенные лозунгами, флагами, надписями на вагонах. В раскрытых настежь товарных вагонах стояли, облокотившиеся на перекладину, пожилые, а тогда казалось, старые воины, усатые и без усов, с медалями во всю грудь и без них. Обычно поезда через мост и по путям возле него шли медленно, можно было даже спрыгнуть на ходу на землю и заскочить в вагон. Но шли и другие эшелоны – с танками, пушками, катюшами и солдатами – ехали на Восток.

Мы все знали, что недалек тот день, когда начнется война и там. Туда же шли поезда с разухабистым народом, который предлагал ехать с ними, видя наших девчонок. Это были «рокоссовцы». Рассказывают, что их пытались пропускать по зеленой улице, а если этот состав останавливался на какой-то станции, то от станционных киосков и магазинов оставались одни полки. Старух, приносящих к поезду горячую картошку, а порой и пайку хлеба, которую они меняли на мыло, солдатские кальсоны или на трофейное шмутье, при появлении таких составов как ветром сдувало с перрона – «рокоссовцы» едут.

Шли и пассажирские поезда, правда, не очень часто. Польский вагон имел не два выхода, как это привычно для нас, а каждое купе имело выход на улицу, поэтому вдоль вагона были сплошные сту-

пеньки. Ранее они не прятались, как теперь, за дверью. Поезда были набиты под завязку. Люди ехали на крышах, ступеньках, и состав был облеплен людьми, как снежный ком снегом. Шло великое переселение народа. На Запад ехали французы, итальянцы из лагерей, поляки, возвращающиеся в Польшу из Союза. На Восток стремились поляки, после репатриации, из Германии. Ехали и наши русские, украинцы, угнанные в Германию. Ехали и на житье в Союз украинцы, прожившие всю жизнь в Польше, а после войны рискнувшие вернуться к родимым пенатам. Конечно, курсировали туда и сюда спекулянты – мешочники, везущие в города продукты питания. Учитывая, что границы на Западе были практически открыты, предприимчивые поляки пробирались в Берлин, где за кусок сала можно было приобрести любую вещь, драгоценности и даже даму поверженной нации.

Собираются девушек демобилизовать, а меня – женить

Началась демобилизация из армии. Демобилизовали солдат старших возрастов, специалистов народного хозяйства (инженеров, учителей, агрономов), студентов высших учебных заведений, которые были призваны во время войны, и девушек. Даже примерно были указаны сроки, когда наши девчонки должны были отправиться по домам, – это начало августа. Разговор уже был у девушек о доме, они делились своими планами. Ряд офицеров решили зарегистрировать браки со своими любимыми. И, надо сказать, что это в полку поощрялось. Дыма без огня не бывает, и о нашей дружбе с Катей знали не только в дивизионе, но и в полку. Как-то вызвал меня к себе замполит командира полка майор Скопич. И разговор пошел без обиняков. Он сказал, что в полку знают Катю, и если мы поженимся, то нам помогут с обустройством, и если даже ее демобилизуют, то устроят вольнонаемной в части. Я сказал, что мы подумаем. Но, буквально на другой день, меня пригласил к себе командир дивизиона старший лейтенант Стукалин. Он начал с того, что слышал о моем сватовстве от замполита, и, не хуля невесту, заявил мне, чтобы я не выдумывал это делать. «Ты еще молод, и вся твоя

юность прошла в армии, – говорил он, – поэтому брак не принесет вам счастья, твоя избранница не откажется от детей, они у вас сразу же появятся, так как Катерина стосковалась по дому, по уюту». Он много приводил мне всяких доводов, и одним из них было то, что мне надо учиться, идти или по военной стезе, или на гражданке. Вот так и закончилась «про и контра» сватовства.

Сказать откровенно, что я особо не горел желанием связать себя семейными узами, но какая-то мыслишка была, и если бы меня придавили, то, возможно, сделал бы эту нелепейшую ошибку. Разные мы с ней были, все-таки, люди. Меня тянула учеба, на гражданке же с семьей это делать было бы трудно. А в Армии, я чувствовал, что это было бы в те времена невозможно: в академию шли с большими звездами. Оставаться же с тем багажом, который был у меня, то есть с курсами, даже без нормального училища – это значило бы – прозябать где-то в ранге «взводного Ивана». Наверное, ее это бы устроило, хотя кто его знает? В общем, у нас состоялся разговор. Я чувствовал, что она стать женой не возражает. И тогда я начал приводить различные доводы, что ее здесь не оставят, а судьба нашего полка неизвестна. Может быть, мы загремим на Восток. Говорил ей и об учебе, а это, значит, опять мотаться где-то без своего угла. В общем, решили, что ей надо ехать домой, устроиться с работой, бытом и как-то осмыслить: можем ли мы жить друг без друга. Вроде бы, Катя со всем согласилась, однако мне сказала, что единственное, о чем жалеет, что уезжает домой без моего ребенка.

Прощание

Наступил день отъезда. Все девушки полка пришли на станцию. Не было ни одной, чтобы ее кто-то не провожал. Поезд еще не подошел. И каждая пара пристроилась, где могла. Был солнечный жаркий день. Мы сидели у каких-то кустиков на Катюшкиной шинели. Она положила голову на мои колени. Изредка всхлипывая, говорила мне, что чувствует, что это наша последняя встреча. Сердце щемило, и, хотя я пытался как-то уговаривать ее, но сам особенно не верил, что мы будем вместе. Рано мы с ней встретились, и молод

я был для нее. Мне казалось, что в ней ко мне больше материнского чувства.

Ну, вот и поезд. Это были те же самые телячьи вагоны. И, видимо, этот эшелон был сборным. Построили девушек. Командир полка произнес речь, поблагодарил за службу. Потом на несколько минут все смешалось: последние поцелуи, слезы. И вот они уже в вагонах. Поезд тронулся и медленно шел по мосту, а вот и батарея, и над мостом пролетела очередь снарядов. Это дали прощальный залп наши орудия. Залп – в честь всех девушек полка, за их нелегкую мужскую службу, за все лишения и тяготы войны, перенесенные ими, за их женственность, не дававшую огрубеть нашим юношеским сердцам! «Они исполнили солдатский долг суровый и до конца остались Родине верны». Уехали Аня и Маша.

С Катей мы действительно больше не встретились. Я получил от нее несколько писем на адрес полка и написал ей. А потом наш полк расформировали. Об этом еще будет мой рассказ. И адреса у меня не было. Она написала моей маме, у нее был ее адрес. Но та решила посоветоваться со мной и не ответила ей. Правда, написав мне об этом, как преподаватель русского языка, отметила сделанные в ее письме ошибки. В общем, наша переписка прервалась. Конечно, я в какой-то мере чувствовал свою вину в этом. Но ей Богу, мне было рано жениться! Я решился на этот шаг только спустя шесть лет. Ну, а Катя! Я думаю, что утешилась. Женщина она была энергичная, партийная, нашла приложение своим силам в сфере обслуживания или торговле. Но вряд ли где-то серьезно училась. Вышла замуж за человека старше себя, нарожала детей, но, думаю, что все-таки изредка вспоминала свою юношескую, хотя и не первую любовь…

Много лет спустя мне пришлось быть в Новокузнецке и Кемерово, в адресной справке, куда я обратился, «Екатерина Рехтина» не значилась. Не знаю, как сложилась судьба Ани Гордеевой – сестренки, как я ее называл. Ни с ней, ни со своим комбатом Ковыршиным, я не встречался. Но, однажды в Кисловодске, в семидесятых годах, в одном из ресторанов, я обратил внимание на подгулявшую компанию. Может быть, это была группа из какого-то санатория, а, может быть, и семейные пары. Но одна из женщин была очень похожа на Аню. Я, разглядывая ее с учетом прошедших лет и неумолимости

времени. Постеснялся я тогда подойти и спросить, а сейчас жалею. В День Победы в месте встречи ветеранов зенитно-артиллерийских частей, я дважды вывешивал плакаты с указанием своего телефона и фамилий тех, с кем бы я хотел встретиться, но никто не откликнулся.

Несостоявшееся путешествие на Дальний Восток и конец Второй Мировой

Пламя Второй Мировой войны все еще бушевало на Дальнем Востоке. Однако с капитуляцией Германии, Япония осталась последней державой фашистского блока или, как ее в свое время называли, «осью Берлин-Токио-Рим». Потсдамская конференция записала, что Советский Союз через два-три месяца после разгрома Германии вступит в войну с Японией. И подготовка к этой акции началась еще в ходе войны. А, как я уже говорил, в июне-июле один за другим шли эшелоны с воинскими частями на Восток: сия доля не миновала и нас. Только успели проводить девушек, и нашему полку была дана команда – приготовиться к погрузке для отправки на Дальний Восток.

Покинув наше очень даже неплохое жилье и «курортную» житуху на берегах Вислы, мы выставили свои орудия на погрузочной площадке. Зрелище, конечно, впечатляло, когда в одну линию стояло сто орудий. Было это в начале августа.

Шестого августа американцы сбросили атомную бомбу над Хиросимой, а девятого августа вторая бомба поразила Нагасаки. В этот же день СССР вступил в состояние войны с Японией. В эти же дни мы и должны были погрузиться, но прошел день, два, а составов, чтобы погрузить полк, не было. Две ночи мы как-то перекантовались, но ведь надо было отдыхать где-то и как-то. Палаток на всех явно не хватало. И тут проявилась солдатская находчивость. У погрузочной площадки лежал большой штабель железнодорожных шпал. И мы из этих шпал сложили норы. Шпала на шпалу – появились стенки, крыша была также из шпал. Нору забили душистым сеном. Высота этих хором была не более одного метра. В нее можно было спрятаться от солнца, дождя и переночевать. Мы слушали

о продвижении наших войск на территории Манчжурии и Кореи. Но шли дни, а мы все не грузились, да так и не погрузились, простояв, наверное, больше двух недель. Как известно, акт о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил состоялся 2 сентября 1945 года на борту американского линкора Миссури.

На этом закончилась Вторая Мировая война

Красная Армия освободила территорию 10 стран Европы площадью 1 млн.кв.км, с населением 113 миллионов человек, и территорию 2 стран в Азии площадью 1,5 млн.кв.км, с населением 70 миллионов человек. Слава ей!

Еще о моих коллегах Сашке и Толе

Прежде чем продолжить рассказ о моей дальнейшей службе, как обещал, я расскажу еще немного о Сашке Ивко. Когда мы мотались по Польше и оказались недалеко от Лодзи, он заскочил в этот город, который только что был освобожден от немцев. По тем временам Лодзь был центром текстильной промышленности Польши. Перед его взором предстали брошенные фабрики, дома, из которых бежали немецкие магнаты и расквартированные немецкие офицеры. Сашка прихватил там бесхозный опель, набил несколько чемоданов отличным бельем и текстилем и приехал в часть. Машину отдал в полк, а чемоданы прихватил себе, но в тот же день пришел офицер из СМЕРШа и реквизировал все трофеи. А через некоторое время вышел Сталинский приказ, разрешающий брать трофеи из немецких брошенных жилищ и отправлять посылки в Россию. Однако получить обратно реквизируемое не удалось. То, что попало в руки КГБ-шникам, они не упускали. Чтобы дополнить его характеристику Сашки, как дельца, расскажу и о другой его махинации.

Я уже писал, что, когда наша батарея охраняла мост на Висле, недалеко от огневой позиции находилась усадьба с фруктовым садом. В этой усадьбе было какое-то сооружение, покрытое оцинкованной крышей. Хозяин сбежал, так Сашка с кем-то из своих сержантов

снял эту крышу и загнал ее какому-то поляку. Я бы, наверное, не додумался до такой коммерции.

Ну, уж раз рассказал о Сашке, то, наверное, надо бы дать характеристику и Толе, добавить и о нем несколько штришков. Еще когда мы находились в Люблине, как известно, я жил в одной землянке с Толей. Он обычно спокойный, уравновешенный человек, а, выпив, становился просто неузнаваемым. Я не знал этого. И вот както мы с ним выпили бимбера, и, видать, он был с карбидом, я ушел в аут, то есть завалился на свои нары. А между моим топчаном и Толиным был сколоченный из досок стол, на котором стоял пузырек с фиолетовыми чернилами. А Толя, выпив, достал пистолет и начал стрелять по пузырьку. И лупил по нему до тех пор, пока не разбил. Чернила вылились и, конечно, на мою физиономию. Проснувшись, я вышел из землянки, и часовой, стоявший рядом, схватился за живот. Да, картинка была красивой. Но главное заключалось не в этом. Конечно, я отмылся, а когда посмотрел пулевые входы в стенке моего топчана, то они оказались сантиметров на десять выше моей головы. Впредь, если нам приходилось принимать горячительное, мы пистолет у Толи изымали.

На зимние квартиры в царские казармы

Продолжу повествование о своей дальнейшей службе. Как уже говорил ранее: наш вояж на Дальний Восток не состоялся. Полк остался в Польше и входил в состав Северной группы войск. Местом дислокации нам определили военный городок, построенный еще в царское время. Видимо, потом там был военный городок Войска Польского, ну, а после оккупации Польши Германией, соответственно, – военный городок какой-то немецкой части. На его территории располагались солдатские кирпичные казармы, гаражи и боксы для автомашин, складские помещения, классы для занятий, плацы для построений и строевой подготовки, столовые для приема пищи, кухни, здание офицерского клуба, жилье для офицеров, котельная. Вся территория была обнесена высоким каменным забором. Вход на территорию был через Контрольно-пропускной пункт с караульным помещением. Короче говоря, это отличный современный военный

городок, однако, требующий приложения рук, чтобы привести его в порядок. Вот этим и начали мы заниматься и, в первую очередь, солдатскими казармами. А начать пришлось не с вставления выбитых стекол в окнах. Сами понимаете, что на пороге была осень. А мы соскабливали со стен немецкую, так называемую «наглядную» (в кавычках), агитацию. Все стены казарм были разрисованы крайне фривольными, порой даже похабными картинками солдафонского пошиба. Среди них были немецкие солдаты, смакующие из кружек пиво, оголенные женщины в различных позах. В общем, картинки по тем временам непривычные для нашего глаза. Мы продолжали приводить в порядок теперь уже наш военный городок.

Распорядок дня определялся уставами – подъемом, поверками, осмотром, занятиями, отбоем. В общем, жизнь началась, как и в любом военном городке.

Красноармейские гангстеры

Полк получил пополнение. Расформировали батарею или дивизион в какой-то части, находившейся в Варшаве. И личный состав направили в наш полк взамен демобилизованных девушек и мужчин старшего возраста. А дело было в следующем. В один из зенитно-артиллерийских дивизионов пришло пополнение молодых ребят, бывших на оккупированной территории. Некоторые из них были в партизанах: не секрет, что партизаны были всякие. Конечно, большинство из них выполняли свой патриотический долг и, не щадя своих жизней, воевали с оккупантами. Но были и другие, которые бежали в леса, спасаясь от угона в Германию. Они не проявляли большой активности в партизанской войне, чтобы не озлоблять немцев и избежать карателей, такие «партизаны» попросту грабили местное население, забирая у них продукты питания, одежду, не брезгуя и чем-то другим.

Так вот, несколько таких горе-партизан попали в дивизион, спелись и, сколотив банду, грабанули киоск какого-то поляка. Вскоре они втянули в это и командира взвода. И тогда дело встало на широкую ногу. Они взяли даже ювелирный магазинчик, и дошло до анекдота. Как-то они на машине подъехали к какому-то киоску,

одним махом погрузили его, а там оказался хозяин. Пришлось вернуть киоск. Был случай, когда они нарвались на патруль. Отстреливаясь, ушли, но положили кого-то из патрульных. В общем, эту банду взяли на заметку. А раскрылось все самым банальным образом.

Из ювелирного магазина кое-что перепало девчонкам, те разболтали об этом другим, дошло до СМЕРШа. И размотали весь клубок. Был суд трибунала, командира взвода расстреляли, кое-кому дали сроки, подразделение расформировали. Вот так эти ребята попали к нам. Слава Богу, что в нашей батарее их не оказалось, а вот в дивизион эта группа попала. Вот они-то и начали свою активную деятельность.

Я рассказывал, что собой представляли пассажирские поезда, которые курсировали между Люблином и Варшавой. Так вот, эта банда из нескольких человек воспользовалась этим маршрутом. Они садились на станции в поезд, выбирали жертвы, то есть чемоданы. Поезд шел, подходя к мосту, замедлял ход, они хватали чемоданы и спрыгивали с поезда. Остановить состав практически было невозможно, в темноте их не преследовали. Где-то они прятали награбленное, не помню. Возможно, что сдавали все это полякам, но, в общем, операция им пару раз удалась. К подъему возвращались, и все было шито-крыто до одного случая.

Недаром говорят, что «сколько веревочке не виться, а конец будет». Вот и на этот раз, наметив себе жертв, вырвав из рук чемоданы, они спрыгнули. А в поезде оказались солдаты, то ли наши, то ли польские, ну, они-то и стеганули из автоматов по налетчикам, тяжело ранив одного из них. Тогда эти «друзья», чтобы он их не выдал, добили его. Вернулись в часть. Видимо, поезд остановили, собрали двух-трех человек, тех, кто видел этих «гангстеров», и решили проверить грабителей по воинским частям, расквартированным в Демблине. Утром, после подъема, неожиданно по тревоге выстроили весь полк. Комбаты доложили командирам дивизионов о наличии людей. В нашем дивизионе одного не оказалось. После этого, кавалькада из командира полка, замов и каких-то еще лиц медленно пошла мимо стоящего по стойке «смирно» личного состава. И выдернули этих гавриков. Началось следствие. Но свалившееся на голову событие, помешало мне узнать, как их возблагодарили.

Полк расформировали. Расстаюсь со своим взводом.

Вдруг, как снег на голову, на нас свалилась информация – полк расформировать, матчасть, законсервировав, сдать, личный состав передать по указанию офицерскому составу, а получившим направления отбыть по месту службы, остальных – в резерв. Вот ведь как бывает в армии. Казалось, что все определилось. Полк устроился на отличные зимние квартиры. И вот на тебе. Тогда-то я и подумал, что Бог меня миловал. Останься здесь со мной Катюша, куда бы ей тогда деваться? Конечно, пришлось бы уезжать домой в Союз. Начался процесс сдачи. Пушки перевели на зимнюю густую смазку. Кто-то их принимал. Приехали покупатели за солдатиками. Кое-кто ехал в Германию, кого-то оставляли в Северной группировке войск. Жаль было расставаться. Как-то я сроднился со своим взводом, все-таки семь-восемь месяцев мы провели вместе. За это время было всякое. Но ребята, чувствуя мое справедливое к ним отношение, заботу, платили также добрым отношением ко мне, в первую очередь, они выполняли все мои приказы.

Я вот вспомнил другого, младшего лейтенанта Корнеева, также командира взвода, но с другой батареи нашего дивизиона. Он был моих лет, но окончил нормальное военное училище. Отец у него был полковником или даже генералом. Так вот, с ним произошел такой случай. Он дал какое-то приказание сержанту своего взвода из тех партизан, к нам вновь прибывших. Причем это было на повышенных тонах с добавлением: «Я приказываю!». И что-то в этом приказе было унижающее этого сержанта, всерьез понюхавшего войну, и он демонстративно отказался выполнять приказ. Тогда Корнеев вытащил пистолет и опять сорвался на крик, но сержант вышиб у него из рук оружие. И этот офицер стоял, как оплеванный. Я бы не вытащил, но меня учили, если достал, то стреляй. Конечно, сержанта комбат отправил на губу, но авторитет-то у этого взводного стал сразу равен нулю. Это было уже в городке на глазах у многих. Мои приказания выполняли, потому что знали, что это не прихоть, а так надо.

Записали адреса друг друга, в основном домашние, потому что я не знал, куда попадут мои ребята, а они не знали, где окажусь я.

Так и не пришлось мне ни с кем из них в дальнейшем встретиться. Солдат отправили, и несколько дней мы, офицеры дивизиона, были одни. Чем заняться? Играли в карты, пили бимбер. В карты – на интерес, а проиграл – раздевайся. И можно было видеть картину, когда картишки сдавал совершенно голый офицер, но при погонах, портупее и пистолете. Но были игры и не совсем безобидные, например, «очко». Я знал «очко», но никогда не играл в него. В школе у нас не играли в азартные игры. В частях было не до карт, но если иногда и играли, то выше «подкидного дурака» не поднимались. А тут «очко», но надо было пройти и через это. И я сел, но как говорят: «Не очко тебя сгубило, а прикуп». Проиграв энную сумму, я понял, что, видимо, мне больше везло в любви, чем в картах. И карты – это не моя стезя. Больше в «очко» я никогда не играл. И вообще в карты «на интерес» играть не садился.

Разъезжались кто куда. Простившись с Сашкой, Толей и комбатом, отбыл и я. Где проходила их служба, не знаю.

В Млава, в Сводный офицерский полк

А мой путь был в Млава, в 603-ий Сводный офицерский полк. Городишко небольшой, чем он был примечателен для Польши, не знаю. Но там находился офицерский городок, предназначенный для немецких господ офицеров. В этом городке были дома с отличными благоустроенными квартирами. Правда квартиры были небольшие – двух- и трехкомнатные, но каждая – с туалетом, ванной, кухней, оборудованной электрическими плитами, которые я видел впервые. Вот мы и поселились там, а с нашего полка попало туда несколько человек. От былого благоустройства, правда, осталось с гулькин нос. Думаю, что квартиры были неплохо меблированы. Ну если злые языки рассказывали, что командир этого Сводного офицерского полка полковник Гинзбург отправил в Союз целый вагон с мебелью в свой дом, и солдаты, сопровождавшие этот ответственный груз, с радостью это делали, так как после этого задания несколько дней провели дома. Думаю можно представить, что осталось.

Наверное, он был не одинок в этих акциях. Но и то, что было, нас вполне устраивало. Мы начинали жить по-человечески: крова-

ти, постельное белье и никаких обязанностей. Собрали нас в эту часть несколько сот человек. Практически мы были предоставлены сами себе. Пыталось командование этого полка как-то заорганизовать нас, но это было сделать крайне трудно. Если бы мы жили в казарме, в куче, все было бы организовано, так как армия не терпит неорганизованности, а мы-то жили в квартирах. Все объявления, приказы озвучивались только во время обеда в столовой, куда собирались, как правило, все. А вот на завтрак и ужин – не всегда появлялись.

Я попал в двухкомнатную квартиру. В одной из комнат поселились я и офицер из нашего полка Митрофанов Василий Михайлович. В другой – азербайджанец Аликперов и Виктор Кутолкин.

Мои коллеги и друзья

Митрофанов

Вася Митрофанов был значительно старше меня. Его Родина – это Читинская область. Он был невысокого роста, спокойный и уравновешенный человек. Долгими вечерними часами мы с ним беседовали, рассказывая друг другу о себе, но по забавам вместе не бегали. И когда расстались, то обменялись домашними адресами. Демобилизовавшись, я написал ему, но ответа не получил. Спустя много лет, как-то под настроение, перелистывая, случайно попавшую на глаза старую записную книжку, уткнулся в тот адрес, который мне когда-то дал Вася. Написал открытку еще раз и, к моему удивлению, получил ответ. Вася демобилизовался, сразу женился, уехал из этого населенного пункта в маленький городок Новокручининск, станция Новая. Это недалеко от Читы. Родили они с супругой Марией Николаевной пятерых детей, вырастили их. Одна из дочек – Надя, окончила институт, стала обогатителем. Как-то была в Свердловске, но я уезжал, и нам не удалось встретиться. Мы регулярно переписывались с семьей Митрофановых, и, как мне написала после смерти Василия Михайловича его вдова, он гордился нашей дружбой. В 1991 году 25 мая – в день моего рождения, мы, следуя во Владивосток, проезжали мимо станции Новая и помянули его.

Аликперов

Аликперов, а их в Сводном офицерском полку было двое. Один – высокий, другой – маленького роста. Видимо, эта фамилия была распространена в Азербайджане. С нами жил маленький. Живой, заводной, с каким-то взрывным характером, он очень неплохо пел и скрашивал наши вечера своим сольным пением. Думаю, что он также не остался в армии. Эта фамилия мне неоднократно встречалась в печати и всегда напоминала о нем. Однако не знаю, имела ли отношение к тому младшему лейтенанту с узенькими усиками.

Кутолкин

Кутолкин Виктор Трофимович, родом был из Чкалова. Как известно, какое-то время Оренбург носил фамилию нашего знаменитого летчика Валерия Павловича. Он постарше меня, с 1922–1923 года рождения. Поступил в Московский военный институт иностранных языков. Я не берусь утверждать за точность его названия, но суть та. Во время войны институт был эвакуирован в Куйбышев, и там его порядочно подсократили за счет отделения восточных, в общем, не европейских языков. Виктор учился на индусском. Короче говоря, из этого военного учебного заведения он попал в артиллерийское училище, откуда младшим лейтенантом был направлен в наш полк и наш дивизион. Надо сказать, что во время войны училища выпускали младших лейтенантов, а авиационные – даже сержантов. Это уже потом, когда училища стали высшими, то начали выпускникам лепить две звездочки. Виктор был, пожалуй, пониже меня ростом, сухощавый, с красивыми, чуть волнистыми, волосами и симпатичной физиономией. Довольно разбитной, легко сходился с людьми и нравился красивым женщинам, чего, например, о себе я сказать не мог. Если в дивизионе и полку, в котором мы служили, нас связывало шапочное знакомство, то здесь, в этом сводном полку, мы с ним сдружились.

Надо сказать, что в дружбе мужчин редко бывает положение «на равных». Все-таки, чаще всего есть лидер. Пусть немного, чуть-чуть, но кто-то из двух, трех и более друзей все-таки играет первую скрипку. Порой это совсем незаметно. Если же заметно и налицо подчинение, давление – это уже не дружба. Это тот случай,

когда подчиняющийся – шестерка, как это определяется «по фене» («ботать по фене» – говорить по-блатному – блатной жаргон), или, в этом случае, один из них считает другого другом, а тот, второй, натура более сильная, не считает им первого. Расфилософствовался что-то. Таким образом, по-моему, дружба – это когда на равных или чуть-чуть нет.

В общем, из нас двоих, Виктор был чуть-чуть лидер. Везло же мне. В институте также, в течение нескольких лет, таким другом, чуть-чуть лидером, будет также Виктор. Так как судьба нас с Виктором Кутолкиным еще свяжет на продолжительное время, я пока с ним не прощаюсь.

Наше времяпрепровождение

Видимо, наше командование уже четко определило, какие части должны были остаться в Польше, какие будут выведены, а какие расформированы. В общем, поток поступления офицеров в наш сводный полк прекратился. И, наоборот, начался постепенный отток. Во-первых, шла демобилизация. Повторюсь, но демобилизовывали специалистов народного хозяйства и студентов. Затем шло пополнение офицерами частей, находящихся в оккупационных войсках в других странах и в Союзе. Во время обеда перечислялись списки офицеров, которые должны были прибыть в штаб для получения документов. Витька каким-то образом подъехал к помощнику начальника штаба (ПНШ), чтобы его и меня продержали как можно дольше здесь. Занимались мы, кто чем хотел. Днем ходили в город, а по вечерам играли в карты и пели. Однажды, когда мы играли, вдруг просунулись в дверь усы. Это был полковник Гинзбург. Карты забрал, на бубновом тузе записал наши фамилии, думали – накажет, но пронесло. Завел я там альбом, назвав его «От нечего делать». И начал записывать туда всякие понравившиеся изречения, мысли из прочитанных книг, песни. И, конечно, читал. Где-то мы брали художественную литературу, а по хорошей книге затосковал.

Забавы

Витька где-то разнюхал, что по субботам, да и в такие дни организуются танцы – «забава». Обычно находился предприимчивый поляк и снимал зал. Я не знаю, чьи это были дома. Приглашал трех музыкантов, чаще всего это были: аккордеонист, скрипач и ударник. Тут же организовывался небольшой буфетик, где приторговывали бимбером, и можно было закусить бутербродом.

Забава обычно начиналась часов в восемь вечера и продолжалась чуть ли не до утра. Билет стоил не столь дорого. И вот мы начали похаживать на эти забавы. Обычно нас собиралось человек пять, чтобы избежать каких-либо эксцессов. Приходили и танцевали, немножечко зарядившись бимбером, памятуя, что все-таки хоть и противное пойло, но «… лучше, чем вода». Одной из самых модных в то время мелодий была «Роза Мунда». Считают, что это немецкий шлягер, так как все немцы его напевали. Но это польская мелодия, украденная фрицами. Слова у Розы Мунды были разные, видимо, в зависимости от интеллекта, но я запомнил вот такие:

Перевод:

«Мы млодзи, мы млодзи, «Мы молоды, мы молоды,
Нам бимбер, ниц не шкоди, Нам бимбер не помеха,
Венц пиймы го шклянками, Так пьем же его стаканами,
Кто з нами, кто з нами». Кто с нами, кто с нами».

Обычно, когда начинали играть эту мелодию, зал начинал подпевать. Играли вальсы, но их я не танцевал, потому что кружилась голова. Были красивые танго. Помню «Утомленное солнце, прощающееся нежно с морем». Также были какие-то польские слова, но я забыл. И наша «Катюша», которая обошла весь мир, и если взять те годы, то, наверное, более модной песенки (шлягера), мир не знал. У нас не было постоянных партнерш. Все-таки мы малость побаивались, так как прецедентов было много, пошел провожать паненку и потерялся. А так, когда танцуешь с одной, потом с другой, то это уже ни к чему не обязывает, и не надо было провожать «до мешкани» (до дома). Бывали и такие моменты, когда собирается народ, ждет, а танцы не начинаются. Выходит распорядитель и объявляет:

«Панове! Забава не бенди! Гармонист хвор, курва его мать!», – это означало: танцев не будет, гармонист болен, ну, а дальше от перевода я воздержусь. Устраивались и драки, но мы в них старались не ввязываться. Нас не задирали, все-таки несколько офицеров вместе – это внушительная сила. Рассказывали, что дело порой доходило и до стрельбы, но при нас такового не было.

Держаться, авось демобилизуют

Время шло. Хотя была уже осень, конец сентября, даже начало октября, но она не ощущалась так, как у нас в России. Стояли солнечные дни.

Ряды полка редели, мы это замечали по количеству людей, посещающих столовую. И вот, наконец, остались единицы. Нас вызвал ПНШ и сказал, что больше он нас оберегать не может и направляет нас не в часть, а в Учебный артиллерийский полк офицерского состава в Черновицы. Откровенно говоря, у меня и Виктора, была какая-то надежда, что вот так посидим в резерве, потянем резину, авось нас и демобилизуют. Веру в это во мне укрепил Виктор. Он служить категорически не хотел. И я, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что надо демобилизоваться, и пока еще молод и не обременен семьей, то куда-нибудь поступить учиться. Хотя, если бы мне представилась возможность поступать в академию или какое-то высшее военное учебное заведение, я бы остался в армии. Меня не угнетала дисциплина, мне нравился военный порядок, хотя в военной субординации мне не все нравилось. И вот мы снова отправлялись в путь. На этот раз ехали вдвоем с Виктором.

Дранг нах Остен – на Родину. Неожиданная встреча

Наш путь из Млава лежал через Варшаву. Был еще один младший лейтенант, с которым познакомились в Сводном полку. Он также получил направление в Черновицы. Но он решил ехать через Берлин, уговаривал и нас посмотреть поверженный город. Мы же с Виктором не рискнули, хотя на дорогах еще не было порядка, и, на-

верное, можно было бы и проскочить, но, как говорят, «береженого бог бережет». А если бы сгребла комендатура, могли нацепить все что угодно. И ведь съездил, стервец, не попался, побродил день по Берлину. Но, в общем-то, мы Германию, вернее Пруссию, посмотрели. Млава-то была ведь всего в нескольких километрах от Пруссии. Это теперь границы Германии, от Млава более чем в 400км. Мы несколько раз, будучи в Млава, были за границей старой Пруссии, видели их сельские населенные пункты, даже какой-то небольшой городок, не помню только его названия.

Наш путь в Союз был опять на перекладных. Доехали до Варшавы. Полдня провели в этом городе. А дальше ехали уже по знакомым местам: Демблин, Люблин, мимо каких-то других городов к Перемышлю. Но где-то опять был затор. Не было почему-то поездов в Союз. А мы уже не могли ждать. И на одной из станций, недалеко от границы, мы сели на товарный поезд и ехали на платформе с каким-то грузом. Сдуру в моем нехитром багаже было несколько толовых шашек и бикфордов шнур. Я, конечно, не собирался что-то и кого-то взрывать, и, видимо, вез это хозяйство где-то побаловаться браконьерским ловом, насобачились этим делом на Висле. Но кто-то нам сказал, что уже действует граница и может быть пограничный досмотр. И тут до меня дошло: как я смогу пограничникам объяснить наличие взрывчатки? И тогда я выбросил все это. А граница уже приближалась.

Когда долго живешь за рубежом, всегда с каким-то волнением переступаешь границу, и взор, охватывая обозримое, ищет что-то знакомое, родное, свойственное только нам, только России. Как говорил Василий Теркин:

«А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края,
Здравствуй, Родина моя»!

Вот и граница. Поезд медленно идет мимо пограничных столбов. Но никто не проверяет документов, и нет пограничного и таможенного досмотра. Мы – в России, в Перемышле. Сейчас-то он Пшемысль. Слезли с нашего «экспресса». Идем по перрону, и, вдруг вижу знакомое лицо: навстречу мне идет младший лейтенант Вовка По-

хлебаев, туринский парень. Мы учились в одной школе, правда не в одном классе. Он ушел из седьмого класса. Отец у него был какой-то начальник. Мы обнялись, расцеловались. Но нам удалось перекинуться только несколькими словами. Он сопровождал эшелон демобилизованных, и состав скоро уже трогался. Это у меня была вторая встреча с туринскими ребятами. Первая, если помните, состоялась в Чернышевских казармах, в начале 1943 года с Толей Анферовым. А вторая – вот с Володькой. После войны мы не встречались, он уехал в Кушву на Благодать. Женился на Нинке Белоусовой, одной из самых красивых девчонок В-Туры. Но, как мне рассказывали, жили они неважно, Вовка сильно поддавал, и они развелись. А отец у Вовки был чуть ли не директором В-Туринского завода.

Львов

С Перемышля мы добрались до Львова. Львов – это один из старейших и красивых городов. Известен с XIII века. Долгие годы принадлежал Польше, затем – Австрии, потом опять – Польше, и после ее раздела в 1939 году вошел в состав Советского Союза. Город был целым и невредимым. Смотрелись его соборы, готические средневековые здания и виллы. Мы целый день были во Львове. И ведь там, в то время жила и Инна. Но ее полет был на недосягаемой для меня высоте. Как же, полковник – командир части, а тут какой-то младший лейтенантишко. Они занимали какую-то шикарную виллу, ординарцы, адъютанты. Правда, Нина Смородинникова мне уже через много лет рассказывала, что он был очень простым человеком, очень принципиальным, по причине которой и не получил генеральского звания. В общем, я и не пытался разыскать Инну. Да, наверное, в то время это было непросто, горсправки ведь не работали.

Едем в Черновицы

Вечером мы сели в поезд на Черновицы. Вагоны брали штурмом. Оставив вещмешки и чемоданчики у меня, Виктор пробился в какое-то купе, открыл окно, и я побросал свое барахло и сам влез через окно в вагон.

Черновицы и 27-ой офицерский полк

Вот и Черновицы. Правда, когда мы появились там, это уже были Черновцы. Этому городу была уготовлена нелегкая судьба. Он входил в свое время в Молдавское княжество, принадлежал Румынии, был у австрияков, попал к украинцам. Расположен он в Карпатах. Красивый город на реке Прут. Война не наложила на него свой разрушительный отпечаток. В городе были: музыкально-драматический театр, Госуниверситет, Медицинский институт. В 1945 году в Черновицах обосновался Прикарпатский военный округ. Здесь находился штаб пограничных войск.

27-ой учебный артиллерийский полк офицерского состава Прикарпатского военного округа в городе знали, и мы поехали на трамвае, который лез в гору. Мы проезжали мимо красивых монументальных зданий. Деревья отливали золотом и багрецом. Было 19 октября 1945 года. Вот и наша часть, наш офицерский полк. Это были старые румынские казармы – большое трехэтажное здание с плацем внутри него. Рядом с этой казармой находился артиллерийский парк, где стояли орудия, машины, зарядные ящики.

Надо отдать должное, полк был очень неплохо оборудован классами с различными наглядными пособиями. Были прекрасные автоклассы, классы тактики с макетами местности, на которых можно было решать различные тактические задачи, классы топографии, спортивные классы. Это, конечно, были не Чернышевские курсы младших лейтенантов, а Черновицкие курсы повышения квалификации офицерского состава. Но я не сказал главного – полк был не зенитный, а полевой артиллерии. И через восемь месяцев из стен этого учебного заведения я должен был выйти специалистом по 76мм дивизионной артиллерии, то есть той артиллерии, которую называли «Богом войны», которая стреляя с закрытых позиций, уничтожала скопление живой силы и техники, которая прямой наводкой била по танкам, ДОТам и ДЗОТам. Таким образом, я фактически должен был освоить новую военную специальность.

Полк и его структура

Слушателей в полку было человек пятьсот со званиями от младшего до старшего лейтенанта. Многие из них служили в полевой

артиллерии противотанковой и были на сорокапятках, семидесятишести мм пушках и даже более высокого калибра – 120 и 152 мм орудий. Полк был разбит на дивизионы, батареи и взводы.

Командиры взводов, батарей, дивизионов, как и преподавательский состав, являлись постоянным контингентом полка, которым командовал полковник, а переменным мы – слушатели. Кроме этого, был и еще батальон обслуживания, осуществлявший охрану, обслуживающий автотранспорт, ремонт матчасти, помещений, пищеблок, осуществляющий уборку. Слушатели отвлекались только на дневальство. Взводами командовали капитаны или майоры, батареями – майоры и подполковники.

Взвод располагался в одном помещении казармы, оборудованной кроватями, тумбочками, общей вешалкой для шинелей и большим длинным столом. Как видим, отдельных дортуаров не было. В казарме было несколько выходов на плац. Выход и выезд с плаца был оборудован под арку. На первом этаже размещались классы матчасти, столовая и кухня. Второй и третий этажи, наряду со спальными помещениями, имели классы для занятий, самоподготовки, спортивные помещения. По коридорам второго и третьего этажей можно было обойти все здание.

Виллы Черновиц

Занятия начались через пару дней. Расформировали нас по взводам и таким же образом расселили. Наше спальное помещение находилось на втором этаже. В первые же дни командир взвода, наш капитан, определил меня посыльным к себе. Дело в том, что весь комсостав полка жил на квартирах в городе, в домах – виллах, хозяева которых были немецкими и румынскими магнатами и дельцами, они бросили свой хозяйство, сбежав из города с приходом Красной Армии. В связи с тем, что телефонная связь не была налажена, моя задача была – при объявлении тревоги в полку – бежать к командиру взвода и доложить ему об этом. Надо сказать, что за все мое время пребывания в этой части, это было раза два-три. Но в первые же дни капитан повел меня и показал свои апартаменты.

Ну, коль уж начал я разговор о виллах, то немного поведаю об этом райском уголке города. Обычно, говоря о городе, его достопримечательностях, обращают внимание на его центр, красивые старинные здания, на архитектуру. И, как правило, не говорят об окраинах. В основном это касается старинных русских городов, где центр города является шедевром архитектуры, а окраины – это «Шанхаи», биндюжки, землянки. Я имею в виду наши города до войны или после войны, то есть в то далекое время. Сейчас картина несколько изменилась, ведь окраины застраиваются новыми микрорайонами.

Я немного коснулся центра Черновиц, но его окраины были просто изумительными. Они представляли собой виллы, утопающие в зелени фруктовых деревьев. Каждая вилла была, как конфетка, совершенно не похожа по архитектуре на другую. Это были не коттеджи, а дома с разными башенками и красивыми фронтонами, на которых из камня выложено название виллы по имени хозяйки: «Вилла Мария», «Вилла Франа» и так далее. Обычно это были, в основном, двухэтажные, иногда трехэтажные дома, с квартирами на нескольких уровнях, выстроенные по европейскому образцу. Особенно они были чудесны весной, когда все цвело, и тогда это архитектурное сооружение казалось драгоценным камнем в обрамлении изумрудной свежей зелени и бело-розовой дымке цветущих яблонь, вишен и абрикосов. Но надо было видеть их внутри!

В качестве примера приведу виллу нашего капитана. Конечно, хозяева бросили все, наверное, прихватив с собой только драгоценности, когда им пришлось покидать насиженные места. Прекрасная мебель, пианино, шторные обои. Мне впервые пришлось видеть это великолепие не в музеях княжеских апартаментов, а в современных частных домах. Мне кажется, что все это не было оприходовано, и, наверное, досталось тем, кто первым сумел занять особняки. Вот в такой вилле жила во Львове и Инна. Но, наверное, им не удалось всем этим воспользоваться, так как в 1946–1947 годах они вынуждены были уехать на Камчатку в бухту Провидения.

Наш распорядок дня

Распорядок дня у нас был следующий: подъем, физзарядка, приведение себя в порядок, чистка сапог, подшив подворотничков, бритье. Да, я уже начал бриться, никуда от этого не денешься, все-таки мне уже было двадцать лет. Затем утренний осмотр. Все это осуществлял помощник командира взвода, старший лейтенант, назначенный из нашей же братии. Он и жил с нами. Вообще, стервозный оказался человечишка, и народ воздал ему должное по его же «заслугам». К сожалению, не помню его фамилии.

Ну вот, потом был завтрак, и начинались занятия. Конечно, это было не так, как на курсах младших лейтенантов. Здесь приходилось учить: артиллерию, топографию, уставы, заниматься тактикой, но учить и матчасть пушек не только 76мм, но и 120мм и большего калибра, и главное действие пехоты, то есть БУП – боевой устав пехоты, взаимодействие царицы полей с Богом войны. А занимались мы до обеда. После обеда чаще всего были занятия по матчасти или в классе, или в артиллерийском парке. Этим обычно с нами занимался наш командир взвода. В 19.00. ужинали, и потом уже были предоставлены сами себе. Каждый делал то, что хотел. Можно было пойти в классы позаниматься, почитать. В полку была неплохая библиотека. Можно было написать письмо или пойти в город. Необходимо только вернуться к вечерней поверке, к 23.00., но иногда можно было как-то избежать этой поверки. И, наконец, сон. Конечно, мы отдыхали уже по-человечески, у нас было постельное белье и был здоровый сон здоровых молодых людей.

Вырвались на волю

Конечно, редко кто корпел над уставами, учебниками и конспектами. Кончилась война, большинство ребят приехало из-за границы, где все-таки были какие-то ограничения в передвижении и поступках. И вдруг мы, хотя и не в России, но в Союзе, где каждый чувствовал себя хоть маленьким, но хозяином, а не гостем и не оккупантом. И, конечно, все чистились, наглаживались и шли в город. Октябрь был сухой, и мы с Виктором, как боевые кони, заслышав-

шие звук трубы, неслись мимо проходной, гуляли по улицам уже освещенного города, шли в кино, а иногда заскакивали в частную лавочку. Дело в том, что Черновицы при Советской власти жили без года неделю. Во время войны здесь, видимо, было больше румын, чем немцев, поэтому остались целыми еврейские и польские предприниматели, которые после освобождения города снова развернулись. И вот маленькая лавчонка, в которой можно было купить какие-то продовольственные и промышленные товары, и два-три столика, за которые можно было присесть, выпить и закусить. Хотя, в общем-то, нас предупредили, что нежелательно, чтобы мы заходили в эти забегаловки. А вот в рестораны – не возбранялось.

Заходили мы и в ресторанчики пропустить по паре бутылочек пива. К этому меня приобщил Виктор. Я не пил этого божественного напитка до этого. И когда его попробовал, то подумал: «Зачем пьют такую гадость, да еще помногу бутылок?». Но втянулся, и мне понравилось. Узнали мы и где люди танцуют. Оказалось, что в Черновицах это происходило осенью и зимой в двух местах: в Доме культуры Красной Армии, или как его называли «Дом офицеров», и в железнодорожном клубе. К ним я еще вернусь.

В Черновицах был неплохой музыкально-драматический театр. Правда, представления там проходили на украинском языке. Но приятно было прийти. Театр был оформлен в старинном классическом стиле: золото и пурпур, много света, – все это создавало праздничное настроение. И, чтобы уже не возвращаться к театру, скажу, что мы там посмотрели несколько постановок: «Наталка Полтавка», «Запорожец за Дунаем» и многие другие.

Еще о городе

Черновицы отличались от наших русских городов, например, от Свердловска, не только украинскими названиями на вывесках «Пошто-ва скранка», «Одяг», «Овокарня», «Перукарня», «Взутя», но и каким-то особым чувством отчуждения. Было понятно: этот город еще не наш, не стал нашим, и он находится только на пути к этому процессу. Часов в 17.00. раздавался малиновый звон колоколов церквей. Именно малиновый звон, потому что колокола были старые с серебром в отливке,

это не те, что мы слышим теперь, когда звон напоминает удар о пустое ведро. Можно было встретить непривычные для нашего глаза объявления о частной практике зубных врачей-протезистов и, что больше всего настораживало, так этот тот факт, что врачи-венерологи очень часто предлагали свои услуги. В городе было много красивых зданий, костелов, в архитектуре преобладала готика. И это также, в какой-то мере, отличало его от наших российских городов.

Танцы, танцы, танцы

Отметив, где в Черновицах все танцевали, я думаю, что еще, наверное, танцульки были в университете, медицинском институте, но все-таки главное танцевальное поле оставалась в Доме офицеров. Там играл приличный оркестр, наверное, духовой. Танцы были не каждый день, но раза три в неделю. Народ собирался по возрасту разный, но, конечно, таких сосунков, которые сейчас заполняют площадки дискотек, тогда там не было. Наверное, негласным возрастным цензом для девушек это было 17–18 лет. Ребята были постарше. Но на танцах были и тридцатилетние, и люди совсем пожилого возраста, и это не казалось диким. Народ наскучался по музыке, по общению, по той праздничной обстановке, которая создавалась на этих танцевальных вечерах. Потом, люди шли еще и знакомиться. А это проще было сделать именно на танцах. Ведь после войны многие женщины стали одинокими, потеряв своих мужей, любимых, женихов. Вот они и шли на танцы.

В Черновицах было много офицеров: два офицерских полка – наш, и я забыл сказать, что были такие же курсы у пехотинцев, их насчитывалось также порядка пятиста человек. Затем размещался штаб военного округа, и очень много было офицеров пограничной службы. Так что женихов хватало. И, наверное, многие встретили свою судьбу на Черновицких танцплощадках. В Доме офицеров собиралась более солидная публика. Бывали здесь офицеры и с двумя просветами на погонах, и с большими звездами, но все-таки таких корнетов и подпоручиков, как мы, было больше. Вот так однажды я нарвался на одного такого большого чина. Смотрю: стоит молодая симпатичная девушка, я разлетелся, расшаркался и, девушка, зага-

дочно улыбнувшись, пошла со мной танцевать. Памятуя правило «где взял, туда и положи», я подвел ее к тому месту, где она стояла. И тут меня отозвал полковник и сделал мне втык, что полагается спрашивать разрешение не только у дамы, но и у ее кавалера, которого, кстати говоря, я не заметил. Но это был для меня урок.

Ходили мы и в другое место – в клуб железнодорожников. Там была публика попроще, играл эстрадный оркестр, как уже начали называть джаз. Но он выдавал такие мелодии, которые не везде можно было услышать. Играли «Там, под небом чужим, слышу крик журавлей», звучало: «Татьяна, помню дни золотые, кусты сирени и луну среди аллей», «Голубые глаза, вы пленили меня, голубые глаза, в вас горит бирюза», «У самовара я и моя Маша», «Моя Марусечка, моя ты куколка, как хорошо мне быть с тобой». То есть вовсю звучал Лещенковский репертуар. Солидная публика здесь не появлялась, желторотых юнцов, конечно, также не было, но вот мы забегали сюда частенько. Если нас отсюда не выкидывали пограничники. Но о сферах влияния я расскажу позже.

Журавли (П.Лещенко)

Здесь, под небом чужим,
Я, как гость нежеланный.
Слышу крик журавлей,
Улетающих вдаль.
Сердце бьется сильней,
Слыша крик каравана –
В дорогие края
Провожаю их я.

Пронесутся они
Мимо древних распятий,
Мимо пашен, церквей
И больших городов,
А вернутся назад –
Им раскроет объятья
Молодая весна
И Отчизна моя.

Вот все ближе она,
И все громче рыданья,
Словно скорбную весть
Мне они принесли.
Так откуда же вы,
Из какого вы края
Прилетели сюда
На ночлег, журавли?
Здесь, под небом чужим
Я, как гость нежеланный.
Слышу крик журавлей,
Улетающих вдаль.
Сердце бьется в груди,
И так хочется плакать!
Перестаньте рыдать
Надо мной, журавли.

Тоска по Родине (П.Лещенко)

Я иду не по нашей земле,
Просыпается серое утро.
Вспоминаешь ли ты обо мне,
Дорогая моя, златокудрая?
Предо мной неродные поля
В голубом, как у нас, тумане,
Серебрятся вдали тополя
Этим утром, не в меру ранним.
Я тоскую по Родине,
По родной стороне своей,
Я в далеком походе теперь,
На чужой стороне.
Я тоскую по русским полям,
Мою боль не унять мне без них,
И по серым любимым глазам,
Как мне грустно без них!

Проезжаю теперь Бухарест,
Всюду слышу я речь неродную,
И из всех незнакомых мне мест
Я по Родине больше тоскую.
Там идут проливные дожди,
Ох, молодая, с детства знакомо.
Дорогая, любимая, жди,
Не отдай свое сердце другому!
Я тоскую по Родине,
По родной стороне своей,
Я в далеком походе теперь
На чужой стороне.
Я тоскую по русским полям,
Эту боль не унять мне без них,
И по серым любимым глазам,
Как мне грустно без них!

К пани до мешкани

Вот так мы проводили свободное время, и как-то один раз в кино с нами рядом оказалась симпатичная молодая женщина. Когда смотрели фильм, перекинулись несколькими словами. Вышли, и образовался треугольник. И тут почему-то выбор пал на меня. Виктор, почувствовав это, раскланялся и соизволил нас покинуть. Дошли до ее дома, он оказался не так уж далеко от нашей казармы. Таня, так звали женщину, пригласила меня к себе. У нее была комната в двухкомнатной квартире. И мы пили чай и общались. Она поведала мне свою историю: работала сестрой в госпитале, а до войны, будучи молоденькой девчонкой, вышла замуж за летчика. Родился сын. Муж погиб в первые дни войны. Она с ребенком бежала. А когда освободили эти районы, приехала в Черновицы, оставив ребенка у матери, которая жила где-то в этих краях. Ясно, что она была меня малость постарше, но выглядела очень молодо и обращала на себя внимание. Мы подружились, вместе ходили в кино, на танцы, проводили выходные дни. Но продолжалось это недолго. Когда нас посадили на цекундер, об этом еще будет речь, я не имел возможности

у нее часто бывать. И как-то, после длительного перерыва, я пришел к ней домой, а там в гостях пехотный старший лейтенант, и старше он был меня не только по званию, но и по возрасту. И я понял, что в этой ситуации, в этом треугольнике, я уже лишний. Больше я не бывал на этой мешкани, у этой пани.

Вынужденное знакомство

Раз уж пошел разговор о женщинах, то поведаю еще об одном знакомстве. Оно было значительно позже. Читатели скажут: «Ну, ничего себе». Но ведь смешно, если бы этих знакомств не было в моем-то возрасте. Виктор был где-то в госпитале и там познакомился с довольно миловидной молоденькой сестричкой. Они раз сбегали на танцы или в кино, и Виктор решил и для меня кого-нибудь подыскать, чтобы ходить всем вместе. И он у своей знакомой поинтересовался, нет ли у нее подружки? Конечно, подружка нашлась, и было в определенный день и час назначено Zendez-vous, то бишь свидание. Пришли мы к ним на квартиру. Знакомлюсь с Витькиной девушкой – стройная, симпатичная, в общем, все в порядке. И тут поднимается вторая девушка: это просто «комод», что вдоль, то и поперек, да еще и ростом, как говорят, «метр с кепочкой». Эта девица тоже была медицинской сестрой и работала в госпитале. Достали девчонки спиртику, приголубили по рюмочке, закусили, и завязалась «светская» беседа. Витька со своей фрау рвутся куда-то пойти. А мне, откровенно говоря, никуда не хочется. И «кубышка» эта, увидев «оглоблю» (то есть меня), тоже сообразила, что мы как жираф и обезьяна из анекдота. Но все-таки пошли. А больше я до этой хаты не ходил, вскоре и Виктор перестал там бывать.

Офицерские забавы

Как было сказано: народ был в полку разный, выпивохи, шебутные. Пропустил пару рюмок, и его уже на подвиги тянет. Ну, например, я присутствовал, когда комбат или замполит смотрел личное дело одного слушателя. Был такой Шкарупа, окончил летное училище, а потом его, как Сашку Ивко, запичужили в артиллерию, ко-

торую он в упор не хотел видеть. Так у него в послужном списке было порядочно различных наказаний. Замполит спрашивает: «Это за что?», ответ: «За выпивку!», опять вопрос: «А это за что?», ответ: «За пьянку!». И вот ответы так и перемежались: «За выпивку», «За пьянку». Он носил погоны летные с голубым кантом. Написал несколько писем, вплоть до Министра, и все-таки добился, чтобы его отчислили в какую-то летную часть.

Вот такие мальчики вырвались на волю и начали куролесить. Уйдут после занятий в город, напьются до положения риз, а патруль их – в комендатуру. Или того хлеще. Один из таких героев изрядно выпил в еврейской лавочке, а потом начал перед евреем махать пистолетом – и его забрали. Не сложились почему-то взаимоотношения с пограничниками. Вроде бы взрослые люди, войну прошли, и дело стало доходить у нас до потасовок, особенно в железнодорожном клубе. Пограничники начали выкидывать наших с танцулек. Артиллеристы скооперировались с офицерами пехотного полка и такую же процедуру проделали с пограничниками. Дошло до того, что идет патруль пограничников, забирает наших и пехоту. Идет наш патруль – гребет пограничников, а своего в дым пьяного под белы рученьки доставляет в свою казарму.

И знаете: в мирных условиях такую вражду между родами войск я наблюдал в Совгавани уже в 1952 году, когда в День флота дрались моряки с кораблей со строителями. Мне рассказывал один приятель, как в Киржаче десантники очень даже не жаловали летчиков.

Казарма на замке. Как удрать в увольнение?

В общем, прецедентов, когда офицеры нашего и пехотного полков попадали в комендатуру, было немало. А порядок был заведен такой: за любым военнослужащим, попавшим на Губу, должен был являться командир части, получая соответственно втык от коменданта города. Вскоре это донеслось до члена Военного совета Прикарпатского округа Мехлиса. Он вызвал наших полковников и пообещал их разжаловать. Ясное дело, взбешенные командиры приказали никого не выпускать из казарм и отменили увольнительные.

Вот ведь как бывает: попадется одна паршивая овца и всему стаду – беда. А народ-то попривык уже жить по-офицерски, не все же время в казарме сидеть. Познакомились с девчонками, завелись знакомые. А не приди пару раз на свидание, что будет? Отставка или появится, как это было со мной, какой-нибудь старший лейтенант. Вот и начались поиски, как удрать из казармы. Выход был только в одну «дырку» – через КПП. Обследовали все классы первого этажа – глухо, окна зашиты решетками. Со второго этажа уже не спустишься. Казарма-то была не из разряда хрущевских недомерков.

Но солдатская голь на выдумки, как говорится, хитра. После ужина на плацу собиралось человек десять-двадцать слушателей в начищенных до блеска сапогах. Находился, кто брал на себя роль старшего. Раздавалась команда «становись». И вот строй двигался к КПП. Обычно дежурному, если он появлялся, докладывали, что строй следует в Арт.парк на занятия или для приведения матчасти в порядок. Строй выходил из казармы, поворачивал за угол и, в мгновение ока, испарялся. Ну а в казарму уже возвращались кто как мог. Мы с Витькой неоднократно пользовались этим методом, а приходили назад часто поодиночке. И, открывая дверь в воротах, солдат пытался спрашивать увольнительную, но, видя, что ты идешь и не собираешься ничего доставать и показывать, обычно делал вид, что так надо.

Где укрыться самовольщику от начальства?

Однажды со мной произошел все-таки казус. Говорят, что не только незаряженное ружье, но и палка раз в жизни стреляет. Я возвращался уже после отбоя, часа в 24.00. Подошел к воротам, стукнул. Солдат, дежуривший у ворот, открыл окошечко, посмотрел, узрел своего, открыл мне дверь. Я пошел под аркой по мощеной булыжником дорожке. Шаги гулко раздавались в этом полузамкнутом пространстве. И в это время я увидел, что на лестнице входа в казарму под аркой появился капитан с красной повязкой. Он, конечно, не думал, что я возвращаюсь из самоволки, сказал мне, чтобы я зашел и отметил увольнительную записку,

а сам, повернувшись ко мне спиной, начал подниматься по лестнице в комнату дежурного по части. А я вместо того, чтобы следовать за ним, сколько было силы, рванул на плац, открыл дверь и заскочил в казарму. Капитан, увидев, что я дал деру, припустил за мной, но у него между ног путалась «селедка» – шашка, мешая ему бежать. Я поднялся на третий этаж и слышу, как дежурный по части бежит по второму этажу, видимо, спрашивая, не пробегал ли я там. По коридору же можно было пройти кругом. Слыша его шаги, я спустился тихонько на второй этаж, шмыгнул в свое спальное помещение, повесил шинель и, как был в сапогах и портупее, лег на кровать, закрывшись одеялом. У меня хватило времени сообразить, что если я буду раздеваться, то, зайди капитан в нашу казарму, сразу меня засечет. Так и получилось. Обежав все и не встретив меня, дежурный начал заходить в комнаты в надежде увидеть кого-то раздевающимся. Но увы. И только через полчаса я разделся.

Утром, как вы знаете, проводился утренний осмотр. Капитан медленно проходил вдоль выстроенных взводов, однако не узнал меня. Да и трудно было узнать, так как он не мог рассмотреть меня при скудном освещении под аркой.

Несколько слов о Мехлисе

Однако, нет-нет, а в комендатуру самовольщики попадались. И Мехлис сделал очередную нахлобучку нашему бате. Вообще, Мехлис Лев Захарович был страшным человеком. В 1937 году он был назначен начальником Гл.политуправления Красной Армии. С 1941–1942 годов, являясь Наркомом Госконтроля, он был одновременно заместителем Наркома обороны СССР. Это его руки были по локоть в крови от арестованных и расстрелянных генералов и полковников Красной Армии. Это он арестовывал Павлова, Кирпоноса и других, возглавлявших Украинский военный округ перед войной. Это он, являясь членом Военного Совета фронта, повинен в гибели десятков тысяч солдат, десантировавшихся на Керченском полуострове. После войны он был Министром Госконтроля. А в 1945 году – членом Военного Совета ПрикВО, имея звание Генерал-полковника.

В назидание потомству

И вот, чтобы создать соответствующую обстановку в полку, отыгрались на трех ребятах, бывших в самоволке, и в нетрезвом состоянии попавших в комендатуру. Их открыто, в присутствии всех слушателей, судил Военный Трибунал. Ребят разжаловали и отправили в штрафбат. Конечно, это возымело свое действие, самовольщиков уменьшилось, а меня Бог миловал, и помогли выборы.

Выборы в Верховный Совет СССР и сложности кампании

Наверное, в ноябре 1945 года объявили, что в январе-феврале 1946 года будут проведены первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. И началась предвыборная кампания.

А обстановка в западных областях Белоруссии и, особенно Украины, была неизмеримо сложнее, чем в России. В России уже привыкли к нашей системе выборов, к одному кандидату, вносимому в списки, к почти 100% участию в выборах и такому же количеству проголосовавших «за», поэтому предвыборная кампания не включала в себя большие трудности, а день выборов превращался в праздник.

А западные области, практически, к этому не привыкли и этого не знали. Вот в этом и заключалась одна из сложностей проведения там выборов. Во-вторых, из этих областей большое количество жителей нацелилось выехать из Союза в Польшу, Румынию, Израиль, США. И третье – Западная Украина кишела бандеровцами. Если в Польше бандитскими формированиями были аковцы, то в Черновицах, Прикарпатье и Закарпатье – бандеровцы, они чувствовали себя, как дома. На той части Украины, которая была до присоединения Западной Украины, бандеровцев практически не было. Бандеровские бандитские формирования прятались в лесах, в бункерах и терроризировали население, убивали активистов. В Карпатах в гуцульских селах были даже налоги, которые должны были предоставляться бандитам. Дело дошло до того, что, выезжая на тактические занятия в Карпаты, мы брали с собой боекомплект

снарядов, автоматы с запасными дисками. А пистолет мне пришлось сдать. Наши пистолеты, которые у нас были записаны в удостоверениях личности, мы сдали в части. И если вы помните, то у меня был браунинг, который не был внесен в документ. И я носил его в Черновицах, но, видимо, кто-то стуканул. А когда мы только появились в этом полку, нас категорически предупредили, чтобы те, у кого есть незарегистрированное оружие, сдали его. И вот както ко мне подошел помощник командира взвода и спросил у меня о пистолете, сказав при этом, что если я не хочу получить восемь лет, полагающихся по Уголовному Кодексу РСФСР, то лучше оружие сдать. Я чувствовал себя увереннее с этой фитюлькой, шастая по слабоосвещенному ночному городу.

Раз уж завел разговор о бандеровцах, то могу сказать, что командующий округом ездил проверять части, расположенные вне Черновиц, в сопровождении бронетранспортеров и броневиков, памятуя о том, как погиб в свое время генерал Ватутин. Если помните, он был смертельно ранен бандитами.

Степан Бандера был виновен в массовом уничтожении советских граждан – русских, украинцев, евреев, и поэтому смертная казнь была для него карой справедливой. Он был террористом по призванию. Через несколько лет после окончания учебы в Высшей политехнической школе Бандера был арестован. За что? За убийство министра внутренних дел Польши Перацкого. Его приговорили к казни «за злодеяния и издевательства над украинским народом». Бандеру ожидала смертная казнь. Но впоследствии ее заменили на пожизненное заключение. Освободили Бандеру после пятилетнего пребывания в тюрьме немцы, захватившие Польшу. Он сразу организовал борьбу против советской власти в Западной Украине. Затем переместился в Германию, где провозгласил себя вождем новой революционной ОУН. Отныне каждый член ОУН должен был жить по принципу: либо ты «здобудешь вильну и незалэжну Украину», либо погибнешь в борьбе за нее.

Но немцам «незалежна Украина» была не нужна. Когда созданный Бандерой с помощью абвера украинский легион «Нахтигаль» («Соловей») ворвался во Львов, и Бандера провозгласил восстановление Украинской державы, он тут же был арестован. И отправлен

в концлагерь. Когда Бандера создал многотысячную Украинскую повстанческую армию (УПА), на него обратил внимание Гитлер. Бандеру освободили для диверсий в тылу Красной Армии. Все, кто выступал против «незалежной Украины», за союз с Россией, подлежали уничтожению. Особо усердствовала так называемая служба безопасности ОУН – СБ. Ее боевики убили тысячи людей. Делалось это обычно с помощью веревки-удавки. Для устрашения населения применялись изощренные пытки и казни – людям отпиливали головы, вешали за ноги, сажали на кол.

После 1945 года Бандера быстро нашел нового хозяина – американскую разведку. Американцы полностью взяли на себя содержание осевших в Мюнхене ЗЧ (Закордонные части) ОУН. Они забрасывали на территорию Западной Украины парашютистов-эмиссаров ОУН, радистов, шпионов и диверсантов, снабжали подполье оружием. Оуновские лидеры были готовы на любые шаги, лишь бы отнять Украину у «большевистских оккупантов-москалей».

В памяти своих сторонников и последователей Бандера сохраняется как национальный герой и борец за освобождение Украины от «московских оккупантов», за создание свободной и «незалежной Украины». В ряде городов Украины стоят его бюсты, улицы носят его имя, и с этим нельзя не считаться. Внук «вождя», тоже Степан Бандера, проживающий сегодня в Канаде, собирается осесть в Западной Украине, где планирует продолжить «бандеровщину». Степан Бандера в соответствии со смертным приговором Верховного Суда СССР был уничтожен в Мюнхене в октябре 1959 года. Приговор в исполнение был приведен советским агентом Богданом Сташевским (псевдоним «Олег» и «Мороз»).

Агитколлектив и я при нем

Я завел разговор о выборах в Верховный Совет не потому, что это было большим событием для страны, а в том плане, что это лично коснулось меня. Я говорил о сложности предвыборной кампании в районах Прикарпатья и Закарпатья. И партийные органы для усиления агитационного контингента обратились к нашему полку,

то есть нам следовало выделить несколько человек для проведения агитационной работы. Я не знаю почему, но выбор пал на меня. Мой кандидатский стаж затянулся. Уже пошел второй год, но за это время я сменил пять воинских частей и, конечно, не мог найти таких членов партии, которые могли бы дать мне рекомендации, зная меня менее года. В общем, вызвали меня к парторгу или замполиту полка и сказали, что отныне и до конца выборной кампании я буду агитатором, и мне надлежит явиться на такой-то агитпункт. О моем назначении сообщили комдиву, комбату, а взводному я доложил сам. А это значило, что я каждый день мог зайти к комбату или командиру взвода вечером после ужина и получить увольнительную. Некоторые ребята с завистью смотрели, как вечером, начищаясь, я собирался к своим «избирателям», а начальство кривилось и давало увольнительные. Но как раз мне-то можно было давать, ведь меру я знал и не влезал во всякие переделки.

Так вот, в первый свой выход я явился на агитпункт избирательного участка по указанному адресу. Гражданских среди этой группы агитаторов было немного, в основном все военные, но, что интересно, возглавляли этот агитколлектив товарищи из КГБ. И первым же руководящим указанием было в процессе агитационной работы выявлять лиц, которые собрались уезжать из Союза и не заявили еще об этом желании в соответствующие органы. Забегая вперед, скажу, что всех, кто намылился выехать из нашего государства, к выборам не допустили, их не включили в списки.

Моя агитработа

А наша задача была тактично предупредить, что Верховная власть страны не нуждается в их голосах. Нам периодически давали инструктажи, но, в общем, вся агитационная работа зависела от индивидуальной работы агитатора. У меня, вроде бы, это неплохо получалось. Дали мне два или три дома старинной постройки, но как их раньше называли, «доходные дома». В них проживало порядочное количество семей. Конечно, я их всех обошел, познакомился с ними. Но вот чтобы вы смогли оценить мои агитационные таланты, расскажу о некоторых из них.

Заваливаюсь в одну квартиру. А дверь открывает полковник, представляюсь ему. Полковник посмеивается и говорит: «Ну, что ж, агитируй!». А с ним семья – жена и дочка-студентка первого курса медицинского института. Результатом этой моей агитационной деятельности было то, что мы с дочкой после агитации бежали на танцы, и родители мне доверяли ее.

Звоню в другую квартиру. Живут двое – мать с сыном, старожилы Черновиц. Мать где-то работала, а сын учился в шестом-седьмом классе. И вот после каких-то объяснений, мать обратилась ко мне с просьбой, рассказав, что мальчишка отлично успевает по гуманитарным наукам, знает румынский, немецкий и французский языки, учит английский язык, а вот по математике у него что-то идет плохо. Я подошел к мальчишке, он решал уравнение. Посмотрев, вначале подумал, что вот будет стыд, наверное, если я все забыл. Но нет, не посрамил советской гимназии, как я им популярно представил учебное заведение, где я учился. Мой авторитет как агитатора поднялся. И когда заходил к ним, то мы уже с мальчишкой немного занимались. А они угощали меня чаем. Семья каких-то торгашей из России иногда угощала рюмкой водки или стаканом виноградного вина. У них сын служил еще в армии.

Неоднократно я попадал и на какие-то семейные праздники, когда, открыв дверь, кто-то из хозяев громко объявлял: «Это наш агитатор». И с меня стаскивали шинель и сажали за стол. Да, и были евреи, которые нацелились уехать из Союза и ждали, когда будут оформлены их документы на выезд. Но тут все было культурно, разговоры велись без эмоций, спокойно. Пожалуй, это были первые наши эмигранты, выезжавшие в Израиль и США.

Конечно, я не обходил каждый вечер все свои семьи. Я тратил на это, наверное, не более часа, а потом был предоставлен сам себе: шел в кино, на танцульки, в театр. Иногда выполнял поручения ребят, встречаясь с их дамами сердца, передавая записки и сглаживая возможность конфликта в связи с длительным отсутствием кавалера.

Наверное, выборная кампания и спасла меня от самоволок и возможных последствий. Если в Черновицах при той организации всей кампании, активном участии в ней органов, выборы прошли нор-

мально, то так не скажешь о периферии. Сжигались избирательные участки, урны, осуществлялись налеты бандеровцев на комиссию, убивали агитаторов. Мне рассказывали, что так погибло несколько офицеров, посланных для агитационной работы. Закончились выборы, и я снова, как и все, сел под замок. Но было уже недалеко до весны, когда малость отпустили гайки, и плюс к тому мы с Витькой попали в разряд «сачков». Ваше любопытство в связи с этим я удовлетворю немного позже.

Занятия и знакомство с аборигенами

А занятия шли своим путем. У читателей может сложиться впечатление, что вся моя юность, мое пребывание в армии – это сплошные прогулки и предавание утехам. Но надо помнить русскую пословицу: «Делу – время, а потехе – час».

Вся война была для меня, как и для многих, не только опасным делом, но и очень тяжелой изнурительной работой. Вот и здесь, в этом учебном полку, кроме занятий, чтобы усвоить то, чем нас пичкали, надо было позаниматься и вечером. А ведь мы практически за эти восемь месяцев должны были пройти курс военного училища по новой для многих из нас военной специальности. Конечно, нас не мучили муштрой, не донимали нарядами, но на тактических занятиях с выездом в поле, мы выполняли все обязанности солдатских расчетов, копали ровики для орудий, тягали пушки, когда выезжали в Карпаты. А ведь мы часто ездили в горы, в буковые и дубовые леса, в которых, когда они покрыты листвой, темно, как поздним вечером. Мы заезжали в гуцульские селения, надо сказать, что очень бедные. И хотя это была Европа, но в такой гуцульской хате вместе с хозяевами можно было видеть овечек с маленькими ягнятами. А сами гуцулы ходили в белых штанах, которые казались нам кальсонами, в длинных рубахах, меховых жилетках и высоких шапках из овчины. Не только быт их был скромен, но и еда, включавшая в рацион в основном мамалыгу – кукурузную кашу и овечий сыр. То есть, как в те далекие времена, эти люди пользовались, в основном, только продуктами своего труда, и казалось, что их не коснулась цивилизация.

Встреча Нового 1946 года

Я уже из осени давно перескочил в зиму, но не поведал вам об этом. Приближался новый год, первый послевоенный 1946 год. Но заслон был крепок. Командование усилило караулы, и выйти не только для проведения агитационной работы, но и в артиллерийский парк, не представлялось никакой возможности.

Правда, устроили вечер с какой-то самодеятельностью и танцами. Прекрасного пола было явно мало. Да и толкучка там приличная была. Но ведь надо было как-то отметить это событие, встретить новый, поднять бокалы (кружки) и произнести тост. И тут пришла мысль Витьке. Я говорил, что казарма была из старых, и были истопники. И он подъехал к одному из них, упросив, чтобы тот купил нам бутылку водки. Само собой, дали ему за услуги. И вот откуда-то он приволок нам бутылку.

А перед новым годом была проведена в полку соответствующая работа по всем линиям – комсомольской, партийной, командной, чтобы «ни-ни», никаких выпивок и пьянок. Обещали нарушителям воздать по всем линиям. Витька, хоть и старше меня, был комсомольцем, а я все-таки «партейным большевиком». Чтобы не дразнить собак, мы ушли в умывальную комнату, захватив с собой железные наши фронтовые кружки, ну и, соответственно, бутылку. Увязался с нами Лешка Седелкин, хороший, добрый был мужик, он как-то вязался к нам с Витькой. Мы ведь выделялись нашей дружбой, тем, что все время были вместе. Остальные-то все были каждый сам по себе. И я знаю, что многие завидовали нам. Но легко найти собутыльника и не так просто – друга. Конечно, не оттолкнули его, то есть Лешку. У него же нашлась и «закуска» – большая луковица. Другого, к сожалению, не оказалось. Наш доппаек нам давали в столовой, присовокупляя его к рациону. Втихаря разлили спиртное, и когда часы показали 24.00., чокнулись и выпили, закусив, чем Бог послал, то есть луковицей. Это был последний новый год у Лешки. Трагически у него сложилась судьба. Вскоре после нового года он познакомился с девушкой, которая служила в КГБ. Была какая-то вечеринка. Лешку подобрали на земле около окон той квартиры, которая была на третьем этаже. Его похоронили, а дело замяли.

Версия официальная была, что он выбросился пьяным, а злые языки говорили, что это сделали пьяные КГБ-шники.

Зима в Черновицах

А зима в Черновицах была, но гнилая, с дождями, туманами и слякотью. Выпавший снег или тут же таял, или, пролежав несколько дней, исчезал, смытый дождями. В общем, погода была мерзопакостной. И прямо скажем, далеко не располагала к тактическим занятиям и выезду в поле. Но, к счастью, такая погода была непродолжительной в тех краях. И вот, где-нибудь в поле, когда ветер и сырость продирали до костей, с сожалением вспоминал о телогрейке, полушубке, меховых рукавицах, которые были на батарее.

Нас «водят гулять»

Но вот уже ярче засияло солнце, улицы просохли, промылись первыми весенними дождями. Прямо скажем, жить стало веселее. Зазеленел наш парк. А напротив нашей казармы был сравнительно большой городской парк с мощными деревьями из дуба, бука и нежными яблоньками и вишнями.

С приходом теплой погоды центр развлечений в Черновицах переместился в наш парк. Здесь появились гуляющие парочки, начала работать танцевальная площадка, и хозяевами положения стали артиллеристы. Уже отсюда шугали не наших, а скорее –пограничников. Нас начали по воскресеньям «водить гулять», и было это, как у Лермонтова.

«И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Вступили в город музыканты,
Играли марш из Двух Слепых.
. . . . . .
Ах, посмотри сюда, кузина,
«Вот этот» – «Где майор»,
О нет, как он хорош,
Да он, кажется, корнет?

Как ловко, смело избочился,
Поверишь ли, он мне приснился?
Я после не могла уснуть.
И тут девическая грудь,
Косынку тихо поднимает,
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.
Но полк прошел. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских
Немытых, шумных и босых».

Выстраивался на плацу весь полк, оркестр, открывались ворота, и полк выходил в город с развернутым знаменем. Вообще, зрелище было интересным, красочным. По улицам города шел строй офицеров, сверкая золотом погон, начищенными пуговицами и блеском портупей. Конечно, все движение останавливалось, когда мы шли, шпалерами стояли люди, оказавшиеся на улицах города. А один марш сменялся другим. Звучали и старые, вроде «Егерского», новые советские песни, но коронным все-таки было «Прощание Славянки», созданное военным дирижером В.И. Агапкиным еще до революции. Но, кажется, что он еще служил и в послевоенное время. Хотя некоторые из наших офицеров и чертыхались после таких прогулок, а мне нравилось вот так пройтись строем, почувствовать себя частицей монолитного целого, но подвластного музыке и взмаху дирижера.

Дневалим

Я говорил, что в наряды нас не назначали, но два вида такой службы нас не миновали. Это дневальство по этажу и офицерский патруль по городу. Дневалить приходилось, хотя и не часто. В задачу входило, нацепив «селедку» – шашку, находиться у специальной тумбочки около лестничной клетки. При появлении начальства надо было докладывать о ЧП, следить за порядком. Дневалить надо было и ночью. И вот, чтобы скоротать ночь, я брал свою даму – шашку за талию и учился танцевать, входивший в то время в моду вальс-бостон. Если обычный вальс голова мне после контузии танцевать не позволяла, то бостон она выдерживала.

Офицерский патруль

Вторым видом службы был офицерский патруль по городу. В определенные дни в соответствии с графиком несколько офицеров из полка отправлялись в комендатуру для патрулирования по городу. Обычно часов в 18.00. патрули выстраивал дежурный по городу. Проверялось оружие, которое получали в полку, внешний вид. На патрулирование надо было являться в полном порядке. После чего или дежурный по городу, или комендант города, а учитывая, что дислоцировался округ, комендант был генерал, давали инструктаж. Рассказывали о дезертирах, об обстановке в городе, о наведении порядка. И уж надо прямо сказать, давалось задание, сколько надо доставить в комендатуру солдат. Вот я и вспомнил Московскую комендатуру и мое знакомство с ней. Инструктаж заканчивался, и мы получали по два-три солдата, которые служили в комендатуре, и расходились по своим участкам. Одним из злачных мест, где можно было прихватить нарушителей установленного порядка, был рынок. Солдатам в то время на рынке появляться было запрещено. Так что задержанный там солдатик, уже был обречен попасть на гарнизонную губу.

Несколько слов о Черновицком рынке. Как и на любом другом, там можно было купить и пайку хлеба. Не забывайте, ведь существовала карточная система. Как на украинском рынке, можно было прикупить: сало, свинину, подсолнечное масло, варенец и другие молочные продукты. Но, учитывая близость к Молдавии, можно было приобрести вино. Причем, перед тем как купить литр или больше, можно было попробовать, выпив рюмочку. И уж отвлекусь, мы так иногда неплохо «пробовали», не покупая. Ну, а солдатики сюда заскакивали порой, чтобы загнать или поменять на продукты пару белья, которое удалось каким-то образом достать или «потерять», ну и, может быть, пропустить стаканчик винца.

Вторым местом, откуда, будучи патрулем, я доставлял в комендатуру нарушивших порядок солдат, была территория монастыря, где находились квартиры генералитета из штаба ПрикВО. У всех этих штабных чинов были ординарцы. Ну, скажем прямо, денщики. И вот такой солдат попадал к генералу, жил с ним припеваючи.

Обычно генералы не утруждали службой этих ребят, относились к ним панибратски. И многие из этих денщиков, прямо скажем, наглели. Начинали носить офицерское обмундирование, не положенное по форме, носили прически, которые были запрещены для солдат. И вообще, раз у него Иван Иванович – генерал, то значит и он, ординарец, «уже Бога за бороду поймал». Вот за такими жоржиками я и открывал охоту. А солдаты из комендатуры – это были прямо волки. Их воспитывали, что каждый солдат в городе – это потенциальный нарушитель, и его надо хватать.

Я никогда не брал, не задерживал солдат, которые были в увольнении в городе. Проверив документы, я их отпускал, предупреждая, где им лучше всего не появляться. Но вот этих жоржиков мы брали с удовольствием. Не привести никого я не мог. Вот такого приводили в комендатуру, лишали его там всей красы, то есть стригли под машинку, если на нем было офицерское обмундирование – меняли на солдатское. Ну, и никуда не денешься. Генералу приходилось являться за своим чадом. И хоть он и генерал, но думаю, что неудобно было выслушивать замечания от коменданта города.

Будучи патрулем, мы заходили в театр и, что там говорить, смотрели представление, шли на танцевальные площадки. Как-то мои дежурства прошли без эксцессов, без перестрелок с бандеровцами, с бандитами, таких-то ведь после войны развелось также немало.

Витька сачкует, а я собираюсь воспитывать суворовцев

Виктор с первых дней своего приезда в полк развернул бурную деятельность по демобилизации из Армии. Я уже писал, что у меня также был настрой, чтобы уйти на гражданку, и причины этого я излагал. Но никаких активных действий к этому я вначале не предпринимал. А потом случилось следующее событие.

Из разговора с нашим командиром взвода я узнал, что в полк пришла разнарядка – отправить дела в специальное училище для подготовки преподавателей – воспитателей для суворовских училищ и воспитанников, связанных с музыкой.

До революции в России были кадетские корпуса, в которых воспитывались малолетки и их готовили для военной службы. После окончания кадетского корпуса они шли в юнкерские училища или гардемаринские, которые выпускали офицеров армии и флота.

У нас перед войной появились специальные школы ВПС, артиллерийские и морфлота, и в них принимали ребят после окончания седьмого класса. Во время войны появилось много мальчишек-сирот, были пацаны, хлебнувшие войны, находясь в частях и получившие название «Сын полка». Я встречал таких. И вот, когда было принято решение о возрождении традиций русской армии, и в 1942 году были введены погоны, возникла мысль организовать такие же кадетские корпуса, как и ранее. Организацию их поручили генерал-лейтенанту Алексею Алексеевичу Игнатьеву – графу, писателю, дипломату, вернувшемуся в Союз в 1937 году. Как известно, он написал книгу «Пятьдесят лет в строю», и сам прошел через кадетский корпус. И вот такие детские военные заведения были созданы в Казани, Калинине, Киеве, Ленинграде, Минске, Москве, Свердловске, Уссурийске.

Одновременно были созданы и нахимовские училища. В те военные годы, начиная с 1943 года, в эти училища брали маленьких ребятишек, по-моему, начиная с 5-го класса, а, может быть, даже и более младшего возраста. Это уже впоследствии в суворовские училища стали принимать только после 8-го класса.

Вот для этих училищ и решили подготовить воспитателей и преподавателей. Я не знаю, было ли это постоянно действующее училище или это было учреждение разового плана, но условие для поступления – это офицерское звание, образование десять классов, ну и, видимо, не очень преклонный возраст. Я обратился к комбату, рассказал о маме и что люблю детей, и об общественной работе в школе. И мои документы послали в Москву. И я ждал решения. Это был для меня выход. Я говорил, что мне нравилось находиться в армии. Но время шло, и все заглохло. А я думаю, что из меня получился бы неплохой воспитатель для наших кадетов.

Как комиссоваться из Армии и что из этого вышло?

Продолжу рассказ о наших попытках выбраться из Армии. Мы с Виктором были молодыми и, конечно, не подходили ни под какую статью о демобилизации. Про таких говорили: «Служить тебе в Армии, как медному котелку». Значит, оставалось два пути. Первый – встать на стезю нарушителя дисциплины, пьянства. Но этот путь был чреват тем, что можно было легко вместо дембеля угодить в штрафбат. Второй – попытаться найти в себе какие-то болезни, и при помощи медицинских работников комиссоваться. Вот этот путь мы и избрали.

Первым начал шастать по врачам Виктор. Жалуясь на все свои органы врачам, начиная от головы и до пяток. Психология его заключалась в том, что кто-нибудь из врачей клюнет и подумает: «А кто его знает, может, у него действительно что-то есть» – и, перестраховываясь, напишет заключение, категорически не отвергая жалобы. Надо еще сказать, что наши врачи, я имею ввиду военных, насобачились на операциях, ведь было предостаточно материала, на котором можно было учиться, и они были прекрасными хирургами. И думаю, что были далеко не асы в терапии и других специализациях. В этом я убедился спустя шесть лет, попав на Дальний Восток. Но об этом еще будет речь позже.

Включился и я в единоборство с медициной. Но не симулировал и не оговаривал, прошу прощения, если неправильно написал этот термин, означавший «преувеличение». Дело в том, что после контузии я почувствовал, что вижу хуже. Когда проверил у окулистов зрение, то оказалось, что потеря есть, но острота остается в пределах нормы, необходимой для службы не только в военное, но и в мирное время. Надо сказать, что для службы в кадрах армии в мирное время требования были выше. Эту проверку я делал где-то в начале моей службы в Черновицах.

И весной, когда появился настрой оставить армию, я вновь обратился в полковую медсанчасть, что видеть стал хуже. Проверили. Ну, раз гиря весов не на столь уж много перевешивала помещенный на скалку груз в виде остроты зрения, то последнюю всегда можно

сделать чуть тяжелее. Вот сейчас читатели скажут, что распинался, что «не оговаривал». Но ведь человеческий организм таков, что он в разное время дня по-разному работает, даже рост утром больше, чем вечером. Короче говоря, и в этом вопросе сработал психологический момент – «а вдруг», лучше перестраховаться. И вот так я попал в орбиту медицинских проверок, медицинских комиссий. Наверное, со мной не стали бы столь долго и тщательно возиться, если бы был постарше. Отпустили бы душу на покаяние, а у военных врачей также в памяти крепко засела пословица «о медном котелке».

В начале меня проверяли гарнизонные окулисты и гарнизонная медкомиссия выносила свое решение. Тут и я малость поднавострился, узнал критерии годности к службе. Ведь их не разглашали. Гарнизонная комиссия вынесла довольно расплывчатое решение, в общем, все-таки в плане того, что я годен к службе. Тогда я начал пробиваться на окружную комиссию. Все это требовало времени, ведь не ограничивалось только осмотром. Проводили мне и атропинизацию: расширяли зрачки и смотрели глазное дно. И поэтому мы начали пропускать занятия, чтобы пойти в поликлиники и госпитали. Вначале это вызывало какое-то сопротивление у наших командиров, но постепенно к этому привыкли, и мы попали в разряд «сачков». Я уже как-то говорил о категории таких людей. На нас стали смотреть, как на отрезанный ломоть. Мы не отказывались от нарядов, вроде бы и занимались, но без должного рвения и желания. И, наконец, получили желаемые заключения, которые гласили: «В соответствии с тем-то и тем-то годен в военное время и ограниченно годен в мирное время». Сдав все документы, нам оставалось только ждать решения командующего. Или нас демобилизуют, уволят в запас, или заставят служить, может быть, в других частях, не связанных с огневой работой.

Весна! Весна! На улицу!

А весна была в полном разгаре. Все-таки – это прекрасное время у нас в России.

«Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,

И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.
Юный лес, в зеленый дым одетый,
Теплых гроз нетерпеливо ждет;
Все весны дыханием согрето,
Все кругом и любит, и поет».

А.К. Толстой

Но еще лучше весна на юге благодаря обилию зелени, богатству красок и цветов, и приходит она гораздо раньше. И, кажется, что солнце светит ярче и небо необыкновенной голубизны.

Выбравшись в госпиталь на очередной прием к очередному врачу, а раз уж нас принялись обследовать, то пропустили и через других врачей, мы после осмотра бродили по городу. Особенно хороши были окраины, где стояли виллы. Сами-то по себе здания были необычной для глаз архитектуры, они утопали в цветении яблонь, вишен, абрикосов, и по этим тихим, без машинной трескотни и людской толчеи, улицам разливался тонкий аромат цветущих деревьев.

Или шли в кино. Как сейчас помню, мы смотрели только что вышедший на экраны фильм «Небесный тихоход». Может быть, и запомнилась картина потому, что в ней был мягкий юмор, и сам фильм по-весеннему был каким-то солнечным, как тот день, который нас встретил, когда мы покидали кинозал.

Футбол с командующим

В один из таких солнечных дней мы попали на стадион. Шел футбольный матч. Играли какие-то две команды из воинских соединений. Народа было не очень-то много, и мы устроились в центральной части трибуны. И вдруг появился генерал с очень симпатичной молоденькой женщиной, одетой уже по-летнему, в шляпке, казалось, что она только что выпрыгнула с экрана. Генерал был сам Еременко – командующий нашим Прикарпатским военным округом. Странно, что с ним не было адъютантов и прочей свиты. Или он сбежал от них с молодой дамой (правда, она больше походила на его дочку), или захотел отдохнуть от своего окружения, такое тоже бывает.

Андрей Иванович Еременко, как гласит энциклопедия, родился в 1892 году, и значит, в 1946 году ему было 54 года – возраст вполне еще очень даже ничего. Во время войны командовал рядом армий и фронтов. Последний из них был 4-ый Украинский, самый южный из наших фронтов на Советско-Германском. Правда, был еще 5-ый Украинский, как в шутку у нас называли венерический госпиталь, куда как раз больше всего попадало солдатиков из южных районов Черноморья, Бессарабии и Румынии.

Так вот, Андрей Иванович, говорили, что был ранен в ногу, и чуть ли не на протезе ходил. Не берусь утверждать, но знаю, что на Параде Победы шел пешком. Невысокого роста, полный, казалось, что у него отсутствует шея, так как голову он повернуть не мог и поворачивался всем туловищем. В пятидесятых годах, когда он был в Сибири, ему присвоили звание Маршала.

Но продолжу о футболе. Матч был интересным, а может быть. и потому, что мы видели первый послевоенный футбол, и мы довольно бурно его переживали, забывая о генеральских звездах, которые были прямо под нами. Видимо, также увлекшись зрелищем игры, Еременко то и дело поворачивался к нам, как я говорил, всем туловищем и просил прокомментировать тот или иной момент игры. Окончился матч. Генерал с дамой встали. А мы, вскочив со своих мест, отдали им честь. Еременко улыбнулся, кивнул нам головой и удалился. Так состоялась наша первая встреча с командующим.

Минорный настрой

Я не писал домой, что меня могут демобилизовать, но какой-то маленький кусочек надежды не маме, а Мире, дал, что, авось, такое может свершиться. Или, что после окончания учебы этим летом, может быть, удастся приехать в отпуск. Не знаю, почему я это написал. Возможно потому, что почувствовал в письмах от Миры нотку усталости от ожидания, а может быть, и чувство ревности появилось, ведь она мне писала, что познакомилась в госпитале, где она стажировалась или работала, с каким-то офицером, который ее с подружкой сопровождал в театры. А в них они частенько бегали. Был и еще один объект возможной ревности. Это директор их дет-

ского дома, который оказывал ей внимание. И, в общем-то, помогал учиться, снабжая продуктами и овощами. А приезжая на летние каникулы в детдом, устраивал на работу воспитателя. Наверное, так уж скроен человек, что в чужом глазу соломинку видит, а у себя – бревна не замечает. Как вы можете заметить, ведь монахом я отнюдь не был. Но весна брала свое и молодость также, и как пелось: «Сердцу хочется ласковой песни и хорошей, большой любви».

Все это звучало в письмах. Наверное, они были хорошими. К сожалению, от них не осталось и следа. Звучали в письмах и нотки ностальгии, которые усиливались еще и Лещенковскими мелодиями, которые раздавались с танцплощадки нашего парка.

«Я тоскую по Родине,
По родной стороне моей,
Я в далеком походе теперь
На чужой стороне.
Я тоскую по русским лесам,
И по серым любимым полям.
Как мне грустно без них».

В общем, настрой у меня был минорный. Уж не очень тянуло на танцплощадку, и пользуясь тем, что в полку была приличная библиотека и поступало много художественных журналов, я читал. Вот там-то и прочитал, напечатанные в каком-то журнале произведения: «Молодая Гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. Интересно, что когда мы стали обсуждать молодогвардейцев, то среди нас оказался офицер из Краснодона, который, как облупленных, знал всех ребят, описанных Фадеевым. И называл Сережку Тюленина чуть ли не первым хулиганом в Краснодоне. Вполне может быть.

Подготовка ко Дню Победы

Подготовка к празднованию первого послевоенного Дня Победы в какой-то мере отвлекала от ожидания неопределенности положения. Ведь год тому назад 9-го мая было объявлено, что этот день является днем всенародного торжества – Праздником Победы – и нерабочим днем. Правда, через два года его отменят, чтобы спустя

много лет снова восстановить. Подготовка к празднику, в орбиту которой был втянут наш полк, включала два момента.

Первый – подготовка к параду. Все-таки, в Черновицах был округ. Учитывая, что в городе не было ни военных училищ, ни академий, двум офицерским полкам, нашему и пехотному, отдавалась пальма первенства на параде. Ну а для тех, кто когда-либо принимал участие в парадах, знакомо, что для нескольких минут парадного марша, требовалась месячная, чуть ли не ежедневная, маршировка. Каждый день после обеда мы отправлялись куда-то, где отрабатывали все нюансы парадного шествия, по нескольку раз, проходя мимо руководившего этой тренировкой генерала.

Вторым моментом подготовки ко Дню Победы было создание сводного хора округа. Для этой цели задействовали оба наших полка, что составляло мужскую половину хора, а женскую набирали из госпиталей, которых было несколько в Черновицах. Таким образом, в хоре было более тысячи голосов. Собрали нас, определили, у кого первый, у кого – второй голос. Вот и мой козлетон оказался, по-моему, вторым голосом. Дали разучивать три песни. Одну из них, суворовских времен, помню «Там бел город полотняный». Вот эти два действа вносили какое-то разнообразие в нашу жизнь и отвлекали меня от дум.

Пасха и цивилизация

В конце апреля, в одно из воскресений, была пасха. Мы где-то гуляли, и в субботу вечером, возвращаясь в полк, проходили мимо православной церкви. На фасаде ее сверкали два, сделанных из разноцветных лампочек, креста. Вся площадь за церковной оградой была запружена народом, над которым раздавался благовест церковных колоколов. Мы пробились сквозь толпу к самому парадному входу церкви и наблюдали всю процедуру пасхального действа: песнопение, церковный крестный ход и затем весь молебен в церкви. Я впервые это видел. Вообще, зрелище впечатляло. Но меня поразила иллюминация в самой церкви. Я как-то привык, что в церкви должны быть только свечи, а эта была освещена электрическими лампочками, выполненными под свечи. Ни куличей, ни яиц, да и пасхи у нас не было, так что святить было нечего.

И вспомнился этот праздник до войны, хотя в церковь не ходили и, в общем-то, пасху не отмечали. Но куличи были очень вкусные, пышные, мама их пекла и делала пасху. Яиц не красили. А в Каменске в канун пасхи, да и в Туре, также звучала канонада – стреляли из маленьких пушек, которые в свое время лили на этих заводах. Ну и чтобы уже покончить с церковью, должен сказать, что поп на службу приезжал в своей машине, что по тем временам у нас в Союзе было большой редкостью.

Вот написал о машине попа, и вспомнился мне рассказ бывшего секретаря Свердловского обкома КПСС Виталия Ивановича Довгопола, с которым у меня были довольно дружественные отношения. В пятидесятые годы наряду с Победой, Москвичом у нас появились ЗИМы, машина престижная, красивая, но, говорят, крайне неэкономичная, очень много «кушала» бензина. Довгопол в ту пору был Первым секретарем Нижне-Тагильского горкома КПСС. Первое лицо в городе, он хотел и на машине ездить, подобающей своему рангу. И просил обком выделить ему ЗИМ, тем более, что в городе появились частные ЗИМы. Но обком не давал. Если Москвич по тем временам стоил 8 тысяч рублей, Победа – 16 тысяч рублей, то ЗИМ, если мне не изменяет память, 45 тысяч рублей. И вот вдруг покупает ЗИМ батюшка Николо-Павловской церкви Тагильского района. Довгопол вновь толкнулся к Секретарю обкома, что поп в его епархии ездит на ЗИМе, а Секретарь – на Победе. И ведь выделили ему ЗИМ.

Ну, вот и добрался я к последним дням моей жизни в Черновицах. Отмаршировали мы на параде в День Победы, отпели в хоре разученные нами песни, отгуляли как положено праздники, а 11 мая был подписан долгожданный приказ Командующим Прикарпатским военным округом о демобилизации из кадров Красной Армии младшего лейтенанта Смородинникова Александра Васильевича, 1925 года рождения.

Демобилизуют

Прочитали приказ. Некоторые слушали его с завистью, а кое-кто с жалостью за меня. Я уходил к цивильной жизни, от которой

мы отвыкли, где надо было самому заботиться о куске хлеба, о крове, причем в довольно тяжелый момент жизни нашего государства. Я помню, как только у меня появились возможные предпосылки к демобилизации, вызвал меня комбат и начал уговаривать, не делать такую глупость и не уходить из Армии. Когда я возражал ему, говоря, что пойду учиться, он мне приводил примеры того, что 1946 год сложился очень неблагополучно для нашей страны, хозяйство пришло в упадок, везде неурожай, американцы и англичане прекратили оказывать России помощь продуктами. Стипендии крайне мизерные. В Черновицах студентки, чтобы поддержать себя, вынуждены заниматься проституцией. Но, как говорят, «жребий брошен, рубикон пройден». Я не думал о том, что будет. Пока что меня охватывало радостное волнение встречи с родными.

Путь далекий – домой

Простился я с ребятами, с Виктором. Так мы с ним и расстались, чтобы больше не встретиться. Я несколько раз писал в Оренбург в адресный стол, но так и не получил ответа о нем.

Получены проездные документы, талоны на продпаек, денежное довольствие. Выдали мне несколько окладов за полагавшиеся отпуска в армии и что-то вроде компенсации или премиальных. В общем, была порядочная сумма. Вручили пакет с личным делом, адресованный военкому г.Кушва, откуда я ушел в Армию.

Вокзал. Последняя прощальная чарка в привокзальном ресторане с ребятами и поезд Черновицы – Кишинев. Опять я еду на перекладных. Приехал в Кишинев, проскочил по городу и вечером отбыл в Одессу. В Одессе почему-то запомнился только разрушенный вокзал.

И снова поезд, на этот раз Одесса – Москва. Ехали без происшествий, вызывало только удивление то, что из Одессы в поезде ехало немало евреев, говоривших на чисто одесском жаргоне. Казалось, что после войны их осталось раз-два и обчелся, и вот они снова под крылышком Одессы-мамы.

В Москве

Москва. Она уже другая, мирная, без аэростатов заграждения, без наклеенных на стеклах полосок бумаги, говорливая и шумная, без озабоченных людских лиц. У меня есть адрес. Москвич Лешка, тот, который по пути из Млава в Черновицы заскочил в Берлин, когда я уезжал, он дал мне свой адрес, чтобы я зашел к нему домой. Не помню, где это было. Но какой-то старый московский дом, коммунальная квартира, в которой жили его мать и сестренка лет шестнадцати-семнадцати, они с радостью меня приняли. Не помню, к сожалению, ни фамилии Лешки, ни его семьи, хотя и прожил у них несколько дней. Немного побродил по Москве и где-то на барахольном рынке, наверное, на существовавшей тогда Сухаревке, купил хромовые сапоги. У меня было две пары кирзовых сапог, две пары летнего обмундирования хлопчатобумажного, две пары брюк и гимнастерок из отличной английской шерсти. Короче говоря, я был одет, обут, а военная форма была по тем временам самой модной. А отличные хромовые сапоги делали мой туалет законченным. Купил какие-то подарки маме, Вовке, что-то и Мире.

Послевоенный рынок

В только-только освободившейся от тягот войны стране по воле разутого, раздетого и полуголодного народа стали стихийно возникать никем не контролируемые базарчики – на площадях, в скверах, на пустырях. Торговали на «черном рынке» всем: папиросами вроссыпь, селедкой, свечами, фитилями для керосинок, спичками, сахаром… Какой-то товар улетал мгновенно, а с некоторыми вещами продавцы пытались расстаться неделями.

Чем же привлекал москвичей «черный рынок»? Во-первых, дешевизной, а во-вторых, широким ассортиментом. Московским магазинам в то время такое и не снилось! Вор, укравший летом через открытое окно пиджак или пальто, тут же тащил его на рынок, чтобы поскорее избавиться от «приобретения», а потому за ценой, как правило, не стоял. А иной посетитель, бывало, рыщет по всему рынку в поисках нужной вещи, а найти не может. Его обязательно

приметят, подойдут, поинтересуются – что ищешь? И тут же, по-деловому: «Сколько дашь?». И через некоторое время приносят что нужно. В крайнем случае, пообещают: «Приходи завтра – будет». И, действительно, на следующий день приносят, как обещали. А откуда что берется – не твой спрос!

На фоне суеты и разухабистости рынка резко выделялась одна категория продавцов. Они не кричали, не зазывали, не навязывали свой товар. Это были преимущественно тихие, плохо одетые старушки и пожилые дамы «из бывших». Молча стояли они у стен домов, держа в руках старинные шкатулки, бронзовые подсвечники, разрозненные фужеры и серебряные подстаканники. Они не продавали – они меняли семейные реликвии на ценности обиходные – хлеб, сахар, картошку. Им никуда не удавалось спрятать свои глаза – печальные и много повидавшие.

Среди озабоченных, вечно что-то ищущих покупателей толкучки, встречалась и вполне праздная публика. Среди местного народа их прозвали «интеллигентами». Попадались среди них личности в дорогих шубах, с тростями в руках. Они не торговались, они даже ничего не покупали – они просто наслаждались самой атмосферой рынка. С интересом приглядывались к продавцам, рассматривали товар, а иногда брали вещь в руки, смотрели на свет, а наткнувшись на нечто неожиданное, одобрительно роняли: «О, Кузнецов!.. Смотри-ка – старый Попов!..». И шли дальше по рядам, ничего не покупая…

Кроме того, рынки кишели всякими мошенниками, которые могли всучить тебе вместо пачки денег «куклу», «наперсточниками», у которых никогда нельзя было угадать, где шарик, крупной и мелкой шпаной в сапогах гармошкой и «фиксой» во рту.

Пятьсот-веселый

А поезда, как и во время войны, идут плохо, и чтобы разрядить вокзалы и станции городов и городишек от просиживающих там сутками пассажиров, пускали поезда, так называемые, «пятьсот-веселые». Это была помесь товарных с пассажирскими вагонами, и шли они вне расписаний, могли где-то и подолгу стоять. Вот на

таком поезде и состоялось мое дальнейшее путешествие до Свердловска. Конечно, ехал я не 28 часов, как на «Урале» или «России», и чаек проводники не носили, а надо было бежать на станции туда, где большими буквами было написано «КИПЯТОК». Вот и Свердловск.

В Свердловске

Поезд пришел поздно вечером. И вот знакомый вокзал, забитые пассажирами залы ожидания, огни привокзальной площади, трамвай, идущий по Якова Свердлова, где теперь уже не ходит, дом дяди Вовы на Толмачева, и вот она – Площадь 1905 года. Защемило что-то в груди. Недаром говорят: «И дым Отечества нам сладок и приятен».

Вот она, улица Октябрьской Революции, на углу которой расположено самое высокое здание в Свердловске, из него, согласно юмору, Колыму видно. А вот и дом. Стучу в знакомое окно. Вздрогнула и откинулась штора. В окне – тетя Зина. Наверное, радостной была встреча, не помню, другие заслонили все. Поужинали. Тетя Зина уложила меня спать. Утром встали, побрился, привел себя в порядок, надел хромовые сапоги. Вроде бы, шикарно смотрелся. А ведь мне надо было выглядеть прилично, чай на смотрины шел. Сколько девчонок из медицинского института будут глядеть на меня и глазами ощупывать. В институт идти было явно рано, кого же там найдешь, когда все девчонки на занятиях. Ведь был конец мая или уже первые числа июня. Свой день рождения я встретил в дороге, а может быть, в Москве. Память не удержала такого события, ведь я не отмечал этот день. Но иногда обстоятельства складывались так, что мне напоминали о нем, и тогда уж приходилось что-то устраивать. Помнится, сходил на продпункт. Он находился на станции у погрузочной военной площадки. Наверное, и запомнился потому, что надо было пересекать все железнодорожные пути. Получил различных продуктов, принес тете Зине. Ведь она также жила на карточки, не имея никаких побочных источников поступления продуктов.

Мира и медички

Наверное, в 15.00. часов отправился в медицинский институт. Зашел в главный учебный корпус. Каким-то он мне показался большим тогда. И в кадрах выяснил, в каком общежитии жила Мира, и номер ее комнаты. Вот и это общежитие. С волнением я поднимался по лестнице, шел по коридору. Какой будет наша встреча, что она принесет нам? Мы не виделись более трех лет. Жизнь изменила нас. Я уходил мальчиком – юношей, застенчивым, нерешительным, робко пряча свои чувства, не осмелившимся лишний раз дотронуться до ее руки, боявшимся обидеть ее, вызвать насмешку. А вернулся уже юношей – мужчиной, но хотя я и не был в то время уже столь застенчивым и робким в обращении с женщинами, но и нахальным не был. Видимо, все-таки что-то осталось во мне от того Верхнетуринского мальчишки из 43-го года.

Наверное, как нельзя больше, к нашей встрече подходили стихи из Маленькой баллады Роберта Бернса, написанные еще в XVIII веке. Но то, что касается любви, чувств, не имеет срока давности, и всегда современно и, даже наоборот, все, что было написано ранее – все лучше, чище, без обнажения сугубо личного, интимного, без той нарочитой показухи, которую наблюдаем сейчас на улицах, в метро. Когда молодые пары на глазах у всех обнимаются, прижимаясь друг к другу, как будто вокруг них никого нет. Это какая-то демонстрация обнаженности чувств, и она уже никого не удивляет. А где же Бернс?

Ну вот то, что обещал:

«Где-то девушка жила,
Что за девушка была!
И любила парня славного она.
Но расстаться им пришлось,
И любить друг друга врозь,
Потому, что началась война.
За морями, за холмами –
Там, где пушки мечут пламя,
Сердце воина не дрогнуло в бою.
Это сердце трепетало,
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!»

Вот и тогда мое сердце трепетало, когда я открывал комнату общежития, получив разрешение войти. Передо мной было сравнительно большое помещение, уставленное кроватями и тумбочками. Впереди стоял стол, а левее располагался какой-то куток, завешанный простынями, интимный уголок для различных девчоночьих действ.

В комнате было несколько девушек. Кто лежал, кто сидел, кто учил, а кто молчал. Конечно, все взоры сразу вперлись в меня, оглядывая оценивающими взглядами вдруг неожиданно появившегося «душку военного». Я спросил, где Мира, ведь среди присутствующих ее не оказалось. И тогда кто-то из девчонок робко спросил: «А Вы не Саша?». Я ответил утвердительно, и весь этот кагал сорвался с мест. Меня окружили. Моментально сдернули с меня шинель, усадили. Сразу же ввели в курс своих дел: они готовились к экзаменам. Мира в институте занимается в читальном зале и ничего не знает о моем приезде (откуда бы ей знать, если я не сообщал). Нашлась девушка, выразившая желание сбегать за ней. Ей вдогонку кричали, чтобы она ничего не рассказывала о моем появлении. А меня продолжали расспрашивать о войне и о моей службе, а потом затолкали в тот отгороженный куток, куда-то спрятав мою шинель. Все присутствующие решили участвовать в том спектакле, который сами же и разыгрывали.

Появилась Мира, я узнал ее по голосу. Девчонка явно не сообщила ей о моем появлении, придумав какой-то предлог, чтобы вытянуть ее из читалки. Девчонки заговорщически молчали. И тут вышел я. Это было, как явление Христа. Мы смотрели друг на друга. Я видел, как радость разливается по ее лицу. Наверное, я тоже улыбался. Шаг, еще шаг, и мы обнялись, и, конечно, поцеловались (открыто, при всех). Читатели скажут, ну вот, только что порицал современную молодежь, обнажающую свои чувства.

Девчонки шумели. Кто-то сбегал за Валькой, ведь она жила здесь же. Кто-то сбегал за девчонками из нашего класса: Женей, Манефой, Любой, Валей Сухановой, Катей Воскрецовой, Машей Брагиной. Ведь целых семь девчонок училось в мединституте из нашего класса. В общем, постоянно кто-то входил. И опять начинались «Ахи! Охи!». Тут же поведали мне, что умерла Лиля Щербакова,

наша первая отличница, также учившаяся в этом институте. Но я уже знал об этом. В общем, встреча эта была волнующей, или, как говорят артисты, «волнительной» не только для меня.

А девчонки! Все стали красивые, милые, впору в каждую можно было влюбляться. Это были уже сформировавшиеся женщины. Но ведь нам хотелось остаться одним с Мирой, а в кагале общаги это было просто невозможно. Я предложил ей куда-нибудь пойти. Мира переоделась. Краситься в то время молодежь не предпочитала, это был удел более старшего поколения. Девчонки нас провожали завистливыми взглядами. Конечно, в комнате общежития знали обо мне. Возможно, что даже читали мои письма. И превращение из какого-то полумифического существа в реальное, произвело впечатление. И девчонки радовались за Миру, характер у нее был несклочный, доброжелательный, и ее любили все те, кто знал.

В опере

И вот мы одни, идем по городу. Но, оказывается, нам еще надо было привыкнуть друг к другу, еще чувствовалась какая-то скованность в словах, в касаниях друг о друга. Куда пойти? Домой к тете Зине? Я считал это неудобным. Бродить вот так по городу, устанем. Где-то спрятаться на скамейке? Почему-то было прохладно. Да, это свойственно Уралу. Частенько в конце мая – в начале июня в Свердловске бывает снег. И мысль пришла – пойти в Оперный театр. Наверное, я обращался к администратору, не помню. И вот в моих руках билеты в первые ряды партера. Не помню, что и слушали, но мы впервые были рядом, ощущая друг друга, слушая какие-то реплики и впечатления об опере. Конечно, в перерывах, то бишь в антрактах, ходили в буфет. А надо сказать, что в буфете Оперного, даже во время войны, кое-что было. Окончилось представление. Проводил свою подружку до общежития. Вернулся домой. Пришлось рассказать тетке о проведенном дне. По-моему, она одобрила, что сразу начал свою гражданскую жизнь с посещения Оперного театра.

УИИ – УПИ и подготовительное отделение

Второй мой день пребывания на уральской земле начался с того, что я рванул в УПИ. Разыскал Бориса Гуляева, моего школьного товарища. Он учился на энергофаке. Рассказал он мне, что из себя представляет УИИ имени С.М. Кирова, что есть подготовительное отделение, и что, в общем-то, это самое престижное высшее учебное заведение в городе, и где лучше всего созданы условия для студентов.

Чтобы не заплутать мне в дебрях ВТУЗ городка и махине институтских зданий, Борис отвел меня прямо в приемную комиссию. Я рассказал все о себе, о том, что Свидетельство у меня имеется, а я через несколько дней буду в институте на подготовительном отделении. Занимались у них две группы. Одна работала в течение года и принимали в нее или из 8-го, или 9-го классов. Вторая группа начала свою деятельность, наверное, с апреля месяца и зачисляли в нее людей, имеющих Свидетельство об окончании десятилетки. И мне выдали справку, что я зачислен на подготовительное отделение Уральского Индустриального института имени С.М. Кирова, как он в ту пору назывался.

Борис рассказал мне, что во ВТУЗ городке живет Юрий Маклаков, окончивший школу годом раньше, учившийся в свое время в мамином классе. Юрка всю войну проиграл на баяне в какой-то летной части, служа там мотористом. Встретились и с ним. На этом, казалось, я закончил все, что намечал сделать в Свердловске. И на следующий день Мира проводила меня на поезд в Верхнюю Туру. Поезд отправлялся поздно вечером и приходил на станцию Верхняя рано утром.

Домой. Возвратились мы не все

Вздрогнули вагоны, поезд медленно тронулся. Помахал Мире рукой. Мы расставались с ней на несколько дней. Заснуть я не мог, ворочаясь с боку на бок на верхней полке плацкартного вагона. Купированных вагонов в ту пору на этой дороге не было. Как я ждал этого дня, этого мгновения, чтобы вступить на землю родного го-

рода! Десятки раз бессонными ночами в землянках, в орудийных ровиках прокручивал, как приеду рано утром на станцию Верхняя, пройду по улицам через весь город, еще безлюдный, с редкими прохожими, которые будут, возможно, останавливаться, провожая меня взглядами. Солдат вернулся домой. Кто-то, может быть, обрадуется, а кто-то горько вздохнет, к кому уже никогда и никто не придет ранним утром.

А вот и наш маленький домик. Постучу в окно, откинется занавеска, и в окне – родной профиль. Мама! Наверное, она не сразу сообразит, кто этот огромный, заслонивший собой все окно. Но, услышав сквозь оконное стекло, знакомое: «Мама!», – засуетится, бросится открывать дверь непослушными руками. И, распахнув ее, прижмется к пропахшей табаком и вагонами, шинели. И будет вот так стоять, не в силах оторваться от сына. Наверное, я видел это даже во сне.

Поезд шел. Ночь только на какое-то мгновение опустила свое черное покрывало, как начало светать. Ведь были почти белые ночи. Я ехал на Север. Мелькали маленькие полустанки, короткие остановки на станциях. Вот проскочил Тагил, где я начинал свою военную службу, не зная, насколько будет благосклонна ко мне военная судьба. Разве я думал тогда, что буду возвращаться в родные пенаты офицером? И, действительно, военная судьба оказалась благосклонна ко мне, мой Ангел-хранитель защитил меня, возможно, за те муки, которые достались отцу. Вот Кушва, Благодать. Уже можно было помаленьку собираться. Да что за сборы-то? Накинул шинель, подпоясался и готов. С каждой минутой, приближавшей меня к станции, мое волнение росло. А как дома? Я уже порядочное время не получал писем, а Валька при встрече ничего не сказала. Поезд дернулся и встал. Взяв в одну руку свой вещмешок, а в другую – чемоданчик, я спрыгнул с подножки вагона. Перрона-то на Верхней не было.

Встреча. Здравствуй, мама!

И вдруг! Что это? Навстречу мне бежит мама и Вовка летит с велосипедом. Это Валька смоталась домой и рассказала о моем приезде. И все получилось, как я писал. Мама уткнулась в мою ши-

нель и стояла, не двигаясь, потом обняла за шею и притянула к себе, а я только прошептал ей: «Мама, я курю». И была она какая-то маленькая. Подскочил и Вовка – обнялись. В момент он приспособил чемодан и мешок на багажник своего велосипеда, и мы двинулись в путь. Приехавшие оглядывали нас. Некоторые говорили: «Что, Антонина Евлампиевна, дождались сыночка!». Другие поздравляли. Ведь в городе многие знали мою маму. В обеих школах она работала.

«Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.
Шагал я с легким багажом,
Счастливый и свободный,
Не отягчал я грабежом
Своей сумы походной».

И это опять Роберт Бернс. И стихи эти не потому, что я шибко знаю его или очень люблю. Просто они случайно попались мне и оказались близкими, отразив те события, в которые я окунулся.

Мы идем по городу, мой взгляд ищет каких-то изменений, но вроде бы все по-старому. Идем мимо моей школы. Какая-то она стала маленькая, наверное, потому, что я стал большой. А вот и наш дом. Честное слово, он внутри напоминал мне наши землянки. Достал нехитрые подарки. Вовка, плюс ко всему, узрел мою офицерскую пилотку и натянул ее на голову. Носи! Она больше мне была не нужна. У меня были: фуражка с артиллерийским черным околышем и отличная офицерская цигейковая шапка, которые я и протаскал все пять лет. Умылся, а на стол легла нехитрая закуска и разварная дымящаяся картошечка, не столовская, а домашняя. Достала мама и бутылочку, припасенную на всякий случай. Куда денешься? Правда, я не сказал: «Мама, я пью!». Выпили. Мама ушла в школу, она ведь находилась через дорогу. Вовка куда-то ускакал, по-моему, у него уже были каникулы. А я уснул сном праведника, спокойным сном человека, сделавшего свое дело и вернувшегося в отчий дом.

В военкомате

Днем я пошел в город. Встречались мне знакомые. Зашел к дяде Ване. Поднялся к бабушке Черноголовой. Я был как именинник. Встретился с кем-то из своих однокашников. И мы пошли по всем нашим девчонкам, которые не уехали из Туры. И вот такой шумной компанией шли по улицам города.

На другой день я выбрался в Кушву в Райвоенкомат. Меня принял военком. Доложив о прибытии, я вручил ему пакет с личным делом и справку о моем зачислении на подготовительное отделение института. Военком пытался меня уговаривать учиться заочно и идти работать. С кадрами в районе было не совсем благополучно. Все-таки, я был партийным и имел среднее образование. Это по тем временам имело большое значение. И людей-то ведь немало погибло. Предлагали мне пойти работать преподавателем военного дела в школу, мою школу в Верхней Туре, кем-то и куда-то в торговлю, и что-то там еще. Однако, я был непреклонен. И тогда военком, не вскрывая пакета с моим личным делом, перечеркнул Кушву и написал «Свердловский горвоенкомат».

А вечером мама устроила небольшой вечер в честь моего возвращения. У нас были: дядя Ваня, тетя Шура и Шильковы Александр Никитич и Нина Николаевна.

Чета Шильковых

Не помню, рассказывал я или нет об этой паре? Когда мама пришла в школу имени М.Горького, то вскоре там директором стала Широкова Нина Николаевна, а мама стала работать и завучем, и учителем. Школа эта была неполносредняя, то есть семилетка. Но это было отличное двухэтажное здание с большой пришкольной территорией. Перед самой войной, после окончания Тагильского педагогического училища, в школу пришел молоденький паренек Шильков Александр Никитич. Нина Николаевна пользовалась большим авторитетом у городских и районных властей. Ее отец был участником гражданской войны, и, по-моему, белые его расстреляли.

Началась война. Александра Никитича в армию не взяли, у него было на глазу бельмо, и он носил темные очки. И как-то уж получилось. Ну, как это получается, наверное, знаете. В общем, образовалась супружеская пара. Она была старше его лет на десять. Наверное, в 1943 году у них родился сын Виталий, а в 1946 году, незадолго до моего приезда, – двойняшки Леня и Наташа. В общем, на этих трех якорях Александр Никитич был крепко посажен в семью. А четвертым якорем стало то, что Нина Николаевна старалась, чтобы Александра Никитича не тянуло из дома. В воскресенье появлялась бутылочка. Приходил ее родственник Арнольд, любитель этого зелья. Вот так и коротали свободные дни. Забегу уж вперед. Приезжая на каникулы и собираясь на танцульки, мне жалко было Александра Никитича, в общем-то, еще молодого и по возрасту, и душой. Бутылочка возымела свое действо, превратившись в привычку, а это сказалось на работе. Александр Никитич заочно окончил педагогический институт и стал директором средней школы, в которой я учился, а в последствии, ее окончил и Вова.

В школе

Пробыл я дома, наверное, еще день. Сходил в школу. Старых моих любимых или уважаемых учителей почти не осталось.

Хмельнов Алексей Николаевич. Остался в кадрах Армии и служил где-то в Иркутске.

Геня Давидовна уехала в Омск.

Галина Александровна отбыла на свою родину – в Питер.

Варвара Михайловна уехала к родным в Пензу.

Там же был и Сергей Николаевич, если он к тому времени вернулся из Армии.

Демобилизовался Семен Алексеевич Щапов и продолжал по-прежнему работать в школе физруком.

Работала Мария Кирилловна. Погиб Павел Данилович.

На другой день я отбыл в Свердловск. Начинался новый этап моей жизни – студенческий.

Содержание

Вступительное слово А.В. Смородинникова 3
Вступительное слово В.В. Ашихина 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Я становлюсь артиллеристом
Едем, братцы, призываться в город Нижний Тагил 7
Баня 8
Казарма 9
В харчевне 10
Присяга 10
Железнодорожный запасной полк 12
Как я чуть не попал в маршевую роту 14
Без ложки нет солдата 15
Мы едем, едем, едем в далекие края 17
Ох, нелегка ты, солдатская служба 17
В теплушке 19
О разведке и контрразведке – СМЕРШ 20
«СМЕРШ» 21
Спецслужбы 22
Задачи СМЕРШа 23
Перед нами Москва и Подмосковье 24
Аты-баты, шли солдаты 25
Что такое обмотки? 26
Запасной полк 27
И снова в путь 30
Чернышевские казармы 32
Как я оказался в бане с девочками 32
Казарма 33
Воздушная тревога и мой боевой пост – под нарами 33
Мой первый наряд вне очереди 35
Наши унтера 35
И опять кухня и караул 36
Зенитная артиллерия 38
Зенитные пушки 39
Оружие славы 39
Нацеленные в зенит 40
Малокалиберная тридцатисемимиллиметровая 41
Толя из армии Власова, но не власовец 44
Маршевая рота 47
Едем в Бологое 48
Бологое 49
На батарее 51
СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ ПВО 52
Оборонительный пояс ПВО 52
Долетали только три из сотни 52
Фронтовая обстановка 54
Землянка – наш дом 56
Что лучше: «бог войны» или «царица полей»? 57
Служим 58
Харчи 59

Поколения сороковых и восьмидесятых 59
В преддверии боя 61
По местам стоять 63
Тревога! Немцы и их тактика 63
Первые бомбы и первые залпы 66
После боя 68
Еще о землянке 70
И так, что же это такое «землянка»? 71
О самолетах наших и не наших 74
Нас дрессируют «отцы-командиры» 76
Изверг 77
И снова вечер, и снова бой 78
Стреляем, а где же сбитые немцы? 79
Даешь Медведево 80
Наши настоящие командиры 81
Медведево тоже бомбят 83
Я становлюсь артиллеристом 84
Почему ты не комсомолец? 86
Мне присваивают звание, первое в жизни, и что из этого вышло 86
Письма 87
Временное затишье 88
Жизнь наша цыганская 88
Диверсанты, а пуганая ворона куста боится 90
Обстановка летом 1943 года 91
Наш подарок Дню авиации 92
Солдатский быт 94
Я – командир орудия и мой расчет 96
Обстановка к осени сорок третьего 98
С Н ОН 98
Зимняя экипировка 99
Серая шинель 100
Страна отмечает своих Героев 101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Что такое счастье?!

С Новым годом, с новой частью 105
Волховский фронт 106
Американка 106
Знамя части и я при нем 108
Обстановка на фронтах к началу 1944 года 109
Жизнь наша кочевая 110
Прорыв Ленинградской блокады, и мы в Волхово 112
Американка – Бофорс М-1 113
Сержант – это уже звучит. Наши офицеры 115
Знакомы ли Вы с педикулезом? 116
«Мойдодыр» №12 117
Секретный состав Минобороны открывает свои двери 117
Я – комсорг батареи 119
Партия – это серьезно 120
На нашем фронте – без перемен 121
Служим 123
Весна и подснежники 123

На волосок от. . . 124
Катя 125
Последствия контузии 126
Женщины армии 126
Еще о Кате 130
Обстановка на фронтах к лету 1944 года 130
Комары 131
Семинар комсоргов. Мне прочат политическую карьеру 131
Учеба 132
Кто сказал, что надо бросить песни на войне? 133
Бьем своих и чужих 134
Был бы армии, он завтра ж офицер. Неожиданный подарок 135
Грустно, грустно расставаться 136
Что такое счастье? 138
Солдатские харчи 138
Курсы и их контингент 139
Наши науки 140
Бытие определяет сознание,в котором или девочки, или каша 141
Второй фронт и обстановка на фронте 142
Курсантский доп.паек 144
Снова Чернышевские казармы 145
Спустя почти пятьдесят – встреча с юностью 146
Учимся 149
Строевая песня 150
Обстановка в Москве и ночные бдения 152
О салютах и фейерверках 153
Ночная Москва 155
Московские развлечения 156
Еще о письмах 159
Новый год 1945-ый и обстановка в стране 160
Учебные стрельбы 162
Мы – офицеры 162
Выпускной банкет 164
Снова в путь 165
Еду в Вильнюс 166
В Вильнюсе. Что лучше 1-ый или 3-ий Белорусский? 167
Первый белорусский фронт 168
Мои случайные попутчики 169
Еще два слова о Вильнюсе 169
Вперед на Варшаву 170
И снова расставание 173
Обстановка в Польше 173
Варшава 176
Назначение 178

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. От Варшавы до Туры
Приказано быть в Люблине 181
Земляк в Майданеке 182
Польская армия 183
Люблин 185

В полку и на батарее 186
Наконец дома 188
Взвод и его взводный 189
Коллеги 190
Обстановка в Польше и А.К. 191
Крымская конференция 193
Германия и обстановка на фронтах в начале 45-го 194
Первый Белорусский фронт 195
По фронтовым дорогам Польши 195
Демблин 197
Мы в фортеции живем, хлеб едим и … 198
Сводки Совинформбюро 199
Служим 200
Дорога к сердцу солдата 202
Салютуем фрицам 203
В Берлин со скоростью 175 м/час 203
Пасха 204
Знамя над Рейхстагом 205
Конец войне 206
Ночью 9-го Мая 207
Наш тост «За Родину! За Сталина!» 207
Самая короткая сводка Совинформбюро 209
Переходим на мирные рельсы 209
Офицеры дивизиона 210
Девушки и Екатерина Секонд 211
Девушки и паненки 212
Катюша 213
Мы – заводы, американцы – патенты 214
Рыбалка 215
Армейский курорт 215
Война закончилась, но стреляют и по нам 216
Спирт, как и водка, бывает хороший и очень… плохой 217
В городе. Бдительность, всегда ли она нужна? 218
Ругаются ли поляки? 219
Потсдамская конференция 220
Наши прогулки 221
Мимо нас идут разные поезда 222
Собираются девушек демобилизовать, а меня – женить 223
Прощание 224
Несостоявшееся путешествие на Дальний Восток и конец Второй Мировой 226
На этом закончилась Вторая Мировая война 227
Еще о моих коллегах Сашке и Толе 227
На зимние квартиры в царские казармы 228
Красноармейские гангстеры 229
Полк расформировали. Расстаюсь со своим взводом. 231
В Млава, в Сводный офицерский полк 232
Мои коллеги и друзья 233
Митрофанов 233
Аликперов 234
Кутолкин 234

Наше времяпрепровождение 235
Забавы 236
Держаться, авось демобилизуют 237
Дранг нах Остен – на Родину. Неожиданная встреча 237
Львов 239
Едем в Черновицы 239
Черновицы и 27-ой офицерский полк 240
Полк и его структура 240
Виллы Черновиц 241
Наш распорядок дня 243
Вырвались на волю 243
Еще о городе 244
Танцы, танцы, танцы 245
Журавли (П.Лещенко) 246
Тоска по Родине (П.Лещенко) 247
К пани до мешкани 248
Вынужденное знакомство 249
Офицерские забавы 249
Казарма на замке. Как удрать в увольнение? 250
Где укрыться самовольщику от начальства? 251
В назидание потомству 253
Выборы в Верховный Совет СССР и сложности кампании 253
Агитколлектив и я при нем 255
Моя агитработа 256
Занятия и знакомство с аборигенами 258
Встреча Нового 1946 года 259
Зима в Черновицах 260
Нас «водят гулять» 260
Дневалим 261
Офицерский патруль 262
Витька сачкует, а я собираюсь воспитывать суворовцев 263
Как комиссоваться из Армии и что из этого вышло? 265
Весна! Весна! На улицу! 266
Футбол с командующим 267
Минорный настрой 268
Подготовка ко Дню Победы 269
Пасха и цивилизация 270
Демобилизуют 271
Путь далекий – домой 272
В Москве 273
Послевоенный рынок 273
Пятьсот-веселый 274
В Свердловске 275
Мира и медички 276
В опере 278
УИИ – УПИ и подготовительное отделение 279
Домой. Возвратились мы не все 279
Встреча. Здравствуй, мама! 280
В военкомате 282
Чета Шильковых 282
В школе 283

Мой отец, Смородинников Василий Михайлович
и я с мамой, Сапожниковой Антониной Евлампиевной

Верхняя Тура – город отрочества и юности

Верхняя Тура. Отсюда я ушел на фронт

«Фронтовой» 10-й класс

Солдатский «классный» вагон.
Так мы отправлялись на фронт

Смерть немецким оккупантам!

НАРОДЫ НАШЕЙ СТРАНЫ „ВВЕРИЛИ СВОЮ СУДЬБУ КРАСНОЙ АРМИИ И НЕ ОШИБЛИСЬ В СВОИХ НАДЕЖДАХ"
Сталин

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Присяга солдата РККА

Вот этим предстояло бы заниматься,
если бы я остался в ж/д войсках

38-милиметровая зенитная пушка – мое первое орудие

МОИ КОМАНДИРЫ

Командир батареи старший лейтенант Грищенко Г.Г.

Командир огневого взвода лейтенант Савинкин П.С.

Командир орудия старший сержант Г. Перебейнос

На долгую память
от твоих подруг Жени, Миры и
Маши. Урал 1943г. 4
(Женя Рудева, Мира Кютик, Маша
Брагина)

На память, братишке,
Саше!
Если встретиться нам
не придется, если
Так уж жестока
судьба, пусть на
память тебе останется
неподвижная личность
моя! Польша 1945г.

Мл. серж. Гордеева Аня
Москвичка

Сержант Саша Смородинников.
Москва, ноябрь 1944 г.

Мои взвод и друзья
1-я дивизия, 1857 ЗАП МК

3-я батар.
Мои бойцы!

4-у орд расчёт
Ком - с-т Суслов
1. мл.с-т Головнев
2. кр-ч Логвинов
3 сфр Зайкин
4. с-т
5 кр-ч Пескуров
6. кр-ч Башкиров
7. мл.с-т Гончарук

5-у орд расчёт
Ком. с-т Коробков
1. мл.с-т Лавеш
2 кр-ч Матлашкин
3 кр-ч Рузин
4 кр-ч
5 мл с-т Берёзкевич
6 кр-ч Мекентьев
7 кр-ч Жежера

6-у орд расч.
Ком. с-т Ермак
1 кр-ч Вертинев
2 кр-ч Свердлов
3 кр-ч Солнцев
4 кр-ч Чигинов
5 кр-ч Машеев
6 кр-ч
7 кр-ч

Нижний ряд сидят командиры орудий
Коробков, Суслов, Ермак

Офицеры
Стоят слева: лейтенант Гордиенко - ст. л-т. Ковыршин П - Комбат
стоят справа зам по полит. кап. Корнеевых, зам по строю Гонцов
Сидят - 3-у ряд мл.л-т. Смородинников - ком отд. взвода
4-у ряд мл.л-т. Иванов - ком 82 мм, мл. л-т Балабанов

Польша, 1945 г.

Вот и расстались мы, три взводных
Белобочков, Смородинников, Иско.
Разметали нас судьбы в разные
стороны не дав возможности
встретиться Польша 1945 г.

Офицеры 1-го ДИВИЗИОНА 1857 ЗАП.МК
Зенитно-артиллерийский ПОЛК малого калибра)
СВЕРХУ ВНИЗ

1-й ряд (слева на право): л-т Булатников; мл.л-т Куполкин, мл.л-т Корнеев, мл.л-т Смородинников; л-т Иванов, мл.л-т Балабанов, л-т .....

2-й ряд (слева на право): мл.л-т Лукьянов; ст.л-т Мельников; ст. лейт. Гхецазе, ст.л-т Стукалин, ст.л-т Еременко; к-т Корнеев, мл.л-т Слюсаренко

3-й ряд (слева на право): серж. Кроль, ст.л-т Ковыршин л-т Рашевский.

Польша 1945 г.

Станция Бологое.
Здесь я принял боевое крещение

Демблин, Польша.
Здесь на переправе через Вислу я встретил Победу

Младший лейтенант
Александр Смородинников

35 лет Победы. С коллегами по институту воссоздаем события апреля-мая 45-го

Фронтовики института Уралмеханобр

Поздравление Ю. Левитана
коллективу института Уралмеханобр

Сердечно поздравляю Вас,
сотрудников института с
Великим праздником – 35 лет Победы!

Успехов Вам, творческих свершений
и многих радостей!

Левитан

Возвращение в юность